

ISSN 1992–7940

ФИЛОЛОГИЯ И ЧЕЛОВЕК

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит четыре раза в год

№ 3

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2026

Учредители

ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»
ФГБОУ ВО «Горно-Алтайский государственный университет»

Редакционный совет

А.А. Чувакин, д.ф.н., проф. — председатель (Барнаул), О.В. Александрова, д.ф.н., проф. (Москва), К.В. Анисимов, д.ф.н., проф. (Красноярск), Е.Н. Басовская, д.ф.н., проф. (Москва), В.В. Красных, д.ф.н., проф. (Москва), Л.О. Бутакова, д.ф.н., проф. (Омск), Т.Д. Венедиктова, д.ф.н., проф. (Москва), О.М. Гончарова, д.ф.н., проф. (Санкт-Петербург), Т.М. Григорьева, д.ф.н., проф. (Красноярск), Е.Г. Елина, д.ф.н., проф. (Саратов), Е.Ю. Иванова, д.ф.н., проф. (Санкт-Петербург), Ю. Левинг, PhD, проф. (Канада, Галифакс), О.Т. Молчанова, д.ф.н., проф. (Польша, Щецин), М.Ю. Сидорова, д.ф.н., проф. (Москва), И.В. Силантьев, д.ф.н., проф. (Новосибирск), К.Б. Уразаева, д.ф.н., проф. (Казахстан, Астана), И.Ф. Ухванова, д.ф.н., проф. (Белоруссия, Минск), Э. Хоффман, Dr. Philol, доц. (Австрия, Вена), А.Д. Цветкова, к.ф.н, доцент (Казахстан, Павлодар), А.П. Чудинов, д.ф.н., проф. (Екатеринбург).

Главный редактор

Т.В. Чернышова

Редакционная коллегия

П. В. Алексеев (зам. главного редактора по литературоведению и фольклористике), Л. А. Козлова (зам. главного редактора по лингвистике), К. И. Бринев, М. П. Гребнева, В. Н. Карпухина, Л. М. Комиссарова, А. И. Куляпин, Е. В. Лукашевич, В. Д. Мансурова, Е. Г. Романова, С. А. Осокина, Ю. В. Трубникова, Л. Н. Тыбыкова

Секретариат

О.А. Ковалев, С.Б. Сарбашева

Адрес редакции: 656049, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66;
Алтайский государственный университет, Институт гуманитарных наук, оф. 405а.
Тел.: 8 (3852) 296617. E-mail: soveto1@filo.asu.ru

Адрес на сайте АлтГУ: <http://journal.asu.ru/pm/>

Адрес в системе РИНЦ: https://www.elibrary.ru/title_about_new.asp?id=25826

Адрес в Open Journal System: <http://journal.asu.ru/pm/index>

ISSN 1992–7940

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

- Н. З. Кольцова.** Слово и тело. Притчевая поэтика телесности
в романе А. Платонова «Чевенгур»..... 7
- К. В. Смирнов.** О специфике поэтики очерка «Простые смертные»
С. Д. Хвоцинской 23
- М. П. Гребнева.** К вопросу о системности восточных поэм
М. Ю. Лермонтова 41
- Н. В. Малинина.** Литература и спорт. Повесть Л. А. Кассиля «Ход
белой королевы» 59
- Р. С. Гранин.** Декомпозиция французского стиля Эмиля Чёрана 77
- С. В. Зубова, Т. П. Сыроватская.** К вопросу об образе автора
в научно-популярном тексте: два типа деформации жанрово-
стилистического канона 97
- К. А. Ермолова.** Особенности лексической сочетаемости
прилагательных с корнем *-театр-* в газетном корпусе..... 112
- Ю. В. Зверева.** Родство, семья и семейные отношения в русской
диалектной лексике Пермского края..... 126
- Л. И. Москалюк, О. С. Москалюк.** Антонимические
отношения компаративных фразеологизмов в российско-немецких
диалектах..... 148
- А. И. Обухов, С. А. Осокина.** Дословность и рассогласованность:
ограничения машинного перевода технической терминологии..... 165

Научные сообщения

Т. А. Болатов. Поэтический текст как источник интертекстуальных включений в англоязычном песенном дискурсе (на примере стихотворения Р. Фроста «Nothing Gold Can Stay»)...	180
Т. Ли. Заимствование как способ пополнения ономастикона (на материале сортовых названий томатов).....	191
Н. В. Кожанова. Семантические трансформации газетных обозначений немецких среднеспециальных профессий.....	202
Е. А. Мозгачева. Концепт WIZARD в художественной картине мира романа «Harry Potter and the Goblet of Fire»; традиционная и авторская репрезентация	213
Е. А. Важина. К вопросу об обучении профессии медиаменеджера в системе российского высшего образования	224

Люди. Факты. События

Е. С. Кара-Мурза. Медиалингвистика в аспекте междисциплинарности (обзор итогов юбилейной X конференции «Язык в координатах массмедиа», СПбГУ, 1–4 июля 2026)	237
Резюме	250
Наши авторы	265

CONTENTS

Articles

- N. Z. Koltsova.** Word and Body. Parable Poetics of Physicality in
A. Platonov's Novel *Chevengur*7
- K. V. Smirnov.** About the Specifics of Poetics of the Essay *Mere Mortals* by
S. D. Khvoshchinskaya23
- M. P. Grebneva.** On the Systematic Nature of M. Yu. Lermontov's Oriental
Poems41
- N. V. Malinina.** Literature and Sports. L. A. Kassil's Novel "The White
Queen's Move"59
- R. S. Granin.** Decomposition of the French Style of Emil Cioran77
- S. V. Zubova, T. P. Syrovatskaya.** On the Image of the Author
in Popular Science Texts: Two Types of Deformation of the Genre-Stylistic
Canon.....97
- K. A. Yermolova.** Features of Lexical Combinability of Adjectives with the
Root *-theatre-* in the Newspaper Corpus112
- Yu. V. Zvereva.** Kinship, Family, and Family Relations in the Russian
Dialectal Vocabulary of the Perm Territory.....126
- L. I. Moskalyuk, O. S. Moskalyuk.** Synonymic Relations of Comparative
Phraseological Units in Russian-German Dialects.....148
- A. I. Obukhov, S. A. Osokina.** Literalism and Inconsistency: Limitations of
Machine Translation of Technical Terminology165

Scientific reports

T. A. Bolatov. Poetic Text as a Source of Intertextual Elements in English Song Discourse (Exemplified by R. Frost's Poem "Nothing Gold Can Stay").....	180
Li Tong. Borrowing as a Way to Expand Onomasticon (Based on Tomato Variety Names).....	191
N. V. Kozhanova. Semantic Transformations of Modern German Denominations of Vocational Jobs	202
E. A. Mozgacheva. The Concept WIZARD in the Fictional Worldview of the Novel "Harry Potter and the Goblet of Fire": Traditional and Authorial Representation	213
E. A. Vazhina. On Educating the Media Manager in the Russian System of Higher Education	224

People. Facts. Events

E. S. Kara-Murza. Media Linguistics in the Aspect of Interdisciplinarity (Review of the Results of the 10 th Anniversary Conference "Language in the Coordinates of Mass Media", St. Petersburg State University, July 1–4, 2026).....	237
Summary	250
Our authors	265

СТАТЬИ

СЛОВО И ТЕЛО. ПРИТЧЕВАЯ ПОЭТИКА ТЕЛЕСНОСТИ В РОМАНЕ А. ПЛАТОНОВА «ЧЕВЕНГУР»

Н.З. Кольцова

Ключевые слова: советская литература 1920-х гг., Платонов, «Чевенгур», роман взросления, поэтика телесности

Keywords: Soviet literature of the 1920s, Platonov, “Chevengur”, coming-of-age novel, poetics of corporeality

[https://doi.org/10.14258/filichel\(2026\)3–01](https://doi.org/10.14258/filichel(2026)3–01)

Введение
О «Чевенгуре» как о притче исследователи писали уже не раз [Иванов, 2000, с. 645–648]. Столь же основательно разработана и тема телесности в творчестве писателя. Так или иначе тему пола в творчестве Платонова затрагивали все выдающиеся исследователи — Е. А. Яблоков, Н. В. Корниенко, Н. М. Малыгина и др. Думается, однако, что связь между притчевым мышлением Платонова и вниманием к различным проявлениям жизни тела более тесная, чем это может показаться на первый взгляд.

Цели, задачи, методы и материалы исследования

Актуальность исследования определяется тем, что вопросы жанровой специфики романа «Чевенгур» и поэтика телесности, достаточно хорошо изученные специалистами, в современном платоноведении, как правило, существуют независимо друг от друга. Так, при выявлении жанровой доминанты романа литературоведы чаще помещают его в контекст утопии / антиутопии, тогда как проблемы тела и пола соотносят с философской мыслью — Федорова, Розанова и др. В данной статье рассматривается тесное взаимодействие между притчевым началом романа Платонова и авторской сосредоточенностью на жизни тела, поскольку обе категории суть проявление специфического мифопоэтического мышления: миф, если ориентироваться на «Диа-

лектику мифа» Лосева, лежит в сфере не трансцендентных сущностей, но феноменологии.

Цель данного исследования заключается в выявлении истоков очевидной «зависимости» поэтики романа (в том числе повествовательной стратегии) от авторской установки на воспроизведение телесных проявлений жизни — истоков не только философских, но и психофизиологических.

Для достижения поставленной цели были определены следующие задачи:

1. Постижение особенностей мировосприятия (мирочувствования) Платонова, которое коррелирует с размышлениями русских и европейских философов.

2. Анализ онейрической (сновидческой) техники автора и дешифровка с помощью данного анализа метафорической системы романа.

3. Анализ синестетической картины мира, возникающей не благодаря установке на синтез искусств (как это было у большинства современников писателя, в том числе у Булгакова и Замятина), но с помощью воспроизведения работы архаических пластов человеческой психики.

Научная новизна исследования состоит в комплексном изучении так называемого «телесного» слова Платонова, являющего собой одно из воплощений «вещества существования». В ходе исследования были подробно рассмотрены проявления повышенного интереса автора к вопросам тела и пола — на уровне как отдельных персонажей и сцен, так и повествовательной фактуры в целом. Данное исследование преодолевает ограничения, присущие одному из способов анализа текста (с точки зрения жанровой природы, с одной стороны, или интереса к авторской аксиологии — с другой), и позволяет увидеть неразрывную связь между различными уровнями платоновской поэтики.

Теоретическая значимость данного исследования определяется выявлением новых подходов к анализу жанровых особенностей произведения и возможностью служить примером для разработки теории комплексного анализа художественного текста.

Практическая значимость исследования заключается в дальнейшем использовании предложенных в нем стратегий анализа в качестве методического пособия для изучения художественных особенностей произведений авторов, сосредоточенных на вопросах тела и пола (Мамлева, Сорокина и др.).

Методологической основой исследования является комплексный подход, включающий в себя герменевтический, историко-культурный и психолингвистический методы.

Результаты исследования

Интересно, что в средневековой литературе (включая и житийную) было распространено обращение к вопросам, связанным с жизнью тела, в том числе телесного искушения, болезни и смерти, изображавшихся весьма подробно (достаточно вспомнить «Савву Грудцына»). Платонов, выросший в слободской среде, безусловно, учитывает эту традицию. Как подчеркивает Н. В. Корниенко, «... круг чтения в российской деревне и слободе к началу XX века складывался в основном из церковных книг, духовно-нравственной, житийной литературы» [Корниенко, 2000, с. 133].

Сон, болезнь, смерть в «Чевенгуре» раскрываются не как абстрактные категории, но как проявления жизни тела — своего рода модели универсума, в котором духовное и материальное существуют в единстве. Потебня писал: «есть большая разница между физиологическим и психологическим взглядом на чувства. Физиология исследует только заключенные в организме условия, без которых было бы невозможно образование в душе известных ощущений; психология не спрашивает об этих условиях, не доискивается, какие изменения происходят в теле, когда мы чувствуем голод, усталость или свет и звук, и принимает ощущения за готовые данные душевной жизни» [Потебня, 1989, 71]. Для Платонова, безусловно, важна выявленная Потебней разница между психологией и физиологией — как важна и связь между ними, которую он фиксирует поистине с медицинской точностью. Такая глубинная связь тела и мира может быть доступна если не разуму, то подсознанию именно во сне. Для спящего субъекта (того внутреннего «я», которое одновременно является зрителем и участником «событий») внешнее и внутреннее пространство взаимнообратимы: внешний раздражитель может восприниматься как собственная интенция организма (тела), и, напротив, некое состояние может экстраполироваться на картину внешнего мира и даже получать образное воплощение. Отчуждение от собственного тела — аномалия, известная современной медицине и психиатрии, но подобное состояние, когда «мешает» нога или рука, знакомо и здоровому человеку, и неслучайно такое состояние закреплено и в языковых штампах: *тело одеревенело, не слушается, ноги как ватные, руки и ноги как чужие* и т. д. Актуальная для Платонова тема отчуждения от тела получает разрешение в рассказе «Мусорный ветер» — герой отрезает свою ногу. Действие совершается механически, боли герой не чувствует, нога воспринимается им как чужой предмет.

Во сне по-особому ощущается тело: не взглядом извне, как это происходит в зеркале, а изнутри. Все ощущения обострены и словно вывернуты вовне. Спящий (проснувшийся) не всегда и не сразу может понять источник и даже место боли. И тела других во сне воспринимаются «внутренним» зрением — путь противоположный тому, который происходит в реальности, — не от внешнего впечатления к его осмыслению и обработке методом сопоставления с собою, не от разглядывания к вынесению суждения, но движение от знания (вёдения по Лосеву) человека — к его «конструированию», «воссозданию». И в этом отношении сновидец уподобляется художнику, который «дорисовывает» модель в ее отсутствие. Таким образом, установкой на воссоздание законов сна объясняется и зыбкость границ не только между ментальными сферами персонажей, но и их телесными «воплощениями».

При отсутствии «явной» фантастики в «Чевенгуре» создается образ чрезвычайно пластичного и текучего мира. В романе снимаются различия между «телом» Чевенгура (и окружающего его пространства) и «организмом» невыявленного повествователя (подобный изоморфизм уровней текста обнажает и его лирическую природу). Разумеется, не следует ограничиваться фрейдистским толкованием тех или иных эпизодов, как не следует подходить к платоновскому тексту с позиций анализа, предложенного Дж. Джойсом по отношению к «Улиссу»¹, — пытаться исследовать архитектонику или хронотоп произведения в соотношении с человеческой анатомией. Этот прием характерен для другого произведения А. Платонова — романа «Счастливая Москва», в котором введение в дискурс тела одновременно оказывается постижением «анатомии города». Этот прием используется в русской литературе в разных целях — например, для создания физиологического очерка (как у представителей натуральной школы или Гиляровского). Если Гоголь видел в «Ревизоре» душевный город (Н. В. Гоголь. 2003. С. 121), то Платонов идет дальше. Он берет мир во всей его целокупности: мир представлен как организм, объединяющий душу, тело, разум, — все уровни жизни России оказываются в центре внимания художника.

¹ Каждая глава романа «Улисс» будто бы соответствует описанию органа или части человеческого тела. Однако, как подчеркивают не только В. Набоков, подозревающий Джойса в мистификации, но и С. Хоружий, склонный скорее доверять писателю, данная установка не выдержана в тексте романа — и не может быть соблюдена уже потому, что количество глав явно не соответствует числу значимых частей человеческого тела [Хоружий, 1994].

Состояние тяжелого сна, в котором пребывает русская земля, читатель должен воспринимать не как отвлеченную аллегорию, а как нечто вполне осязаемое: ему предстоит по мере чтения погружаться в этот тяжелый сон, чтобы проживать все его стадии вместе с повествователем — или миром-текстом (и все ипостаси сведены воедино в слове — предельно осязаемым, словно телесным). Подобное предположение выглядит тем более обоснованным, что Платонову свойственно мышление вещественными (более того, телесными) метафорами, которые, разумеется, также попадают в поле авторской саморефлексии и даже становятся объектом автопародии, что весьма характерно для писателя, который часто сокровенные мысли подает в травестированной форме, доверяя их не самому важному персонажу. Так, прием обнажения приема можно обнаружить в рассказе Платонова «Эфирный тракт», в котором физическое самочувствие героя оказывает непосредственное влияние на состояние мира просто потому, что человеческий организм и макрокосм — это одно. Петропавлушкин, селькор газеты «Беднота», так объясняет эту связь: «И вот я уверился, что Млечный Путь лопнул от мыслей Исаака Григорьевича. Смешно говорить, но он умер от такого усилия. У него жилы лопнули в голове, и произошло кровоизлияние. Кроме Млечного Пути, Исаак Григорьевич навеки испортил одну звезду и совлек Солнце с Землею с их спокойного гладкого пути. От этого же, я так думаю, и какая-то планета отчего-то прилетела на Камчатские полуострова. Но дело прошлое. Теперь Исаак Григорьевич умер и только зря поломал мировое благонадежное устройство. А мог бы он и добро делать, только не захотел отчего-то и умер...» (А. П. Платонов. 2016. С. 160). Родство микро- и макрокосма, по Платонову, — это всеобъемлющий закон мироздания, и потому в цепочку взаимопревращений и взаимопереходов вовлечены все сферы человеческого бытия, в том числе и творчество².

О «телесном» восприятии творческого акта — как акта физиологического — свидетельствуют очень смелые метафоры, которые встречаются в письмах писателя: «Опять придется лечь на свою „музу“: она одна мне еще не изменяет. Полтораста страниц насиловал я в „Эфирном тракте“» (А. П. Платонов. 2013. С. 188). И, пожалуй, самое откровенное

² Теоретическое обоснование изоморфизма микро- и макрокосма в литературе дано в работах В. Н. Топорова [Топоров, 1983; Топоров, 1980]. Анализу мифологического мышления как изоморфизма посвящена статья Ю. М. Лотмана и Б. А. Успенского «Миф – имя – культура» [Лотман, Успенский, 1992]. В связи с моделью мира Платонова см. работу М. А. Дмитриховской [Дмитриховская, 1999].

высказывание о Музе: «Она — это мой пол в душе» (Там же). Иными словами, не только мысль, но и текст, слово для писателя столь же материальны, телесны, вещественны. Ощущение телесной муки, слабости, обескровленности, анемии сообщается и читателю не только через героев, но, кажется, от самого повествователя (который даже не описывает то или иное ощущение, но внушает его читателю). Сuggestивность платоновской прозы имеет и «медицинское обоснование»: вспомним, что Платонов восемь месяцев болел тифом, находился на грани жизни и смерти и знал все оттенки ощущений человека, находящегося в забытии или борющегося с недугом. Образ озера, обрамляющий вязкое повествование романа, в таком случае получает особое значение, воплощая не столько некую абстрактную идею, сколько телесную потребность в прохладе, очищении, свежести и легкости — жажду как таковую и жажду избавления от тяжести собственного тела (а не умозрительной тяжести или бренности бытия). Образ озера становится тем символом, который, по Лосеву, обладает осязаемостью или даже телесностью.

Заявленная на тематическом уровне тема болезни (болезнь Саши) в дальнейшем раскрывается через поэтику — прежде всего с помощью установки на суггестию. В творчестве Платонова проявляются такие противоположные свойства его натуры, как предельная деликатность и даже стыдливая целомудренность в изображении внутренней жизни человека (Платонов редко непосредственно называет то или иное движение души своего героя, словно боится ранить если не его, то читателя категоричностью и резкостью суждений), и в то же время бесстрашие в подаче натуралистических сцен и картин, изобилующих физиологическими подробностями. Было бы преувеличением утверждать, что до Платонова русская литература не решалась на подобную откровенность. Однако, на наш взгляд, влияние на платоновскую поэтику телесности оказала не столько проза модернизма³ (и, разумеется, не классического реализма, дистанцирующегося от натурализма, с которым сближаются скорее именно модернизм и авангард), сколько фольклор, с одной стороны, и литература формирующегося социалистического реализма, в свою очередь, наследующая авангарду, — с другой. Известно, что Платонов ценил творчество Николая Островского⁴, роман кото-

³ Модернистская литература этого времени, разумеется, столь же активно осваивает область телесности — Б. Пильняк, А. Мариенгоф, Ю. Олеша.

⁴ «...мы уверены, что Павел Корчагин есть наиболее удавшаяся попытка (считая всю современную советскую и всемирную литературу) обрести наконец того человека, который, будучи воспитан революцией, превозмог в духовном качестве поколение сво-

рого — при всем его романтическом пафосе — весьма подробно освещает жизнь тела. В то же время Платонов-критик (Человеков) иронично пишет о С. Малашкине, известном своими «натуралистическими» произведениями, но, очевидно, что Платонова возмущает не сам материал, а подача онного. Советская проза и поэзия 20-х гг. XX в. не отворачиваются от проблем тела и пола, которые в 30-е гг. будут вытеснены из литературы «большого стиля». Внимание к телу в первые послереволюционные годы проявляется и в том, что из сферы художественного осмысления не исключается и смерть, которая становится повседневной, — отсюда поистине мортальная эстетика новой, формирующейся пролетарской культуры, на первых стадиях своего развития пронизанной ощущением материи существования. И в этом отношении проза Платонова, как и произведения Пильняка, воспринимаются не только как художественный эксперимент, а едва ли не как документ эпохи.

Платонов последовательно, настойчиво, с каким-то едва ли не маниакальным упорством развивает тему пола в своем творчестве. «Чевенгур» изобилует шокирующими сценами. При этом несложно заметить, что сексуальность в «Чевенгуре» не есть проявление витальности, здоровья, воли к жизни (исключением являются Прошка и Клавдюша, не самые «платоновские» герои — прежде всего потому, что до финальной сцены в рассудочном и прагматичном Прошке сложно обнаружить хотя бы одну привлекательную черту). Она не связана с радостью обладания, более того, чаще ассоциируется не с представлением о телесной «избыточности», но, напротив, — с мыслью об ущербности, физической неполноценности, бессилии. Неудивительно поэтому, что платоновское творчество в целом и роман «Чевенгур» в частности предоставляют богатый материал для исследования разнообразных сексуальных перверсий — от зоофилии, геронтофилии, фетишизма (сцены в «Чевенгуре» дают основания для таких смелых выводов) и до самых «экзотических» видов девиантного сексуального поведения (как, например, любовь к ампутантам в «Счастливой Москве»).

Источники платоновской веры в «телесность» или «вещественность» мысли, возможно, следует искать не только в философии Федо-

его века: на своей родине он стал примером для подражания всей молодежи. <...>

И вот открываются страницы простого и наиболее человеческого романа нашего времени... Много есть в советской литературе произведений, написанных искуснее, но нет ни одного... более отвечающего нужде народа, чем «Как закалялась сталь». В этом романе обнаружился конечный результат долголетних, могучих усилий социалистической революции — новый, лучший человек...» (А. П. Платонов. 2023. С. 77–78).

рова и его последователей (Вернадского прежде всего), но и в учении марксизма с его доктриной материализма, и, как предполагает Баршт, в антропософском учении [Баршт, 2000]. Подчеркнем, что мышление Платонова, на наш взгляд, строится не на выборе одной из моделей, но на их амбивалентном соединении, что также характерно для мифологического мышления, снимающего различия между оппозициями [Маковский, 1996]. Безусловно, можно рассуждать о влиянии на платоновскую философию пола фрейдистской, розановской и даже марксистской концепций [Кубо, 2001], однако прежде всего ощущается диалог с федоровской моделью мира, в центре которой — страх перед полом, деторождением. Федоровская утопия, подменяющая рождение воскрешением, остраивает естественные процессы, подавая их как что-то чудовищное, противоестественное, страшное. Заметим, что в «Чевенгуре» подобное остраивающее видение пола прежде всего связано с воссозданием взгляда ребенка — но это не столько точка зрения маленького старичка Прошки, сколько Саши Дванова. При том что сцена родов дается сквозь призму восприятия именно Прошки, сложно говорить о воссоздании психологии ребенка (по крайней мере, в современном понимании): современная наука утверждает, что для ребенка преждевременное посвящение в тайны пола всегда оборачивается травмой, поскольку все, связанное с сексом, у него ассоциируется с агрессией и насилием. Для «старичка» же Прошки сексуальная жизнь родителей становится угрозой лишь потому, что появление новых «ртов» совершенно оправданно воспринимается им как предпосылка голодной жизни. Но если в связи с рано повзрослевшим Прошкой тема любви окрашена в будничные тона, то на уровне образа Саши Дванова, героя, духовно близкого самому автору, она обретает поистине трагическое звучание, выявляя неслиянность, дисгармонию духовного и телесного, формируя тот конфликт, который заставляет вспомнить о соловьевской трактовке любви как абсолютной солидарности. И здесь имя Сони Мандровой может восприниматься как отзвук ведущей партии блоковской «трилогии вочеловечения». Преодоление страха, ужаса перед жизнью тела — закономерный процесс взросления и при этом поистине болезненный этап в жизни человека. И, как нам кажется, сцена, выписанная с медицинской скрупулезностью и даже дотошностью и на первый взгляд не несущая на себе важной смысловой нагрузки: «Он сжал ногу коня обеими руками, нога превратилась в благоухающее живое тело той, которой он не знал <...> он вскрикнул в забвении своего освобождения...» (А. П. Платонов. 2021. С. 79), оказывается одной из ключевых в романе. Натуралистически поданный эпизод вписыва-

ется в картину инициации героя, инициации, которая оказывается гораздо более тесно связанной с жизнью тела, чем было принято изображать в русской классической литературе XIX в. На наш взгляд, Платонов, создавая свой роман воспитания (точнее было бы назвать его романом взросления), опирается на фольклорную традицию, весьма чуткую ко всем сторонам жизни человека, не сводя весь комплекс проблем, стоящих перед личностью в разные периоды жизни, лишь к выбору социальной функции и призвания. Инициация (а это ключевая категория в фольклорных сказках) предполагает посвящение человека в новую жизнь, а следовательно, и переход в иное состояние, в том числе *телесно* иное. Но рождение в новом качестве возможно через «умирание» в прежнем, что отражено в обрядах оплакивания невесты и пр. Забегая вперед, отметим, что в свете фольклорной традиции трагический, на первый взгляд, финальный аккорд произведения, уход Саши Дванова из жизни, можно воспринимать лишь как завершение этапа жизненного пути: герой покидает мир юности — «ювенильное море», если воспользоваться метафорой Платонова.

Итак, взросление человека непосредственно связано с изменениями его тела, и платоновский текст в этом отношении наследует не столько традиционному роману воспитания, сколько фольклорной традиции — и даже не волшебной сказке, а ее истокам (морфологическим корням). Роман воспитания, таким образом, в XX в. в творчестве Платонова обретает новые качества, связанные со снятием запретов на изображение жизни человека во всех ее проявлениях, в том числе и физиологических, как это происходит и в творчестве Дж. Джойса, чей «Портрет художника в юности» изобилует смелыми эпизодами и сценами. Следует признать, однако, что новаторство Джойса на фоне традиций европейской литературы не столь ощутимо (английская литература в этом отношении оказывается гораздо менее целомудренной: «Жизнь и мнения Тристрама Шенди» Л. Стерна, «Приключения Перегрин Пикля» Т. Смоллетта и др.). Платонов фокусирует внимание на том, о чем не принято было рассуждать в связи с темой взросления, привлекая внимание к аспекту жизни, который традиционно выводился за пределы концепта детства и юношества, — к чувству беспомощности и унижения, телесно знакомому каждому, но, как правило, вытесняемому из памяти. Эти проявления незрелости тела становятся причиной настоящих страданий в младенчестве, когда человек пребывает в мире немоги и страха позора, будучи зависим от «полноценных» людей, т. е. взрослых. И если литература социалистического реализма вскоре будет изображать взросление человека как светлый путь (в 20-е гг. еще есть «не-

выхолощенные» сцены — например, у Н. Островского), то Платонов показывает болезненный переход из одной стадии в другую — и в этом отношении более чем точен даже с точки зрения медицинского подхода: мир детства — отнюдь не идиллия, но пространство хворей и болезней, страхов и фобий. Выход из этого мира также осуществляется через болезненное постижение нужд тела: переход на каждый новый этап предполагает столкновение с новыми проблемами — не только духовными, социальными и пр. Стадии детства, юности, зрелости и старости медицински точно и правдиво обозначены писателем — обозначены, но не всегда раскрыты в полной мере. С образом центрального героя связаны именно мотивы детства и юности; зрелость автор «отдает» другим персонажам — в частности, Сербинову. И далеко не случайно именно с этим проходным, казалось бы, персонажем связаны шокирующие сцены. И не случайно в сценах «осквернения» Сони действует не Саша Дванов, но его двойник, точнее — воплощение героя в ином возрастном измерении — Сербинов.

Соитие Сербинова и Сони на могиле его матери можно трактовать как попытку возвращения в материнское лоно (в том числе и лоно земли, что особенно актуально в связи с символикой озера Мутева). Однако необходимо учитывать и композиционную роль данного эпизода, проливающего свет на соотношение между персонажами. То, о чем не смел и мечтать Дванов (вспомним, что он лишь в бреду переживает физическое соединение с Соней, «глубоко возобладав» ею в воображении), кощунственно легко («без черемухи») осуществляет его двойник Сербинов (версию двойничества персонажей наиболее убедительно рассмотрел Яблоков, увидевший автобиографизм в каждом из них: «Сербинов предстает „двойником“ Дванова, явившимся к нему „из будущего“; Дванов и Сербинов — как бы два автопортрета Платонова, относящиеся к разным эпохам (начало и конец 1920-х гг.) и топосам (Воронеж — Москва), которые встречаются в утопическом „безвременье“ Чевенгура» [Яблоков, 1999а, с. 19; 1999б, с. 55]). Снижение, заземление (в буквальном смысле слова) высокого (небесного) чувства Саши показывает трагическую разобщенность, неслиянность любви небесной и земной. Соня (очень домашнее, детское имя), ассоциирующаяся с Софией Соловьева и Блока, обернется Софьей Александровной. На первый взгляд, тональность эпизода отвечает федоровской концепции пола и тела. И все же можно предположить, что Платонов не только наследует Федорову, но и вступает с ним в диалог: само погружение в юношескую психологию в платоновском романе, в свою очередь, ста-

новится средством остранения федоровской концепции пола, которая таким образом осмысливается как «детская» и незрелая.

Остранение как способ подачи «сокровенных» тем, безусловно, не является открытием Платонова. И современная Платонову литература (творчество Пильняка, Малашкина и др.), и русский фольклор (так называемые заветные сказки, о которых пишет Шкловский в связи с теорией остранения) не обходили стороной тему пола. Интересно, что Смирнов, рассматривающий смену эпох и литературных стилей (от романтизма до постмодернизма) в соотношении с этапами психофизиологического развития личности, вполне во фрейдистском духе объясняет «раскрепощение» русской литературы ее «взрослением» — освоением жизни (и смерти) тела [Смирнов, 1994; 2015]. Однако не будет преувеличением отметить, что в современной русской литературе введение в дискурс тела через эстетику безобразного, шокирующего будет ассоциироваться с традицией Платонова [Кеба, 1998]. И Синявский, и Даниэль, и Мамлеев, и Сорокин, и Пелевин, и Водолазкин, и Сальников в той или иной степени продолжают платоновскую линию. Подчас это опосредованное влияние, более того, Платонов может выступать своего рода посредником не только между фольклорной традицией и современной литературой, но и между Розановым и ею, а также между эстетикой авангарда и творчеством современных писателей. При этом пол для Платонова, как и для Розанова, связан с семьей, в «Чевенгуре», как уже было отмечено, деторождение подается как продолжение мороза существования. Можно предположить, что причины кроются в нарушении естественного хода вещей, распаде социальных связей в новом мире, упраздняющем семью. И в этом отношении коммунистическая утопия как раз не противостоит федоровской мечте о преодолении пола, но словно продолжает ее и становится своего рода «испытанием», проверкой федоровской идеи. Эта типично платоновская манера проверки той или иной идеи на истинность и жизнеспособность восходит, с одной стороны, к амбивалентности мифа, с другой, как нам кажется, — естественно-научным способам доказательства «от противного». Как это ни парадоксально, тоскливое настроение, доминирующее в романе, связано не только с недостижимостью чаемого Федоровым идеала «бестелесности», но и, напротив, с воплощением (странным, безобразным) оното: чевенгурцы отвергают семью, но она в итоге одерживает победу — пол оказывается сильнее жажды товарищества. Реализация утопии — какой бы она ни была — оборачивается кошмаром.

И все же, на наш взгляд, возможно и иное объяснение отсутствия в «Чевенгуре» картин счастливой и полноценной семейной жизни. Как уже отмечалось, перед нами роман воспитания, и история взросления Саши-сновидца обрывается на этапе его перехода в стадию зрелости. Какой она будет, неизвестно (если не принять как единственно возможную такую печальную, неутешительную версию, согласно которой Саша превратится в Сербинова). Как нам кажется, продолжением и развитием темы взросления человека, открывающего для себя мир семьи, станет зрелое творчество писателя — и повесть «Река Потудань» в первую очередь.

Заключение

Таким образом, пристальное внимание автора к жизни тела не ограничивается тематическим планом романа «Чевенгур», но определяет весь комплекс художественных приемов и средств, в свою очередь формирующих жанровую матрицу, к которой в последующем так или иначе «приспосабливаются» и другие платоновские жанры (в том числе и повесть). Среди наиболее характерных черт платоновского стиля назовем воссоздание жизни тела в ее неразрывной связи с психологией и философией, что и является одним из важнейших признаков притчевого мышления с его «энигматичностью», недоступностью рационалистическому толкованию — того мышления, а точнее, мироощущения, которое Лосев определяет как «вѣдение», совмещающее в себе работу ума и (даже в большей степени) мудрость сердца.

Итак, новизна исследования предопределена комплексным подходом к рассмотрению художественных особенностей платоновского романа, в том числе с точки зрения онейрической техники. Сны и бредовые состояния персонажей выступают ключом к постижению жизни организма в целом и телесных проявлений в частности. В данной статье была предпринята попытка доказать, что те или иные художественные средства, используемые Платоновым для воссоздания ощущений героев и повествователя, выходят за пределы частного приема, но «предзаданы» писателю культурой, которой он был причастен с детских лет (фольклор, духовная литература, жития святых и пр.), и, в свою очередь, определяют жанровую природу романа, привнося в него притчевое начало.

Предложенный в статье ракурс исследования в дальнейшем будет способствовать не только рассмотрению проблем пола и тела в творчестве Платонова, но и постижению особенностей его художественных установок и приемов, лежащих в основе уникального авторско-

го стиля. Кроме того, притчевое начало, которое отмечали исследователи в большинстве произведений писателя (при всем жанровом разнообразии оных), во многом обнаруживается параллельно рассмотрению способов воссоздания жизни тела. Статья адресована как специалистам в области платоноведения, так и студентам, изучающим русскую литературу XX в. и интересующимся проблемами идиостиля отечественных писателей.

Библиографический список

Баршт К. А. Антропософия А. Платонова. Штайнеровский слой в романе «Котлован» // Начало века: Из истории международных связей русской литературы. Санкт-Петербург: Наука, 2000. С. 154–190.

Дмитровская М. А. Язык и мирозерцание А. Платонова : дис. ... д-ра филол. наук. Москва: РУДН, 1999.

Иванов Вяч. Вс. Платонов и Чапек: фантастический реализм / Иванов Вяч. Вс. Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. II. Статьи о русской литературе. Москва: Языки русской культуры, 2000. С. 645–648.

Кеба А. В. Игра в поэтике Андрея Платонова и Джеймса Джойса (типологический аспект) // Творчество Андрея Платонова: Исследования и материалы. Кн. 4. Санкт-Петербург: Наука, 2008. С. 39–47.

Корниенко Н. В. Наследие А. Платонова — испытание для филологической науки // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. Вып. 4. Юбилейный. По материалам четвертой международной научной конференции, посвященной творчеству А.П. Платонова. 19–22 сентября 1999 г. Москва: ИМЛИ РАН, 2000. С. 117–137.

Кубо Х. Новое тело: коммунизм и телесность у Андрея Платонова // Осуществленная возможность: А. Платонов и XX век: по материалам III международных Платоновских чтений. Воронеж: Полиграф, 2001. С. 23–29.

Лотман Ю. М. (совместно с Успенским Б. А.) Миф — имя — культура / Лотман Ю. М. Избранные статьи : в 3 т. Т. I. Статьи по семиотике и топологии культуры. Таллин: Александра, 1992. С. 58–75.

Маковский М. М. Язык — миф — культура: Символы жизни и жизнь символов. Москва: Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 1996. 329 с.

Потебня А. Слово и миф. Москва: Правда, 1989. С. 17–195.

Смирнов И. П. Неопределенность // Мортальность в литературе и культуре: сб. науч. трудов. Москва: Новое литературное обозрение, 2015. С. 24–41.

Смирнов И. П. Психодиахронологика: Психоистория русской литературы от романтизма до наших дней. Москва: Новое литературное обозрение, 1994. 352 с.

Топоров В. Н. Модель мира (мифопоэтическая) // Мифы народов мира. Т. 2. Москва: Советская энциклопедия, 1980. С. 161–164.

Топоров В. Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. Москва: Наука, 1983. С. 227–284.

Хоружий С. С. «Улисс» в русском зеркале // Джойс Дж. Собрание сочинений : в 3 т. Т. 3. Улисс: роман (часть III). Москва: ЗнаК, 1994. С. 363–605.

Яблоков Е. А. Принцип художественного мышления А. Платонова «И так, и обратно» в романе «Чевенгур» // Филологические записки. Вестник литературоведения и языкознания. Вып. 13. Воронеж, 1999 а. С. 14–27.

Яблоков Е. А. Двойничество персонажей в романах А. Платонова (от «Строителей страны» к «Счастливой Москве») // III Платоновские чтения. Тезисы докладов международной научной конференции. Воронеж, 1999б. С. 55–56.

Список источников

Гоголь Н. В. Позднейшие приложения к «Ревизору» // Н. В. Гоголь Полное собрание сочинений и писем : в 23 тт. Т. 4. Москва: Наука, 2003, 914 с.

Платонов А. П. «...я прожил жизнь»: Письма. 1920–1950 гг. Москва, 2013, 688 с.

Платонов А. П. Сочинения. Т. 3: 1927–1929. М.: ИМЛИ РАН, 2021, 720 с.

Платонов А. П. Электрик Павел Корчагин (памяти Н. А. Островского) // А. П. Платонов Сочинения. Т. 6. 1936–1941. Кн. 3. Литературная критика. Публицистика. Москва: ИМЛИ РАН, 2023. С. 74–86.

Платонов А. П. Эфирный тракт (фантастическая повесть) // А. П. Платонов Сочинения. Т. 2 (1926–1927). Москва: ИМЛИ РАН, 2016, 970 с.

References

Barsht K. A. A. Platonov's anthropology. The Steiner layer in the novel «The foundation pit». *Nachalo veka: iz istorii mezhdunarodnykh svyazey russkoy literatury* = Beginning of the century: from the history of international relations in russian literature, St. Petersburg, 2000, pp. 154–190. (In Russian).

Dmitrovskaya M. A. The language and worldview of A. Platonov. Thesis of Doc. Philol. Diss., Moscow, 1999. (In Russian).

Ivanov Vyach. Vs. Platonov and Capek: fantastic realism. *Ivanov Vyach. Vs. Selected works on semiotics and cultural history*, vol. II. Articles on russian literature, Moscow, 2000, pp. 645–648. (In Russian).

Keba A. V. Play in the poetics of Andrei Platonov and James Joyce (typological aspect). *Tvorchestvo Andrey a Platonova: Issledovaniya i materialy* = The works of Andrei Platonov: Research and materials, vol. 4, St. Petersburg, 2008, pp. 39–47. (In Russian).

Khoruzhiy S. S. "Ulysses" in the Russian Mirror. *Joyce J. Collected Works. Ulysses: a novel*, vol. 3, Moscow, 1994, pp. 363–605. (In Russian).

Korniienko N. V. The legacy of A. Platonov — a test for philological science. *Strana filosofov» Andrey a Platonova: problemy tvorchestva. Vyp. 4. Yubileynyy* = Andrei Platonov's «Country of philosophers: problems of creativity», iss. 4, based on the materials of the fourth international scientific conference dedicated to the work of A.P. Platonov, September 19–22, 1999, Moscow, 2000, pp. 117–137. (In Russian).

Kubo H. The new body: communism and corporeality in Andrei Platonov. *Osushchestvlen naya vozmozhnost': A. Platonov i XX vek* = Realized possibility: A. Platonov and the XX century: based on the materials of the III International Platonov readings, Voronezh, 2001, pp. 23–29.

Lotman Yu. M., Uspenskiy B. A. Myth – Name – Culture. Lotman Yu. M. *Selected Articles* in 3 vols, *Articles on semiotics and topology of culture*, vol. I, Tallin, 1992, pp. 58–75. (In Russian).

Makovskiy M. M. Language – Myth – Culture: symbols of life and the life of symbols, Moscow, 1996, 329 p. (In Russian).

Potebnya A. A. Word and Myth, Moscow, 1989, pp. 17–195. (In Russian).

Smirnov I. P. Uncertainty. *Mortal'nost' v literature i kul'ture* = Mortality in literature and culture: coll. of scientific works, Moscow, 2015, pp. 24–41. (In Russian).

Smirnov I. P. Psychodiachronology: psychohistory of russian literature from romanticism to the present day, Moscow, 1994. 352 p. (In Russian).

Toporov V. N. The Model of the world (mythopoetic). *Myths of the Peoples of the World*, vol. 2, Moscow, 1980, pp. 161–164. (In Russian).

Toporov V. N. Space and text. *Tekst: semantika i struktura* = Text: semantics and structure, Moscow, 1983, pp. 227–284. (In Russian).

Yablokov Ye. A. The principle of A. Platonov's artistic thinking «And so, and back again» in the novel «Chevengur». *Filologicheskiye zapiski. Vestnik literaturovedeniya i yazykoznaniya* = Philological notes. Bulletin of literary studies and linguistics, iss. 13, Voronezh, 1999a, pp. 14–27. (In Russian).

Yablokov Ye. A. Duality of characters in the novels of A. Platonov (from «Builders of the country» to «Happy Moscow»). *III Platonovskiye chteniya*.

Tezisy докладov mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii = III Platonov readings. Abstracts of reports of the international scientific conference, Voronezh, 1999b, pp. 55–56. (In Russian).

List of Sources

Gogol' N. V. Later appendices to «The government inspector». *Gogol' N. V. Complete works and letters*, in 23 vols, vol. 4, Moscow, 2003, 914 p. (In Russian).

Platonov A. P. «...I have lived my life»: Letters, 1920–1950, Moscow, 2013, 688 p. (In Russian).

Platonov A. P. Etheric Path (a science fiction story). *Platonov A. P. Works*, vol. 2 (1926–1927), Moscow, 2016, 970 p. (In Russian).

Platonov A. P. Electrician Pavel Korchagin (in memory of N. A. Ostrovsky). *Platonov A. P. Works*, vol. 6, 1936–1941, book 3, Moscow, 2023, pp. 74–86. (In Russian).

Platonov A. P. Works, vol. 3, 1927–1929, Moscow, 2021, 720 p. (In Russian).

О СПЕЦИФИКЕ ПОЭТИКИ ОЧЕРКА «ПРОСТЫЕ СМЕРТНЫЕ» С. Д. ХВОЩИНСКОЙ

К.В. Смирнов

Ключевые слова: С. Д. Хвощинская, патриархальное мировоззрение, пансион, фольклор, русская женщина

Keywords: S. D. Khvoshchinskaya, patriarchal worldview, boarding house, folklore, Russian woman

[https://doi.org/10.14258/filichel\(2026\)3–02](https://doi.org/10.14258/filichel(2026)3–02)

Введение
В 1858 г. на страницах журнала А. А. Краевского «Отечественные записки», прорецензированного И. А. Гончаровым, появляется очерк из провинциальной жизни И. Весеньева «Простые смертные» (хотя в 1865 г. в журнале «Библиотека для чтения» очерк Хвощинской «Маленькие беды» был подписан Ив. Весеньев (С. Д. Хвощинская. 1865. С. 56) — вероятно, подобные изменения стали результатом решения редактора, что, впрочем, ничего не изменило). Это было одно из нескольких произведений С. Д. Хвощинской, предпочитавшей не обозначать свою настоящую фамилию. В центре произведения 28-летний Иван Васильевич, который в далеком 1855 г. по определенным обстоятельствам вынужден проводить довольно много времени у пожилых сестер Граблинских (по старшинству — Александры, Любои, Катерины и Веры) за долгими разговорами о сплетнях. Почтенные женщины живут в некоем городе В*** на значительном расстоянии от столичных городов и большую часть времени проводят за вязанием.

Результаты исследования и обсуждение

Условно композиционную структуру очерка «Простые смертные» можно разделить на три модуля. Первый представляет собой описание бытовых подробностей жизни героинь, через судьбы которых Хвощинская раскрыла тему женской эмансипации как одну из основных в русском обществе XIX в., детерминирующую проблемы женской образованности, социальной роли, вовлеченности в процесс развития социума. Второй — подробное описание «закрытого» локуса дома сестер Граблинских (по старшинству — Александры, Любои, Катерины и Веры). Почтенные женщины, не снискавшие счастья семейной жизни, посе-

лились в некоем городе В*** на значительном расстоянии от столицы и практически никуда из дома не выходили. Каждая из них имеет свою историю, определяющую систему причинно-следственных связей появления, формирования и функционирования закрытости локуса дома Граблинских. Третий — появление Анисьи и развитие сюжета и основного конфликта произведения.

Первое, на что обращает внимание С. Д. Хвоцинская, — проблема женского образования. В очерке она представлена через образы сестер Граблинских: *«В губерниях, отдаленных от Москвы верст за тысячу, неприступных, по недостатку всяких средств сообщения — в таких степных углах, куда долго-долго не достигали новые понятия о жизни общественной и ее условиях — о воспитании девиц, особенно незнатных и небогатых, еще вовсе не думали. Довольно было, если они знали церковную грамоту; а если и той не знали — бедой не считалось»* (С. Д. Хвоцинская. Простые смертные. 1858. С. 2⁵), — пишет Софья Дмитриевна. *«В приеме гостей и вообще в обхождении с посторонними еще не ведали утонченностей, тем менее искали научного знания; дома нужен был один талант: умение хозяйничать, рукодельничать и беспрекословно слушаться»* (Там же. С. 3), — так обозначены Хвоцинской современные ей реалии женского образования. Если обратиться к истории, данный вопрос действительно был очень актуальным. По мнению профессора А. В. Куницына, «везде право лиц мужского пола есть право, так сказать, нормальное, а из него существуют большие или меньшие изъятия для другого пола, изъятия — иногда в пользу женского пола, иногда к невыгоде» [Куницын, 1855, с. 141]. Известный анархист, автор «Хлеба и воли» П. А. Кропоткин также касается проблемы женского образования: «А между тем, несмотря на его нежелание, несмотря на оппозицию жандармов, изображавших царю каждую учащуюся женщину революционеркой, несмотря на громы против всего движения и на гнусные обвинения, которые Катков печатал в каждом номере своей подлой газеты, женщины все же добились открытия ряда курсов. Некоторые из них получили докторские дипломы за границей, а в 1872 году они добились разрешения открыть в Петербурге высшие медицинские курсы на частные средства» [Кропоткин, 1988, с. 253]. Данный вопрос время от времени ак-

⁵ Здесь и далее цитаты даны по изданиям: Хвоцинская С. Д. Наследство тетушки // Отечественные записки, 1858, Т. CXVII. С. 165–186; Хвоцинская С. Д. Простые смертные // Отечественные записки, 1858, Т. CXX. С. 1–38; Хвоцинская С. Д. Городские и деревенские. Часть 1 // Отечественные записки, 1863, Т. CXLVII. С. 1–73.

туализируется. С точки зрения священника Д. П. Соколова, женщина «не ниже мужчины, потому что она не только помощница мужу, она помощница „подобная ему“, — при этом только в условии равенства может оказывать ему помощь, в которой он нуждается. Однако же место это второстепенное, зависимое: жена сотворена после мужа — создана для мужа. Как взятая от него, она „кость от костей его, плоть от плоти его“ и столь тесно соединена с ним, что он не может унижить ее, не унижая самого себя, но в то же время, как созданная из его ребра, она ему обязана и светом, которым наслаждается, и именем, которое носит» [Соколов, 2016, с. 8–9].

В то время проблема женского образования практически не решалась. Разумеется, создавались женские пансионы, в которых девочек обучали различным наукам. И здесь Хвощинская в полной мере показала их специфику на примере воспитательниц таких заведений, с которыми контактировала в годы жизни и учебы в пансионе. Путь в неизвестность, безвыходность ситуации, невозможность что-либо изменить — именно это может быть названо главными характеристиками женских образов, создаваемых писательницей. *«Чем же (женищина. — К. С.) жила? Неужели все здесь, к чему она прилеплялась, чем дышала в этом холодном исполнении мелочного долга, с подсматриваниями, доносами, с преувеличением каждого вздора до чудовищных размеров? Пустота и пустота! И прожить только этим, и спокойно, не страдая пустотой, прожить так женищине — невозможно! Где же молодость, красота, грация? где труд и наука? где первые мечты любви? где сама любовь? страсть, слезы, ревность и самоотвержение? где дружба?»* (С. Д. Хвощинская. Наследство тетюшки. 1858. С. 179)», — именно так описывает Хвощинская основы, которые должны были формировать будущее русского женского образования.

Элемент экспозиции, базирующийся на отсутствии образования у сестер Граблинских, восходит к биографии самой писательницы. Вспоминая о времени, проведенном в стенах Екатерининского университета, Хвощинская пишет: *«В 5-м отделении была классная дама кислейшей наружности и кислейшего характера. Пятнадцать лет она продвигалась на своем поприще. Быть может, когда-нибудь она была образованна, но с тех пор как выучилась, не сочла нужным идти вперед ни для себя, ни для своих учениц, которым помощь классных дам при повторении или подготовке уроков была бы необходима. <...> Но дама соскучилась. За стенами института у нее не было знакомой души»* (С. Д. Хвощинская. Воспоминания институтской жизни. 2013. С. 137). Здесь уместно сказать о тождественности образа воспитатель-

ницы Анны Степановны (классной дамы Софьи Дмитриевны) с образами любой из героинь «Наследства тетушки» — и с Агриппиной Павловной, и с Аделаидой Ивановной. Характеристике классных дам уделяет особое внимание одна из воспитанниц пансиона А. Н. Энгельгардт в «Очерках институтской жизни былого времени»: «Классные дамы — порой мучительницы институток, а порой и мученицы — были обставлены всего невыгоднее в глазах воспитанниц; роль их была самая трудная и требовала почти нечеловеческих совершенств, а потому с ними по преимуществу отношения институток были натянуты и неискренни» [А. Н. Энгельгардт, 2008, с. 159]. А. Н. Энгельгардт продолжает: «Совсем иначе стояли в институте пепиньерки. Пепиньерками назывались девицы, которые оставались в институте после выпуска на три года и несли такие обязанности: дежурить ежедневно в классах в тот час, который давался классным дамам для отдыха» [Энгельгардт, 2008, с. 159–160]. На статичность мира пансиона и его «неестественныйнутренний покой» указывает Хвоцинская в «Наследстве тетушки»: *«среди девушек, собравшихся вблизи окон, не было слышно мелодичного девичьего смеха; его заменяло какое-то тяжелое, принужденное шептание; юношеская красота бесследно пропадала среди сухих страниц книг»* (С. Д. Хвоцинская. Наследство тетушки. 1858. С. 170).

Локус пансиона — локус особенный, своеобразный «замкнутый рай», в котором все выглядит исключительно лишь снаружи. В определенной степени подобные заведения могут быть названы черным пятном на теле века эстетики — времени, в которое создавались образы Татьян Лариных и Катерин Кабановых, — тех, чье прошлое было искажено безумием подчинения безумству. Софья Дмитриевна лишает сестер Граблинских подобного испытания, однако очень точно подмечает факт присутствия в их доме французского учителя, о котором необходимо сказать подробнее. В исторических этюдах В. О. Михневича значится следующее: «Хорошо было моралистам и сатирикам отрицать французов — гувернеров и учителей и французские пансионы; но если бы их попросили указать — кем лучшим и откуда следовало и откуда можно было бы заменить в этом деле иностранцев, то они, конечно, стали бы в тупик. Родителям, желавшим дать приличное, по требованиям века, воспитание своим детям, за изъятием педагогов-французов (Мария Кирилловна Троекурова из «Дубровского» А. С. Пушкина. — К. С.), почти не из кого было выбирать. Отечественных педагогов или вовсе не было тогда, или те, которые были, оказывались нисколько не учение и не благонадежнее иностранных» [Михневич, 1990, с. 76].

Массовое проникновение лжеучителей из Франции стало в определенной степени значительной проблемой русского общества времен правления Николая I. Эксперт в области мемуаристики Ж.-В. Мау замечает: «В больших городах, если семья состоит из шести человек, на стол ставят девять или десять приборов, предназначенных для случайных посетителей; как я уже говорил, их принимают, потому что это почти ничего не стоит и вдобавок, потому, что эти профессиональные паразиты делают все возможное, чтобы быть приятными своим хозяевам. Они обучают французскому языку, которого не знают, хотя и выдают себя за литераторов; танцевальные учителя, изображающие свое ремесло высшим из искусств, маляры, именующие себя художниками, музыканты, профессора фехтовального дела — все это усаживается за самыми роскошными столами, ест, пьет, спорит и старается увеселять или по крайней мере занимать своего амфитриона» [Мау, 1830, pp. 135-136]. На многочисленное присутствие французских учителей и специалистов в определенной сфере деятельности указывал и исследователь И. М. Троцкий: «Заезжий булочник, не найдя себе применения по специальности, делается гатчинским офицером и успешно продвигается по служебной лестнице» [Троцкий, 1990, с. 84]. Преклонение перед французской культурой становится патологией русского общества, прочно прорастая в национальную культуру, разрушая исконно русскую самобытность.

Софья Дмитриевна обращает на это внимание в очерке «Простые смертные»: *«Позже, когда у Граблинских подросла меньшая дочь, довольно отставшая от сестер годами, в помещичьи круги стало мало-помалу проникать повеетрие губернских и столичных обществ — мания французского языка. О применении к делу этого знания никто не думал, а просто хотели говорить во что бы то ни стало, и многие — как ни попало, только бы говорить. Это общее направление потревожило и патриархальное спокойствие Граблинских, дотоле живших мирно в своем неведении: старики решили учить меньшую дочь, Веру Степановну, по-французски»* (С. Д. Хвощинская. Простые смертные. 1858. С. 3).

Провинциальная культура не знала той «эстетики», которая была свойственна столичным городам, однако всячески стремилась сгладить неизбежно существующую разницу. По вполне объективным причинам исконно русское склонялось перед западным, более прогрессивным, на что указывает литературовед Л. П. Гроссман. Ввиду этого довольно часто в провинции можно было увидеть красавиц, которые искажали свое природное очарование деформированным владением французским языком. Подтверждением этого может быть образ мол-

даванки, дочери кишиневского аристократа Егора Варфоломея, с которой имел возможность пообщаться А. С. Пушкин: «К молодым гостям выходит дочь хозяина красавица Пульхерица. Девушка автоматически повторяет всем поклонникам две бессмысленные французские фразы» [Гроссман, 2012, с. 202]. Если в столичных городах плавное культурное обнищание общества выглядело достаточно явно, то в провинции оно приобретало особенный характер: то негативное, что присутствовало в столицах, преломлялось в семьях зажиточных провинциалов и трансформировалось в форму наигранной комичности, которая в значительной мере контрастировала с общепринятыми лживыми идеалами. Отношение же к приезжающим французам становилось все хуже и хуже: *«Граблинский вывел и для себя поучение, что с его „тронутым” наставником могла быть беда еще хуже, а смеху по соседству — на целые годы (Но что же скажет по этому поводу княгиня Марья Алексеевна? — вопрос, поставленный в бессмертной пьесе А. С. Грибоедовым. — К. С.), и потому, воротясь домой, он прямо объявил, что „все эти французские языки” дрянь и пустяки и ума человеку не прибавят»* (С. Д. Хвощинская. Простые смертные. 1858. С. 5). Так или иначе, все сестры Граблинские остались необразованными, что, к сожалению, для провинциальной жизни того времени было явлением в большей степени системным, чем редким.

В подобных условиях сестры должны были чем-то заниматься, чтобы скрасить свои дни. Одним из занятий для них стало вязание, а вторым — игра в карты. Поэтому единственной темой для обсуждения становилась человеческая жизнь со всеми ее перипетиями. Так, в доме Граблинских часто появлялись люди разного социального статуса. Одни из них оставались достаточно долго, другие вскоре уходили. Таковыми могут быть названы и приезжающие из столиц аристократы, чьи манеры преломлялись прямо пропорционально уютному локусу дома. *«Я заметил, что их беспритязательное радушие и простота даже действовали на наших губернских господ высшего полета, которым случалось заезжать к Граблинским с редкими визитами; сами не осознавая как, они выходили из-под тяжелого ига — желания казаться „неприступными столичными людьми” — ига, которое налагают на себя бедные провинциалы и тем портят последние остатки прежней губернской жизни, самобытной и оживленной»* (С. Д. Хвощинская. Простые смертные. 1858. С. 5). Бывали в гостях и дети разного возраста, которые чувствовали себя более чем комфортно, потому что сестры никогда не запрещали им быть детьми. При этом сами они практически не следили за поведением юных гостей, предаваясь вязанию и наблюдению в окно. Кон-

цепт ОКНО в очерке — особый образ, так как именно у окна проводят большую часть времени героини. И. И. Шангина замечает: «Окно воспринималось как одно из самых опасных мест в доме, так как оно являлось границей между внутренним миром жилища и внешним враждебным миром» [Шангина, 2003, с. 105].

Дом Граблинских представлял собой вариант статичного пространства, где ничего никогда не меняется. Сестры Граблинские в своем доме были будто бы «отрезаны» от мирских сует, получая информацию либо от странниц, либо из газет, либо от случайно приходящих к ним гостей. Существенность этого аспекта в значительной степени свидетельствует об отстраненности их дома от окружающей реальности, где окно, равно как и дверь, становится своеобразным порталом для связи. Е. Я. Шейнина указывает на другое значение окна: «Принято было подавать через окно (что и сделали сестры Граблинские, когда к ним пришла Ани-сья. — К. С.): это означало благость и откуп. Дополнительный оттенок к этому — стояние влюбленного под окном как прошение подаяния (явления в окне девушки). Место возле окна — традиционно место женских или девичьих рукоделий» [Шейнина, 2002, с. 213–214]. «С другой стороны, сидение у окна в комнате символизировало девушку-невесту или женщину. Девушка сначала сидела за рукоделием подле окна, не выходя из дому и даже не выглядывая на улицу» [Шейнина, 2002, с. 214]. Именно такое поведение мы и наблюдаем у сестер Граблинских — они, так и оставшись незамужними, продолжали сидеть у окна.

Нельзя не указать и на закрытость локуса дома Граблинских — не в значении недоступности, но в значении той трансформации, которая происходила с людьми, приходившими к ним. Они будто бы попадали в состояние сна. Сон занимает особое место в творчестве Софьи Дмитриевны. Так, к примеру, в рассказе «Наследство тетюшки» пансион будто бы погружен в вечный сон. Это мир, где властвует тлен. И что особенно страшно — этот «неестественный покой» является свойственной женским пансионам «болезнью», которой «заражены» все без исключения девушки. Поэтому не случайно воспитанницы и воспитательницы похожи друг на друга. Исследовательница В. В. Пономарева пишет: «Штат классных дам регулярно пополнялся выпускницами женских институтов. Так, классные дамы Мариинского института формировались по большей части из его прежних воспитанниц» [Пономарева, 2019, с. 262]. И Аделаиде Ивановне Штейн свойственны модели поведения воспитанницы даже после получения статуса классной дамы: *«Воздушность в семнадцатилетней девице прекрасна; но когда женщина сохранила, или выработала в себе это свойство уже лет за со-*

рок, я в нем вижу нечто иезуитское, а моей собеседнице было очевидно за сорок» (С. Д. Хвощинская. Наследство тетушки. 1858. С. 171). Мало того, классная дама имела желание и впредь встретиться с посетителем: «Так мы еще будем видеться — неправда ли?» (Там же. С. 177). Героиня Хвощинской — рабыня собственной жизни, променявшая, возможно и не по своей воле, молодость и красоту на склеп пансиона. «Ее судьба — моральное убийство» (Там же. С. 186)», — говорит о тетушке кузина рассказчика Мария.

Сон как мир мертвый может быть рассмотрен и применительно к очерку «Простые смертные». Немецкий социолог и философ Э. Фромм сравнивает сон с клеткой: «...страх быть запертым, быть в заключении, не иметь возможности выйти наружу» [Фромм, 2010, с. 235]. Дом Граблинских тоже можно назвать своеобразной клеткой. Но она совсем иная. При этом они замкнуты в своем локусе, отчего всякий, проходящий в их дом, встречается с небывалым ощущением свободы. Художественная реальность, таким образом, моделируется двумя локусами: «миром здесь» и «миром там». Они сосуществуют в одном времени, но при этом представляют собой полярные формации. В данном ракурсе дом («мир здесь») Хвощинской очень близок квартире на Гороховой улице и на Выборгской стороне в «Обломове» Гончарова. Это не просто замкнутое пространство — это место, в котором герой трансформируется соразмерно своим личным потребностям. Обособленность подразумевает мотив одиночества, характерный для героев Софьи Дмитриевны. И в этот статичный мир проникают внешние раздражители — те, кто преображает художественную реальность, влияя на обитателей этого дома.

В «Городских и деревенских» Хвощинской подобную роль выполняет Овчаров. По наблюдению Е. Н. Строгановой, «разрушая литературные стереотипы, писательница создает откровенную пародию на героя-„развивателя“, который немолод, неинтересен, нехорош собой, но при этом чрезвычайно самонадеян и полагает, что семнадцатилетняя Оленька влюблена в него» [Строганова, 2011, с. 66]. В романе представлен процесс деформации стереотипного мышления героев, о котором говорит Е. Н. Строганова, — довольно часто используемый Хвощинской прием, что актуализирует антитезу «свое-чужое». К. О. Высокович, рассуждая о комедии А. И. Писарева «Наследница», говорит о существовании мотива «мнимого-истинного» [Высокович, 2022, с. 102] — то, что на первый взгляд кажется истинным, на самом деле оказывается мнимым.

Внешний раздражитель, своеобразный «чужой», всегда создает ситуацию контраста, в рамках которой герои начинают условно «развиваться», показывая читателю свои внутренние качества, которые в изначальной форме были имплицитны. Образ «чужого» или «другого», по наблюдению историка С. Н. Якушенкова, на ранних стадиях развития общества не был востребован, поэтому его появление свидетельствует о зрелости социума. Якушенков полагает, что появление «чужого» является своеобразным маркером общества: «Какими бы признаками не обладал Другой/Чужой, он в любом случае выступает в качестве своеобразного зеркала, в котором отражается общество» [Якушенков, 2012, с. 243]. Образ дома в очерке «Простые смертные» становится своеобразным «миром здесь», в который приходит внешний раздражитель из «мира там» — Анисья. Не случайно и то, что сестры Граблинские являются барынями, а обезумевшая от горя пожилая женщина Анисья — крестьянкой. В этой сцене Хвощинская разграничивает социальные статусы героинь, при этом детально «прорисовывая» антонимичный барыням образ самой крестьянки.

Особого внимания ввиду этого заслуживает обрядовый фольклор, представленный в очерке. Речь, конечно же, идет о причитаниях, являвшихся одной из основных форм народной культуры, бытовавшей на протяжении долгого времени в русских деревнях. Анисья из Дубровицкого, пришедшая в дом к Граблинским, рассказала о своей тяжелой жизни: *«О святую барин приказал ратника от нас поставить; взяли моего старшего, Матюшку. Ну, что уж я с моим стариком за ним сердечным по губерниям, да по постоялым исходили, с ним, с Матюшкой, прощаясь...»* <...> *О вешнюю Николю пожар на селе случился. Взвыли мы, известно, страх. Стал мой Петька у соседа добро выносить; упали на него печка — обе ноги пополам. К другим суткам помер мой косатик, одну меня, как перст, оставил. Не глядели бы мои глаза на свет Божий!»* (С. Д. Хвощинская. Простые смертные. 1858. С. 16). Через образ Анисьи Хвощинская актуализирует тему народного творчества в ракурсе похоронной причеты, подразделяющейся на рекрутскую и похоронную. Впервые о причитаниях заговорил Е. В. Барсов в сборнике «Причитания северного края» [Барсов, 1872–1882]. Краевед представил большое число плачей, автором которых выступила известная плакальщица Карелии И. А. Федосова. Основания для сравнения следующие. В силу временного фактора Хвощинская не могла знать о похоронной причете, бытовавшей в деревнях вблизи Петрозаводска. Для нас в данном ракурсе важен другой аспект: наличие сходства между традиционными маркерами причеты и речью героини, Анисьи, через образ кото-

рой Хвоцинская попыталась передать весь калорит крестьянской жизни середины XIX в. На наш взгляд, рязанская и петрозаводская причеть даже с учетом индивидуально-авторского исполнения содержит ряд общих черт, восходящих к традиционным обрядовым формам прощания с умершими. В рамках настоящего исследования использование причитаний именно Федосовой показывает, что фольклорные образы, бытующие в разных регионах, находили свое воплощение в литературе. Хвоцинская не была знакома с причетью Федосовой, но была знакома с традицией плача. Если обрядовые плачи в деревнях часто исполняли профессиональные плакальщицы, а не члены семьи умершего (причиной этого была степень владения навыком вопить), то у Хвоцинской плачи исполняла сама пострадавшая Анисья. При этом Хвоцинская точно воспроизводит саму стилистику плача. Для сравнения: профессиональная вопленица И. А. Федосова причитает по причине кончины мужа:

*«Прискукидилась вся сиротна моя жирушка,
Разрешетилось хоромное строеньице,
Сквозь хоромишки воронишки летают.
Задержили все распашисты полосушки,
Лесом заросли луговы... поженки»*

(И.А. Федосова. Плач вдовы по мужу. 1872. С. 95).

Плакальщица никогда не называет имени во время исполнения, использует всевозможные метафоры и эпитеты для создания значительности потери. И, естественно, для соблюдения ритмичности плача часто в тексте используются уменьшительно-ласкательные суффиксы.

Соседка обращается к вдове:

*«Как я роцу-то сиротных малых детушек,
Накопилось кручинушки в головушку,
Все несносныя тоскичюшка в сердечюшко;
У меня три поля кручинушки насеяно,
Три озерышка горючих слез наронено
Во победном сиротском живленьице»*

(И.А. Федосова. Плач вдовы по мужу. 1872. С. 101).

У Федосовой вместо слова *дети* — *детушки*, вместо *сердце* — *сердечюшко*, вместо *озера* — *озерушко* и т. д. Анисья не вопит в произведении — этот обряд лишь имплицитно намечен. При этом она называет

своего сына Матюшка вместо, возможно, Матвей. Нельзя не отметить и насыщенность речи Анисьи тропами: здесь и сравнение «как перст», фразеологизм «*Богу душу отдал*» (С. Д. Хвоцинская. Простые смертные. 1858. С. 16). Разумеется, присутствуют уменьшительно-ласкательные суффиксы: «*маленько*» (С. 17), «*косатки*», «*махоньким*» (С. 15). Образ Анисьи — особенный для русской литературы. Хвоцинская одной из первых показала образ крестьянки, женщины, сломленной тяжелой судьбой и плененной игом крепостного права.

На контрасте с крестьянкой Анисьей Хвоцинская показывает портреты аристократок сестер Граблинских. Образ Александры Степановны формирует персонажный уровень произведения, создавая целую галерею следующих за ним женских типов. «*Старшая сестра, Александра Степановна, была вдова, без детей, и с незапамятных времен переселилась, после смерти мужа, опять в дом родителей. Она особенно меня любила и, по просьбе моей, никогда не отказывалась рассказать мне о былых временах, с некоторой гордостью и почтением отзываясь о старинном житье-бытье помещиков и тщательно опуская непривлекательные его стороны; а когда уже было невозможно пропустить их, она объясняла их словами „такое время было“, совершенно впадая в понятия новейших историков, относящих появление жестокости, грубости и других страстей влиянию эпохи в данную минуту*» (С. Д. Хвоцинская. Простые смертные. 1858. С. 6). Образ старшей сестры — это образ мудрой женщины, в некотором роде будущий двойник гончаровской Татьяны Марковны Бережковой из «Обрыва». Самобытность и вера в жизненный опыт здесь просматриваются более чем открыто. То теплое чувство, которое Александра Степановна испытывала к автору, есть проекция неразделенной любви к рано ушедшему мужу. Любовь Степановна «*большею частью была молчалива и только вздыхала о людских и своих прегрешениях, о которых искренне молилась Богу, постоянно ходя каждый день в церковь, а остальное время не выпуская из рук работы*» (С. Д. Хвоцинская. Простые смертные. 1858. С. 6).

Образ богобоязненной женщины в очерке тождественен мученицам, отмаливающим свои грехи. Впоследствии в романе «Городские и деревенские» Хвоцинская будет иронизировать над подобным типом героев, изображая Анну Ильиничну, чьи взгляды на мир настолько условны, что даже под предлогом богобоязненности она остается человеком исключительно неприятным и комичным. Катерина Степановна «*была знатоком своего дела и самой веселой особой в доме. У нее было много наблюдательности, насмешливый и беспечный характер*» (С. Д. Хвоцинская. Простые смертные. 1858. С. 6). Героиня практически полно-

стью дублирует образ Олиньки Чулковой из романа «Городские и деревенские». Умение все трансформировать в шутку, способность вести себя свободно от толков общества — это те уникальные качества, которые применительно к женским образам ранее никогда не разрабатывались. Олинька вольна в своих взглядах на жизнь и потому свободна. *«Но Олиньке в прошлом году уже исполнилось семнадцать лет; значит, она подошла к нашему времени, то есть к поре лихорадочной, неусидчивой — не к такой, чтобы всю жизнь сидеть на одной снитковской почве»* (С. Д. Хвощинская. Городские и деревенские. 1863. С. 3). Вопреки всеобщему убеждению, она не боится быть одна, так как «знает себе цену» и сама является хозяйкой своей судьбы (редчайшее явление в русской литературе). Поэтому вполне вероятно, что именно Катерина Степановна есть воплощение Олиньки в старости. Наконец, последняя из сестер Граблинских — Вера. *«В гости все три сестры никогда не ездили, и поддерживать знакомство было поручено меньшей, Вере Степановне, что она тщательно и с тайным удовольствием исполняла, потому что была большая охотница до общества. В ней было много замашек старой девушки — скорее забавных, чем несносных; а если ей иногда приходила в голову нелепая мысль, что она может нравиться, то проходила скоро, а, главное, никогда не достигала до надежды на замужество и до поиска за женихом, хотя бы за шестидесятилетним»* (С. Д. Хвощинская. Простые смертные. 1858. С. 6–7). Вера — образцовый тип обитательницы салонов, которая очень комфортно чувствовала бы себя в мореке сплетен и интриг.

Таким образом, в очерке «Простые смертные» Хвощинская показывает четыре типа русских женщин, которые в разных проявлениях находят себя на страницах произведений русской классики:

1) мудрая женщина, женщина-наставница. Как правило, тип репрезентируется через архетип матери, окружающей своего ребенка заботой;

2) богобоязненная, замкнутая женщина, посвятившая себя умиротворенному лицезрению окружающего мира и молитве как сакральному таинству;

3) веселая, жизнерадостная женщина, способная самостоятельно определять свой жизненный путь. Она же или потенциальная жертва, или новое явление в литературе «золотого века»;

4) женщина, обитающая в стихии салонов, типичный образ для XIX в.

Пятый женский образ — Анисья — не может быть отнесен к ранее обозначенной галерее типов, так как транслирует крестьянское

мировосприятие. Но у Анисьи есть уникальная контекстуальная черта — в отличие от сестер Граблинских она является одним из немногих «движущихся» героев в очерке, при этом имея свою историю. И здесь уместно сказать о мотиве возвращения или, в иных толкованиях, о мифологеме блудного сына. Применительно к литературе мотив блудного сына получил довольно широкое освещение. Особенно хотелось бы отметить работу Э. А. Радь «История „блудного сына“ в русской литературе: модификации архетипического сюжета в движении эпох: монография». По мнению исследовательницы, «блудный сын противопоставляет не „отчую страну“ и „чужую страну“, а „отчий дом“ „стране чужой“» [Радь, 2014, с. 92]. Мотив блудного сына применительно к очерку Хвоцинской воплощается в скитании Анисьи из родного дома в дом Граблинских и обратно. Нельзя сказать, что он полностью реализуется, так как для героини практически не существует места, куда бы она могла вернуться. Однако она возвращается после скитаний к Граблинским, что позволяет говорить о доме сестер как «доме». Применительно к творчеству Пушкина И. З. Сурат отмечает: «Однако анализ символа дома возможен лишь в составе поэтической оппозиции дом — путь» [Сурат, 1990, с. 107].

Исследователь М. Бубер выделяет «эпохи обустроенности и бездомности» [Бубер, 1992, с. 40–41]. Литературовед М. В. Строганов, рассуждая о проблеме возвращения домой, приходит к выводу, что «путешествие предполагает не только линейное движение, но и неизбежное возвращение домой, так что любая линия человеческой жизни не может быть протянута бесконечно, она замкнута сама в себе, т. е. фактически, в круг» [Строганов, 2002, с. 263]. Через образ Анисьи Хвоцинская актуализирует мотив возвращения, что переносит ракурс анализа с фабульного на персонажный уровень. Поэтому уместно сказать об изменениях, происходящих с Анисьей за время ее пребывания в доме Граблинских. К. Г. Юнг выделяет две стадии трансформации:

1. Перевоплощение, предполагающее способность человека вернуться в то прошлое, в котором он существовал до своего рождения в этом мире.

2. Возрождение. «Возрождение возможно без изменения существа, так как личность, переживающая обновление, не изменяется по своей природе, а заживление, укрепление или улучшение происходит только с ее отдельными функциями или частями» [Юнг, 2011, с. 216–217].

Изначально Анисья абсолютно лишена рассудка, о чем свидетельствуют и смех, и сбивчивый голос, и преобладание эмоций над разумом. По существу, первая стадия, названная Юнгом перевоплощением,

есть время, проведенное в доме Граблинских, где крестьянка в чужом ей локусе возвращается к своей повседневной жизни, нивелируя трудом страдания души. Литературовед Н. А. Касавина, размышляя над образами героинь И. С. Тургенева и говоря о подавляющей силе прошлого, тяготящем героиню, пишет: «Прошлое личности есть обращенный к ней призыв, на который она должна ответить в соответствии с тем, чем она является сейчас. В этом состоит экзистенциальная ценность прошлого. Именно так можно понять тургеневское ощущение важности и в чем-то тягостности присутствия прошлого как двойника. Прошлое определяет настоящее как в плане несущей основы, так и в плане стесняющего предела» [Касавина, 2018, с. 167].

Возрождением же может быть назван момент встречи с Матюшкой — происходит укрепление веры в будущее, однако потери мужа и сына, вероятно, навсегда останутся в ее сознании. Все эти события тесно связаны с главным героем — Иваном Васильевичем, глазами которого читатель видит и сестер Граблинских, и сумасшедшую Анисью, и тот мир, в котором они сосуществуют.

Заключение

Подводя итог, необходимо еще раз уточнить: Софья Дмитриевна Хвоцинская является одной из самых недооцененных писательниц своего времени и, как точно заметила Е. Н. Строганова, «забытой по собственному желанию». В ходе анализа очерка «Простые смертные» были сделаны следующие выводы:

1) анализ степени образованности сестер Граблинских актуализирует проблему женского образования, с которой С. Д. Хвоцинская была знакома: свидетельством этого выступает рассказ «Наследство тетушки», в котором Софья Дмитриевна показала ужасные условия жизни пепиньерок и классных дам, а также низкий уровень реализации идеи женского образования в Российской империи середины XIX в.;

2) использование фольклорных мотивов в очерке позволяет говорить о воспроизведении крестьянской жизни в том состоянии, в котором она бытовала: здесь и обращение к обрядовой традиции, выраженной через причитания, и стилизация под специфику русского крестьянского говорения;

3) культура и быт русской провинции, детерминированные через нарратив окна, мифологему «дом» и вязание как свойственный женщинам XIX в. род деятельности, а также через отдаленность от столичных городов локуса дома Граблинских позволили определить специфику авторского толкования жизни русской женщины XIX в., представленную

писательницей (именно в гендерном ракурсе) и оттого более объективно транслирующую психологическое состояние героинь.

К сожалению, на данный момент работ, посвященных творческому наследию Софьи Дмитриевны, очень мало. Но одно можно сказать наверняка: творческое наследие писательницы уже никогда не будет забыто, даже вопреки ее собственному желанию.

Библиографический список

Барсов Е. В. Причитанья Северного края, собранные Е. В. Барсовым: в 3 ч. Москва: изданы при содействии Общества любителей российской словесности, 1872–1882.

Бубер М. Проблема человека. Москва: ИНИОН, 1992. 146 с.

Высокович К. О. Образ светского молодого человека в легкой комедии конца XVIII — нач. XIX века // Litera. 2022. № 1. С. 98–104. <https://doi.org/1025136/2409-8698.2022.1.37262>

Гроссман Л. П. Пушкин. Москва: Астрель, 2012. 544 с.

Касавина Н. А. Экзистенциальное одиночество: смирение и миссия (По мотивам Произведений И. С. Тургенева) // Часы Ивана Тургенева. Международная конференция «Иван Сергеевич Тургенев: философствующий писатель и политический философ. К 200-летию со дня рождения». Всемирный день философии 15 ноября 2018 года. Москва: Голос, 2018. С. 162–174

Кропоткин П. А. Записки революционера. Москва: Московский рабочий, 1988. 544 с.

Куницын А. В. О правах наследования лиц женского пола // Отчет о состоянии императорского Харьковского университета. Харьков, 1844. С. 5–142.

Михневич В. О. Русская женщина XVIII-го столетия. Москва: Панорама, 1990. 404 с.

Пономарева В. В. Закрытые женские институты Российской империи. 1764–1855. Начало формирования отечественной системы женского образования. Москва: Издательство «Пятый Рим», 2019. 480 с.

Радь Э. А. История «блудного сына» в русской литературе: модификации архетипического сюжета в движении эпох : монография. Москва: ФЛИНТА, Наука, 2014. 276 с.

Соколов Д. П. Назначение женщины по учению слова Божия. Новосибирск: Общество памяти игумении Таисии, 2016. 92 с.

Строганов М. В. Литературоведение как человековедение: работы разных лет. Тверь: Золотая буква, 2002. 355 с.

Строганова Е. Н. Забытая по собственному желанию: Софья Дмитриевна Хвощинская // Вестник ТвГУ. Серия: Филология (3). 2011. № 3. С. 64–68.

Сурат И. З. «Жил на свете рыцарь бедный...». Москва: Моск. культурол. о-во, 1990. 266 с.

Троцкий И. М. III Отделение при Николае I; Жизнь Шервуда-Верного. Ленинград: Лениздат, 1990. 318 с.

Федосова И. А. Плач вдовы по мужу // Причитанья Северного края, собранные Е. В. Барсовым: в 3 ч. Ч. 1: Плачи похоронные, надгробные и надмогильные. Москва: «Современные Известия», 1872. С. 1–44.

Фромм Э. Забытый язык. Москва: АСТ, 2010. 320 с.

Хвощинская С. Д. Воспоминания институтской жизни // Институты благородных девиц в мемуарах воспитанниц. Москва: Ломоносов, 2013. С. 120–152.

Шангина И. И. Русский традиционный быт: Энциклопедический словарь. Санкт-Петербург: Азбука-классика, 2003. 688 с.

Шейнина Е. Я. Энциклопедия символов. Москва: ООО «Издательство АСТ»; Харьков: ООО «Торсинг», 2002. 591 с.

Энгельгардт А. Н. Очерки институтской жизни былого времени // Институтки: воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц. Москва: Новое литературное обозрение, 2008. С. 127–214.

Юнг К. Г. Алхимия снов. Москва: Медков С. Б., 2011. 312 с.

Якушенков С. Н. Образ чужого — от деконструкции к конструкции // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2012. № 3. С. 242–249.

May J.-B. Saint-Petersbourg et la Russie en 1829. T. 1. Paris: Levavasseur et Ledoux, 1830. 396 p.

Источники

Хвощинская С. Д. Наследство тетушки // Отечественные записки. 1858. Т. CXVII. С. 165–186.

Хвощинская С. Д. Простые смертные // Отечественные записки. 1858. Т. CXX. С. 1–38.

Хвощинская С. Д. Городские и деревенские. Ч. 1 // Отечественные записки. 1863. Т. CXLVII. С. 1–3.

References

Barsov Ye. V. Lamentations of the Northern Region, coll by E. V. Barsov: in 3 parts, Moscow, 1872–1882. (In Russian).

Buber M. Man's problem, Moscow, 1992, 146 p. (In Russian).

Vysokovich K. O. The image of a secular young man in a light comedy of the late 18th — early 19th centuries. *Litera* = Litera, 2022, no. 1, pp. 98–104. (In Russian).

Grossman L. P. Pushkin, Moscow, 2012, 544 p. (In Russian).

Kasavina N. A. Existential loneliness: humility and mission (Based on the Works of I. S. Turgenev). *Chasy Ivana Turgeneva* = Ivan Turgenev's watch, International conference “Ivan Sergeevich Turgenev: philosophizing writer and political philosopher. To the 200th anniversary of his birth, Moscow, 2018, pp. 162–174. (In Russian).

Kropotkin P. A. Notes of a revolutionary, Moscow, 1988, 544 p. (In Russian).

Kunitsyn A. V. On the inheritance rights of female persons. *Otchet o sostoyanii imperatorskogo Khar'kovskogo universiteta* = Report on the state of the Imperial Kharkov University, Kharkov, 1844, pp. 5–142. (In Russian).

Mikhnevich V. O. Russian woman of the 18th century, Moscow, 1990, 404 p. (In Russian).

Ponomareva V. V. Closed women's institutes of the Russian Empire. 1764–1855. The beginning of the formation of the domestic system of female education, Moscow, 2019, 480 p. (In Russian).

Rad' E. A. The history of the “prodigal son” in Russian literature: modifications of the archetypal plot in the movement of eras: monograph, Moscow, 2014, 276 p. (In Russian).

Sokolov D. P. The purpose of women according to the teachings of the word of God, Novosibirsk, 2016, 92 p. (In Russian).

Stroganov M. V. Literary studies as human studies: works from different years, Tver, 2002, 355 p. (In Russian).

Stroganova E. N. Forgotten at her own request: Sofya Dmitrievna Khvoshchinskaya. *Vestnik TvGU* = Bulletin of Tver State University, ser. Philology, 2011, no. 3, pp. 64–68. (In Russian).

Surat I. Z. “Once upon a time there lived a poor knight...”, Moscow, 1990, 266 p. (In Russian).

Trotsky I. M. III Department under Nicholas I; The Life of Sherwood the Faithful, Leningrad, 1990, 318 p. (In Russian).

Fedosova I. A. Widow's cry for her husband. *Prichitan'ya Severnogo kraya, sobrannyye E. V. Barsovym. Plachi pokhoronnyye, nadgrobnyye i nadmogil'nyye* = Lamentations of the Northern Region, coll. by E. V. Barsov, part 1, Moscow, 1872, pp. 1–44. (In Russian).

Fromm E. Forgotten language, Moscow, 2010, 320 p. (In Russian).

Khvoshchinskaya S. D. Memories of institute life. *Instituty blagorodnykh devits v memuarakh vospitannits* = Institutes for Noble Maidens in the Memoirs of Pupils, Moscow, Lomonosov, 2013, pp. 120–152. (In Russian).

Shangina I. I. Russian traditional life: Encyclopedic Dictionary, St. Petersburg, 2003, 688 p. (In Russian).

Sheynina E. Ya. Encyclopedia of symbols, Moscow; Kharkov, 2002, 591 p. (In Russian).

Engel'gardt A. N. Sketches of institute life in the past. *Institutki: vospominaniya vospitannits institutov blagorodnykh devits* = Institute girls: memoirs of pupils of the Institutes for Noble Maidens, Moscow, 2008, p. 127–214. (In Russian).

Yung K. G. Alchemy of dreams, Moscow, 2011, 312 p. (In Russian).

Yakushenkov S. N. The Image of the Alien — from Deconstruction to Construction. *Kaspijskij region: politika, e'konomika, kul'tura* = Caspian Region: Politics, Economics, Culture, 2012, no. 3, pp. 242–249. (In Russian).

May J.-B. Saint-Petersbourg et la Russie en 1829, t.1, Paris, 1830, 396 p. (In France).

List of Sources

Khvoshchinskaya S. D. Aunt's inheritance. *Otechestvennyye zapiski* = Domestic notes, 1858, no. CXVII, pp.165–186. (In Russian).

Khvoshchinskaya S. D. Mere mortals. *Otechestvennyye zapiski* = Domestic notes, 1858, no. CXX, pp. 1–38. (In Russian).

Khvoshchinskaya S. D. Urban and rural, p. 1. *Otechestvennyye zapiski* = Domestic notes, 1863, no. CXLVII, pp. 1–73. (In Russian).

К ВОПРОСУ О СИСТЕМНОСТИ ВОСТОЧНЫХ ПОЭМ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

М.П. Гребнева

Ключевые слова: М. Ю. Лермонтов, восточные поэмы, темы, конфликты, образы

Keywords: M. Yu. Lermontov, Eastern poems, themes, conflicts, images

[https://doi.org/10.14258/filichel\(2026\)3–03](https://doi.org/10.14258/filichel(2026)3–03)

Введение

Актуальность данного исследования обусловлена интересом к лермонтовским восточным поэмам вообще и их системности, т. е. художественной однородности и взаимосвязанности в частности.

В лермонтоведении существует большое количество работ, посвященных поэмам М. Ю. Лермонтова. Так, В. И. Коровин писал, что «лермонтовские поэмы существенно разнятся одна от другой и написаны скорее по принципу взаимного отталкивания, нежели взаимного притяжения» [Коровин, 1973, с. 149–150]. Некоторые сюжетные параллели из лермонтовских поэм, на наш взгляд, ставят под сомнение эти наблюдения. Л. А. Ходанен, подробно рассматривая «Песню про купца Калашникова», «Мцыри» и «Демона», упоминала также о кавказских поэмах «Каллы», «Измаил-Бей», «Хаджи Абрек», «Аул Бастунджи», исторических поэмах «Последний сын вольности», «Литвинка», «Боярин Орша» и «астральных поэмах», а также близких к ним ранних редакциях «Демона» [Ходанен, 1990]. Е. А. Денисова рассматривает «лироэпические произведения — от ранних юношеских набросков („Черкесы“, „Кавказский пленник“ и др.) до поэм „Хаджи Абрек“, „Измаил-Бей“ и „Аул Бастунджи“, которые хронологически относятся уже к следующему петербургскому периоду, однако продолжают тематику ранних поэм и по своему идейно-художественному содержанию должны анализироваться в контексте раннего творчества. Поэмы предоставляют автору возможности для развития сюжетного диапазона и повествовательной техники; при этом, несмотря на отсутствие в них так называемого „прямого“ автобиографизма, автобиографический дискурс проявляется в идейно-тематическом аспекте, формировании образов героев, а также в оформлении сюжетной ситуации. В разнообразии героев ранних поэм складывается характерная для Лермонтова модель

присутствия автора в тексте, привнесения личного компонента в повествование; в этом случае персонаж становится своеобразной проекцией внутреннего мира автора» [Денисова, 2021].

Игумен Нестор (Кумыш) писал, что «поэмы Лермонтова принято рассматривать как один из этапов развития русской романтической традиции. Но для автора настоящей работы творчество Лермонтова в целом и его поэмы в частности являются той областью, в которой сосредоточено нечто гораздо большее, чем те или иные эволюционные особенности русской литературы. Поэмы Лермонтова — это то сокровенное хранилище, которое содержит в себе опыт духовной деятельности поэта, тот драгоценный ресурс, в котором сконцентрирована совокупность посещавших его откровений» [Игумен Нестор (Кумыш), 2025].

Исследователей продолжают интересовать по преимуществу зрелые поэмы Лермонтова [Полтавец, 2023; Казакова, 2023; Болдина, 2007].

Мы полагаем, что все лермонтовские поэмы можно сгруппировать в ряд блоков, связанных между собой, в частности:

1. Группа подражательных поэм: «Черкесы», «Кавказский пленник», «Корсар», «Преступник», «Олег», «Две невольницы».

2. Группа ранних лирических поэм: «Джюлио», «Азраил», «Ангел смерти».

3. Группа восточных поэм: «Каллы», «Измаил-Бей», «Аул Бастунджи», «Хаджи Абрек».

4. Группы исторических поэм: «Последний сын вольности», «Литвинка», «Боярин Орша», «Песня про купца Калашникова».

5. Группа иронических поэм: «Сашка», «Сказка для детей», «Тамбовская казначейша».

Особое место занимают поэмы «Мцыри» и «Демон», в которых сказалось в итоге все многообразие лермонтовского лироэпоса. Заслуженный интерес в этой связи представляют группы восточных и исторических поэм. Обе группы — это подсистемы внутри общей системы поэмотворчества Лермонтова. Нельзя говорить о характере этих подсистем, не учитывая внутренние связи каждой из них в отдельности. Поэтому анализу связей между подсистемами должно предшествовать изучение внутренних связей каждой из них.

Мы полагаем, что лермонтовское поэмотворчество отличается системностью и иерархичностью, как любой поэтический текст, о котором писал, в частности, Ю. М. Лотман [Лотман, 1996, с. 26], а еще ранее — Б. М. Эйхенбаум, предлагавший рассматривать все творчество Лермонтова автономно: «Я изучаю жизнь литературных форм и стилей — вне вопроса о связи ее с жизнью других форм культурного твор-

чества или с особенностями душевной жизни автора как природной индивидуальности» [Эйхенбаум, 1987, с. 141].

Поэмотворчество — часть этого творчества, этого текста. Оно состоит из целого ряда элементов, внутренне связанных друг с другом и располагающихся на разных уровнях. В данной статье наше внимание привлекут как отдельные восточные или кавказские поэмы Лермонтова, так и взаимосвязи, которые существуют между ними.

Методы и материал исследования

Объектом исследования стали четыре восточные поэмы М. Ю. Лермонтова — «Каллы», Хаджи Абрек», «Измаил-Бей» и «Аул Бастунджи». Предметом изучения выступили поэтические особенности данных произведений как восточных. Задачи исследования предполагают рассмотрение восточного своеобразия перечисленных поэм на уровне тем, конфликтов, образов. С этой целью используются историко-литературный, сравнительный и структурный методы. Результаты исследования связаны с последовательным изучением каждой названной восточной поэмы Лермонтова, а также с выявлением, с одной стороны, их реальных связей друг с другом, а с другой стороны, предварительных связей с теми зрелыми поэмами того же автора, которые будут написаны позднее, — «Боярин Орша», «Мцыри», «Песня про купца Калашникова», «Демон».

Результаты исследования

Характеристика отдельных восточных поэм М. Ю. Лермонтова: «Каллы» (1830–1831)

Ю. М. Лотман писал, что «реальность художественного текста всегда существует в двух измерениях — и произведение искусства на каждом структурном уровне может быть описано двумя способами — как система реализации некоторых правил и как система их нарушений» [Лотман, 1996, с. 53]. Художественная проза, по его словам, равна тексту+«минус-приемы» [Лотман, 1996, с. 38]. В этой связи важным оказывается не только правило или прием, их наличие, но и их отсутствие. В нашем случае правило или прием — это то, что связывает Лермонтова с традицией, о которой, в частности, писал Ю. В. Манн в связи со структурой конфликта в романтической поэме [Манн, 1976, с. 99–141]. Жанр романтической поэмы, таким образом, предполагает наличие определенных правил и приемов. Отступление от правил и минус-приемы —

это то, что должно свидетельствовать о лермонтовской неповторимости в жанре романтической поэмы.

Поэма «Каллы» оказывается незаслуженно обойденной вниманием исследователей, хотя в энциклопедическом словаре, посвященном М. Ю. Лермонтову, представлен достаточно внушительный список литературы [Лермонтов, 2014]. А между тем она имеет ряд особенностей, не выявленных и отличающих ее конфликт от традиционно романтического конфликта.

Например, у Лермонтова полностью отсутствует описание внешности героя в его традиционном сочетании (волосы, чело, улыбка, взгляд и глаза) [Манн, 1976, с. 100–108]. Особенностью отличается и соотношение персонажа с другими людьми [Манн, 1976, с. 109–112]. Лермонтов постепенно убирает всех людей, с которыми общался Аджи. Он не столько оказывает на них воздействие, сколько уничтожает их. Отношения с ними строятся в плане недосказанности и двусмысленности. Герой практически не взаимодействует ни с кем. Сначала он безмолвно слушает муллу, затем убивает спящих врагов. Единственный мотивированный поступок героя — это убийство муллы. Именно это убийство стало причиной отчуждения героя: *«О, как верны мои уда-ры! — / Ужасным голосом сказал / Аджи, — смотри! узнал ли, старый?» / „Ну что же?“ — „Вот что!“ — и кинжал / В груди бесчувственной тор-чал...»* (Михаил Лермонтов. 1962. С. 122). Аджи испытывает душевную драму. Лермонтов подробно излагает ее ступени. Без внутренних колебаний он убивает сына старика: *«Аджи недолго рассуждает...»* (С. 120). Убийство старика сопровождается мыслями о правильности своего поступка: *«Зачем ты взор потупил свой...»* (Там же). Перелом в сознании героя наступает в момент убийства дочери старика: *«И он смотрел. И в думах тонет / Его душа. Проходит час. / Чей это стон? Кто так простонет, — / И не в последний в жизни раз?»* (С. 121).

В этой связи в лермонтовской энциклопедии отмечается, что убийство муллы совершается по мотивам не совсем ясным для читателя [Лермонтовская энциклопедия, 1981, с. 216]. Это совершенно справедливо, если читателя причислить к толпе, о которой пишет Лермонтов. Нам представляется, что совершенное преступление открывает глаза на ужас содеянного. Виновником случившегося герой и автор считают муллу. Постепенно национально ограниченное сознание героя заменяется сознанием общечеловеческим. Этот процесс, вероятно, отличает не только героя, но и автора поэмы.

Обойденным вниманием у Лермонтова оказывается и характер любви главного героя в романтической поэме [Манн, 1976, с. 131–134].

Для возлюбленной герой должен сделать исключение. Не то у Лермонтова. Поэт использует здесь одни недоговоренности. Свидетельством тому мучения героя над спящей девушкой.

Поэма не заканчивается смертью Аджи, как предполагается традицией, о которой пишет Ю. В. Манн [Манн, 1976, с. 134–138], и конфликт оказывается не только не законченным, но и устремленным в будущее.

В целом можно сказать, что «Каллы» — не просто протест против жестоких обычаев, а против жестокости человеческой в целом. Не случайно то, что выразителем этой жестокости является не Аджи, убивший муллу, а мулла, спровоцировавший героя на убийство трех человек. Мотив кровной мести — это только средство показа общечеловеческой жестокости. Ей подвержены даже священники. Поэтому, на наш взгляд, вряд ли стоит говорить о том, что Лермонтов осуждает своего героя. Осуждать он его может только за убийство кровников, а не за убийство муллы. Об этом совершенно справедливо пишет Т. А. Недосекина: «Когда же герой пришел к своему бунту против зла, автор оказался целиком на стороне мятежника» [Недосекина, 1980, с. 73].

Кроме того, следует отметить, что уже в этой очерково-нравоописательной поэме, по определению Е. М. Пульхритудовой [Европейский романтизм, 1973, с. 254], возникает конфликт героя не только с людьми, но и с богом. Это нетрудно доказать. То, что герой выступает против муллы, не требует доказательств, а мулла заявляет, что его советы — есть божий глас (Михаил Лермонтов. 1962. С. 118). Закон мести представляется мулле как закон неба, бога. Аджи должен стать орудием исполнения божьей воли. Совершенные преступления заставляют героя взбунтоваться, а значит, отвергнуть законы бога. Этот мотив роднит Аджи с Арсением из «Боярина Орши», с героем «Мцыри», а в перспективе и с Демоном. Таким образом, мотив отчуждения от людей уже в этой поэме дополняется мотивом отчуждения от бога. В силу этого уже ранняя поэма приобретает философскую и антирелигиозную направленность.

«Измаил-Бей» (1832)

Отступление от романтических традиций представлено также в поэме «Измаил-Бей». В подзаголовке указано автором, что это восточная повесть.

В главном герое этой поэмы романтическая характеристика дополняется более объективной, реалистической. Объективность образа связана с его характеристикой как определенного национального типа: смуглый цвет лица, густые брови, взгляд орлиный, ресницы длинные

и черны, бородка и усы, белый ряд зубов (Михаил Лермонтов. 1962. С. 172). Вместе с тем у Измаила глаза как лезвий холодной стали, крутое чело, злобная улыбка (С. 175), хладен блеск его очей (С. 173). Измаил находится в сложных отношениях с большинством людей. Причем особо следует отметить, что, по мысли Ю. В. Манна, если хотя бы один человек способен прорвать блокаду холодности вокруг центрального персонажа, то общее отношение его с окружающими дебайронизируется [Манн, 1976, с. 110]. Для Измаила таким человеком стала Зара.

Отчуждение героя носит двойной характер. От отчужден и от русских, и от черкесов. Причиной отчуждения от русских может быть то, что они уничтожили его родной аул, мечети, кровы. Но истоки этого отчуждения лежат в прошлой жизни Измаила: «Давно уж вас я презираю...» (С. 176). Создается такое впечатление, что у Лермонтова то одно, то другое отчуждение берет верх. Эпизод убийства русского казака сменяется волной воспоминаний о детстве: «погасла ненависть на время...» (С. 177).

Герой ощущает свое родство с природой. В поэме возникает тема естественной жизни. Эпизод с Зарой и ее отцом является тому подтверждением. И сакля, и ее обитатели свидетельствуют о прелестях «дикий», естественной жизни. Но Лермонтов вновь демонстрирует отчуждение теперь уже от этой жизни. Он тут же показывает обратную сторону их «свободы»: «Живет добычей вся семья!» (С. 181). Они приносят страх, «Украсть, отнять — им все равно» (Там же), т. е. идиллия простой жизни оборачивается совершенно определенным диким разбоем. Остаться с Зарой означает для героя принять их образ жизни, их законы. Измаил предпочитает участь изгнанника.

Изгнанничество Измаила не закончилось с его возвращением на родину. В отличие от брата, Росламбека, и от героя поэмы «Каллы» он отказывается нападать на спящих врагов: «Иную славу надо мне!..» (Михаил Лермонтов. 1962. С. 201). Герой приходит к осознанию того, что и природная, естественная жизнь полна противоречий: «Едва успел обнять изгнанник брата, / Уж клевета и зависть — все над ним!» (С. 203). В Измаиле совершается очень тяжелый внутренний процесс. Он не принял законов цивилизованного мира, но он отказывается принять и законы естественной жизни. На какое-то мгновение Измаилу кажется, что он мог бы быть счастлив с Зарой, но встреча с русским воином и его рассказ о русской женщине заставляет героя признать, что это только иллюзия. Отношениями с Зарой он еще раз предал бы ту женщину, но уже из личных, корыстных побуждений.

Процесс отчуждения все более усиливается и достигает своего апогея в сцене убийства Измаила братом. Отчуждение от родственников усиливается отчуждением от соплеменников, которые нашли на груди убитого Измаила знаки, свидетельствующие о привязанности героя к чужому краю: *«какой-то локон золотой / (Конечно, талисман земли чужой), / И белый крест на ленте полосатой / Блестали на груди у мертвеца!..»* (С. 242). Лермонтов показывает не трагедию цивилизованного или естественного человека, а трагедию человека вообще.

«Хаджи Абрек» (1833)

Лермонтов описывает в этой поэме два типа разбойников. Первый представлен Бей Булатом, второй — Хаджи Абреком. Ничего необычного или мистического в характеристике Хаджи Абрека нет. Убийство Леилы является заранее продуманной местью Бей Булату. Правда, Г. Ф. Филатова замечает, что этой мести в действительности не могло быть, так как законы кровной мести не распространялись на женщин [Филатова, 1964, с. 175]. Следовательно, и убийство девушки в поэме «Каллы» с этой точки зрения выглядит немотивированным.

В текст «Хаджи Абрека» Лермонтов вводит диалог Леилы и Хаджи Абрека, который предвосхищает диалог жертвы Тамары и убийцы, погубителя Демона. Описание пляшущей Леилы предвосхищает описание танцующей Тамары:

*Развеселить его желая,
Леила бубен свой берет;
В него персами ударяя,
Лезгинку пляшет и поет.
Ее глаза как звезды блещут,
И груди полные трепещут...* (Михаил Лермонтов. 1962. С. 295).

*И вот Тамара молодая
Берет свой бубен расписной:
В ладони мерно ударяя,
Запели все, — одной рукой
Кружа его над головой...*

*Нескромной думою полна,
Грудь подымается высоко...* (Там же, с. 613).

Однако мотив любви героя в этой поэме отсутствует. Причиной отчуждения от людей становится смерть брата. Взаимоотношения героя с толпой не показаны вообще. Внешней романтической характеристики героя нет. Имя Хаджи Абрека в конце поэмы намеренно скрыто.

Чем в таком случае оказывается вызвана конфликтная ситуация. Вероятно, местью. Она приобретает в поэме тройное выражение. Первое — собственно кровная месть Хаджи Абрека Бей Булату — убийство ими друг друга. Второе — убийство Леилы, не уместяющееся в рамки традиционной кровной мести. Третье — убийство старика (поскольку увиденная им голова Леилы становится причиной смерти), в котором месть утрачивает кровный характер и приобретает общечеловеческий масштаб.

Так же, как и в «Каллы», Лермонтов выступает не против жестоких обычаев, а против общечеловеческой жестокости в целом, причиной которой, в частности, может быть и кровная месть. Человек утрачивает человеческое, когда начинает исполнять законы, предписанные вековыми предрассудками.

Причем отторжение от людей у Лермонтова всегда означает отторжение от бога: *«Но, если можешь ты молиться, / То не мешало бы — теперь»* (С. 300). Отпадение от бога сопровождается отпадением от природы. Описание природы до убийств Леилы и после него рисуется с помощью контрастных красок. Перед убийством заря на небе только восходит (С. 291), а после убийства она бледнеет (С. 299). До убийства *«в ущелье облако проснулось, / Как парус розовый, надулось»* (С. 291), а после убийства *«ползут, как змеи, облака...»* (С. 299). В первом случае — *«со скал высоких, над путем, / Склонился дикий виноградник...»* (С. 291), а во втором случае облака *«задев колющие кусты, / Бросают жемчуг на листы»* (С. 299). Во втором случае появляется описание мутного и серого ручья, с пеной, которая похожа на *«очи мертвой головы»* (Там же).

«Аул Бастунджи» (1833–1834)

Лермонтов сразу вводит в повествование двух героев — Акбулата и Селима. Поэт дает контрастную характеристику братьев. Пока отчуждение от людей компенсируется любовью братьев друг к другу: *«дивились все взаимной их любви»* (Михаил Лермонтов. 1962. С. 265). Мотивы отчуждения от людей не ясны: *«то знает бог»* (С. 264), *«не знаю»* (С. 265). Но повествование, носящее описательный характер до XII строфы первой главы, сменяется событийным, остросюжетным по-

сле нее. Отчуждение героев от людей дополняется отчуждением героев друг от друга. Появление Зары становится причиной вторичного отчуждения, носящего личный характер. С ее образом связан процесс дебайронизации Акбулата, начало его единения с людьми и разъединения с братом.

Все заботы братьев до этого существовали как бы вне их, они могли быть разрешены за счет других, а теперь совершенно неожиданно оказывается, что счастье и покой каждого из них зависят от каждого из них. По привычке Акбулат ищет причины вне себя и Селима: *«Обиду злобы кровью смыть могу я! / Иль конь пропал? — Забудь об нем, забудь, / В горах коня красивее найду я!..»* (С. 270). И даже деву можно увезть, т.е. украсть: *«Ее увезть легко во тьме ночной...»* (Там же).

Селим по существу и совершает все это по отношению к брату. Он крадет у него жену, коня и наносит смертельную обиду. Отъединенность от людей, замкнутость на своих личных переживаниях, неверие в бога — вот причины, которые сделали возможной трагедию аула Бастунджи.

Селим оказывается подверженным крайнему индивидуализму значительно сильнее, чем его брат. Лермонтов показывает губительность этого психологического состояния человека. Не научившись любить, Селим прошел школу ненависти. Вряд ли его чувство к Заре может считаться любовью. У него не было той внутренней опоры и того жизненного опыта, который, по всей видимости, был у Акбулата. То, что вошло у него в привычку по отношению к другим, подспудно формировало и характер его брата. Селим не сразу решается на месть Акбулату. Он предпринимает попытку решить все мирным путем. Зара, по всей видимости, любит Селима. Иначе как объяснить его слова: *«Когда б хотел, я б мог давно, поверь, / Упитаться счастьем, презреть все святое! / Но я подумал: нет! как лютый зверь, / Он растерзает сердце молодое!»* (С. 272). Речь в данном случае, по всей видимости, идет о сердце Зары. Селим не хочет тайного счастья. Законы чести и долга для Зары выше любви. Это определяется ее близостью с людьми, которой недостает человеку, которого она любит. Он, используя все мирные средства, не желает отказываться от задуманного. Индивидуалистическое начало в герое оказывается сильнее, чем его любовь к героине. Для Зары выхода не было. И здесь дело даже не в Акбулате, а в том, что причина ее несчастья находится в человеке, которого она любит. «Такая» любовь Селима не могла устроить Зару. Даже решившись на измену мужу, она не смогла бы стать счастливой с Селимом.

Взаимосвязи, существующие между восточными поэмами М. Ю. Лермонтова: «Каллы» и «Хаджи Абрек»

Три убийства в «Каллы» переосмысливаются Лермонтовым в трех убийствах в «Хаджи Абреке». Только последовательность убийств характеризуется обратным их порядком: убийство Леилы (дочь Акбулата в «Каллы»), ее отца (Акбулат в «Каллы») и только после этого убийство Бей-Булата (сын Акбулата). Для Аджи причиной убийства целой семьи стала кровная месть.

Убийство Леилы — это месть Бей-Булату, но вряд ли она может считаться кровной, тем более смерть отца героини. В орбиту преступных действий и их последствий втягиваются невиновные перед Хаджи Абреком люди, не связанные с ним кровной местию. Герой предстает отступником от законов кровной мести, а потому он — преступник. Обычаи используются им для достижения своих корыстных целей. Мотив тройного убийства дополняется мотивом тройного нарушения законов гостеприимства: во-первых, герой приехал в дом, где его встретили как гостя, со злом, во-вторых, он не притронулся к угощению, в-третьих, убил невиновного перед ним человека.

Хаджи — преступник в большей степени, чем Аджи. Лермонтов в определенной степени оправдывает героя «Каллы», намеренно снижая характеристику муллы, «погибшего» от его руки:

Под этим камнем спит мулла

И вместе с ним его дела (Михаил Лермонтов. 1962. С. 123).

Хаджи Абрек — такой же преступник и злодей, как и Бей-Булат:

Обнявшись крепко, на земле

Они лежали, костеня,

Два друга с виду — два злодея! (С. 302).

Характеристика героини «Каллы» аналогична характеристике Леилы, она целиком соответствует описаниям героинь восточных поэм. У нее черные глаза, косы. Внутреннее состояние передается через внешнее:

...только сон мятежный,

Волнуя девственную грудь,

Мешал свободней ей вздохнуть (С. 121).

«Измаил-Бей» и «Аул Бастунджи»

Для понимания характера эволюции Лермонтова от одной поэмы к другой важна характеристика главных героев:

Измаил

***И, хоть невинный, начал жизнь свою,
Как многие кончают, — преступленьем*** (с. 194).

*Он материнской ласки не знал:
Не у груди, под буркою согретый,
Один провел младенческие леты;*

Селим

*Отец их был убит в чужом краю.
А мать Селим убил своим рождением,
И, хоть невинный, начал жизнь свою,
Как многие кончают, — преступленьем!* (С. 264).

Как видим, в характеристике много общих деталей — отсутствие материнской любви, общими являются две строчки в каждом описании (выделенные нами жирным шрифтом и свидетельствующие о наличии автореминисценции), но для нас интерес представляет особенность, различающая героев.

Измаил и Росламбек, по всей видимости, двоюродные братья. Во всяком случае, установлено, что прообразом Росламбека был двоюродный брат Измаила Атажукина — Росламбек Мисостов [Попов, 1954, с. 16].

Можно привести ряд примеров, подтверждающих этот факт:

А) *У Росламбека брат когда-то был:
О нем жалеют шайки удалые...* (С. 193).

*Отцом в Россию послан Измаил
И их надежду отняла Россия* (С. 193).

Б) *В пещере темной, где, гонимый братом,
Убийцею кровавым, Бей-Булатом,
Его отец томился много лет...* (С. 193).

В) *Один провел младенческие леты* (С. 194);
Г) *Но к русским послан он своим отцом*
И с той поры известья нет об нем... (Там же).

В отличие от Росламбека и Измаила, Селим и Акбулат — родные братья. Характер изменений в поэмах определяется разрушением родственных связей между людьми.

В «Измаиле» герои — не родные братья, и конфликт между ними, скорее всего, носит характер кровной мести, которую, вероятно, начали их отцы. Дополнением к основному конфликту является мотив зависти Росламбека к влиянию Измаила.

Кроме того, следует учитывать, что оба героя — князья. Каждый из них по-своему понимает долг.

Оправдательным моментом для Росламбека является то, что он убил «обрусевшего» Измаила:

Врагов отчества служитель,
Всю эту славу погубил (С. 198).

Следы «отступничества» Измаила подробно изложены в поэме:

А) Он пренебрег чувством Зары:
Я в жертву счастье должен принести... (С. 190).

Б) Измаил противопоставил себя Росламбеку, отказавшись убивать сонных врагов:

Согласны все на подвиг ратный,
Но не согласен Измаил (С. 201).

В) Герой спас русского воина, попавшего в стан неприятеля:
«Ты прав; На честь мою надейся!
Вот мой огонь: садись и грейся» (С. 205).

Г) Наконец, Измаил бежал с поля боя:
Не стыд, — но горькая досада
Героя медленно грызет... (С. 233).

Столь же подробно изложено все, что предшествовало гибели героя от руки Росламбека. В поэме четырежды упоминается мотив стрельбы. Первый выстрел предшествует встрече Измаила с русским казаком:

*Вдруг слышит выстрел — что такое?
Как будто на смех, звук один,
Жилец ущелий и стремнин,
Трикраты отзыв повторяет* (С. 174).

Этот выстрел ознаменовал убийство русского казака, по существу, не виновного перед Измаилом.

Второй выстрел предварял появление русского воина в стане неприятеля:

*Вдруг выстрел, два и много! — он вскочил,
И слушает, — но все утихло снова* (С. 205).

На этот раз герой отпускает русского солдата.

Третий выстрел был предназначен Измаилу, но, видно, ему было не суждено погибнуть от руки русского. И на этот раз гибнет русский солдат:

*Он ищет Измаила — и нашел,
И вынул пистолет свой, и навел,
И выстрелил! — напрасно! — обманулся
Его свинец!* (С. 231–232).

*«Свидетель бог: не я тому виной!.. —
Воскликнул он (Измаил. — М.Г.), и шашка зазвенела,
И, отделясь от трепетного тела,
Как зрелый плод от ветки молодой,
Скатилась голова...* (С. 232).

Четвертый выстрел — выстрел Росламбека. Измаил погибает не от руки казака, не от руки русского солдата, а от руки своего брата:

*Но что за выстрел? — дым вился белея
Верна рука, и верен глаз злодея!
С свинцом в груди, простертый на земле,
С печатью смерти на крутом челе,
Друзьями окружен, любимец брани
Лежал, навеки нем для их призываний!* (С. 241).

Каждый новый выстрел умяет значимость проблем, решаемых героями:

А) Измаил и русский казак — проблема порабощения русскими народов Кавказа.

Б) Измаил и русский воин — история, связанная с отношениями героя с русской девушкой.

В) Измаил и Росламбек — ссора между братьями.

В «Ауле Бастунджи» конфликт переносится внутрь семьи Акбулата и Селима и раздирает ее противоречиями изнутри.

Если Измаил и Росламбек с самого начала — недруги, то Акбулат и Селим до встречи с Зарой — большие друзья. Если в «Измаиле» князь идет на князя, то в «Ауле» — брат на брата. Измаил одержим мечтой об освобождении родины, а для Акбулата все значительно проще:

Наш бедный дом храним ее заботой

Отныне будет. Зара! Вот моя

Отчизна, все богатство, вся семья!.. (С. 267).

Забегая вперед, можно сказать, что в «Песне про купца Калашникова» конфликт семейный не удерживается в рамках семьи и выплескивается наружу. Причем на семейные устои посягает человек извне, поэтому поединок с Кирибеевичем и кирибеевщиной мыслится как борьба не только Калашникова и не столько с Кирибеевичем.

Заключение

В «Каллы» Лермонтов не следует традициям романтической поэмы, а отступает от них: отсутствует описание внешности, так как автор акцентирует внимание на внутреннем мире своего героя, на его переживаниях; взаимодействие героя с другими персонажами практически отсутствует, поскольку он их последовательно уничтожает, убивает; образ возлюбленной героя, для которой он делает исключение по сравнению с другими людьми, отсутствует; отсутствует описание смерти героя. Кроме того, традиционно внимание исследователей кавказских поэм Лермонтова интересуют нравы горцев. Лермонтов акцентирует внимание не на национальном, а на общечеловеческом содержании событий, благодаря чему уже одна из ранних поэм приобретает философское звучание, которое предвосхищает достижения Лермонтова в поэмах «Боярин Орша», «Мцыри» и «Демон».

В поэме «Измаил Бей» Лермонтов не только отступает от традиций, но и преобразует их. Внешняя романтическая характеристика ге-

роя дополняется характеристикой реалистической, отчуждение от русских дополняется отчуждением от черкесов, история взаимоотношений с Зарой дополняется историей взаимоотношений с русской женщиной. Измаил не отдает предпочтения ни естественной, ни цивилизованной жизни. Его смерть от руки брата не укладывается в представления о кровной мести. Представления о национальном дополняются представлениями об общечеловеческом. Лермонтов стремится показать своего героя на разном материале, сюжет поэмы отличается разветвленностью, обилием персонажей и ситуаций, позволяющих раскрыть внутренний мир главного героя.

В поэме «Хаджи Абрек» герой отпадает не столько от людей, сколько от бога. Убивая Леилу, он отчуждается не от людей, а от бога. Леила не виновата перед ним, но именно она выступает орудием мщения. Завершается поэма убийством Бей-Булата, который действительно виновен перед Хаджи Абреком. Однако совершенное прежде убийство Леилы делает Хаджи Абрека таким же разбойником, как и Бей-Булат. Он оказывается виновным не перед людьми, а перед богом. Может быть, поэтому в этой поэме много того, что предвосхищает «Демона»: диалог Леилы и Хаджи Абрека — диалог Тамары и Демона, описание пляски Леилы и описание пляски Тамары.

В поэме «Аул Бастунджи» причины отчуждения двух героев, Акбулата и Селима, от людей не ясны, зато причиной их отчуждения друг от друга становится любовь к одной и той же женщине. Лермонтов показывает не конфликт героев с миром и обществом, а конфликт их друг с другом.

Поэмы «Каллы» и «Хаджи Абрек» объединяются за счет мотива преступления. Три убийства, совершенные героем первой поэмы, обусловлены законом кровной мести. Убийство муллы не связано с ней и способствует оправданию героя автором. Во второй поэме главный герой совершает три преступления, которые не связаны с кровной местью, он преследует свои личные цели. Он является преступником без всяких оговорок.

В поэмах «Измаил Бей» и «Аул Бастунджи» конфликт между главными героями переносится внутрь семьи. Причем если Измаил и Росламбек — двоюродные братья, то Акбулат и Селим — родные братья.

Постепенно Лермонтов усложняет и укрупняет конфликт в своих поэмах: немотивированное убийство муллы и вызов богу в этой связи в «Каллы», конфликт между русскими и черкесами в «Измаил Бее», отторжение от людей и от бога в «Хаджи Абреке», вражда между родными братьями в «Ауле Бастунджи». В восточных поэмах их автора инте-

ресует не столько этнографические, сколько общественные, общечеловеческие, исторические, религиозные, философские проблемы.

Библиографический список

Алексеев П. В. Восточный текст в поэтике М. Ю. Лермонтова // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 374. С. 7–10. Электронный ресурс <https://cyberleninka.ru/article/n/vostochnyy-tekst-v-poetike-m-yu-lermontova>

Болдина Н. Н. Лингвостилистические особенности поэм М. Ю. Лермонтова // Известия Пензенского гос. пед. ун-та. Гуманитарные науки. 2007. № 4 (8). С. 26–28. Электронный ресурс <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvostilisticheskie-osobennosti-poem-m-yu-lermontova/viewer>

Денисова Е. А. Автобиографизм как художественная проблема в творчестве М. Ю. Лермонтова : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва: МГУ, 2021. 24 с.

Европейский романтизм. Москва: Наука, 1973. 506 с.

Игумен Нестор (Кумыш). Тайна Лермонтова. Москва: Худ. лит., 2025. 544 с.

Казакова С. Изучение поэмы М. Ю. Лермонтова «Мцыри» в школе. Саратов: Саратов. гос. ун-т, 2023. 10 с.

Киселева И. А. О смысловой цельности дефинитивного текста поэмы М. Ю. Лермонтова «Демон» (1839) // Проблемы исторической поэтики. 2019. Т. 17. № 4. С. 91–106. <https://doi.org/10.15393/j9.art.2019.6422>

Коровин В. И. Творческий путь М. Ю. Лермонтова. Москва: Просвещение, 1973. 286 с.

Лермонтов М. Ю. Энциклопедический словарь. Москва: Индрик, 2014. 936 с. Электронный ресурс <https://lermontov-lit.ru/lermontov/dictionary/lermontov-dictionary/poemy/kally.htm>

Лермонтовская энциклопедия. Москва: Советская энциклопедия, 1981. 784 с.

Лотман Ю. М. О поэтах и поэзии. Санкт-Петербург: Искусство-СПб, 1996. 846 с.

Манн Ю. В. Поэтика русского романтизма. Москва: Наука, 1976. 377 с.

Недосекина Т. А. Трактровка демонической темы в поэмах Лермонтова 1830–1831 гг. // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1980. № 6. С. 72–75.

Полтавец М. А. Поэма М. Ю. Лермонтова «Демон» в русской культуре XIX века: феномен интермедальности : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва: МГУ, 2023. 28 с.

Попов А. В. Лермонтов на Кавказе. Ставрополь: Ставроп. книж. изд-во, 1954. 215 с.

Филатова Г. Ф. Ранние кавказские поэмы М. Ю. Лермонтова (К вопросу о положительном герое в его творчестве) // Ученые записки Московск. област. педагог. ин-та им. Н. Крупской. Москва, 1964. Т. 152. Вып. 9–10. С. 147–197.

Хабибуллина А. З. Основы художественного мышления М. Ю. Лермонтова и Восток // Филология и культура. 2013. № 3 (33). С. 224–228. Электронный ресурс <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovy-hudozhestvennogo-myshleniya-m-yu-lermontova-i-vostok>

Ходанен Л. А. Поэмы М. Ю. Лермонтова. Поэтика и фольклорно-мифологические традиции. Кемерово: Издательство Кемеровского гос. ун-та. 1990. 91 с.

Эйхенбаум Б. М. О литературе. Москва: Сов. писатель, 1987. 550 с.

Источник

Лермонтов М. Ю. Собр. соч.: в 4-х т. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1962.

References

Alekseyev P. V. The Eastern Text in the Poetics of Mikhail Lermontov. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* = Bulletin of Tomsk State University, 2013, no. 374, pp. 7–10. Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/vostochnyy-tekst-v-poetike-m-yu-lermontova> (In Russian).

Boldina N. N. Linguostylistic Features of M. Yu. Lermontov's Poems. *Izvestiya Penzenskogo gos. pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki* = Bulletin of the Penza State Pedagogical University. Humanities, 2007, no. 4(8), pp. 26–28. Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvostilicheskie-osobennosti-poem-m-yu-lermontova/viewer> (In Russian).

Denisova E. A. Autobiographism as an Artistic Problem in the Works of M. Yu. Lermontov. Abstract of Philol. Cand. Diss., Moscow, 24 p. (In Russian). European Romanticism, Moscow, 1973. 506 p. (In Russian).

Eykhensbaum B. M. About literature, Moscow, 1987, 550 p. (In Russian).

Filatova G. F. Early Caucasian Poems by M. Yu. Lermontov (On the Issue of the Positive Hero in His Work). *Uchenye zapiski Moskovsk. oblast. pedagog. in-ta im. N. Krupskoy* = Scientific Notes of the Moscow Regional Pedagogical Institute named after N. Krupskaya, Moscow, 1964, vol. 152, iss. 9–10. pp. 147–197. (In Russian).

Igumen Nestor (Kumysh). Lermontov's Secret, Moscow, 2025, 544 p. (In Russian).

Kazakova S. Study of M. Yu. Lermontov's Poem "Mtsyri" in School, Saratov, 2023, 10 p. (In Russian).

Khabibullina A. Z. Fundamentals of Mikhail Lermontov's Artistic Thinking and the East. *Filologiya i kul'tura* = Philology and Culture, 2013, no. 3 (33), pp. 224–228. Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovy-hudozhestvennogo-myshleniya-m-yu-lermontova-i-vostok> (In Russian).

Khodanen L. A. Poems of M. Yu. Lermontov. Poetics and Folklore-Mythological, Kemerovo, 1990, 91 p. (In Russian).

Kiseleva I. A. On the Semantic Integrity of the Definitive Text of M. Yu. Lermontov's Poem "The Demon" (1839). *Problemy istoricheskoy poetiki* = Problems of Historical Poetics, 2019, vol. 17, no. 4, pp. 91–106. <https://doi.org/10.15393/j9.art.2019.6422> (In Russian).

Korovin V. I. The Creative Path of M. Yu. Lermontov, Moscow, 1973, 286 p. (In Russian).

Lermontov Encyclopedia, Moscow, 1981, 784 c. (In Russian).

Lermontov M. Yu. Encyclopedic Dictionary, Moscow, 2014, 936 p. Retrieved from <https://lermontov-lit.ru/lermontov/dictionary/lermontov-dictionary/poemy/kally.htm> (In Russian).

Lotman Yu. M. About poets and poetry, St. Petersburg, 1996, 846 p. (In Russian).

Mann Yu. V. Poetics of Russian romanticism, Moscow, 1976, 377 p. (In Russian).

Nedosekina T. A. Interpretation of the demonic theme in Lermontov's poems of 1830–1831. *Nauchnye doklady vysshey shkoly* = Scientific reports of higher education, Philological sciences, 1980, no. 6, pp. 72–75 (In Russian).

Poltavets M. A. M. Yu. Lermontov's Poem "The Demon" in Russian Culture of the 19th Century: The Phenomenon of Intermediality. Abstract of Philol. Cand. Diss., Moscow, 2023, 28 p. (In Russian).

Popov A. V. Lermontov in the Caucasus, Stavropol', 1954, 215 p. (In Russian).

Source

Lermontov M. Yu. Collected Works, in 4 vols, Moscow-Leningrad, 1962.

ЛИТЕРАТУРА И СПОРТ. ПОВЕСТЬ Л. А. КАССИЛЯ «ХОД БЕЛОЙ КОРОЛЕВЫ»

Н.В. Малинина

Ключевые слова: литература и спорт, влияние спорта на людей, кроссовер-литература

Keywords: literature and sports, the influence of sport on people, crossover literature

[https://doi.org/10.14258/filichel\(2026\)3–04](https://doi.org/10.14258/filichel(2026)3–04)

Введение
Данное исследование посвящено проблеме освещения темы «литература и спорт» в русской и зарубежной литературе.

Одним из первых произведений на тему «литература и спорт» в русской литературе считается рассказ А. И. Куприна «Изумруд», в котором мир увиден глазами породистого жеребца по кличке Изумруд и для которого выигранные скачки оказались трагическими. С присущим этому писателю талантом А. И. Куприн, сам страстный завсегдатай ипподрома, описывает мельчайшие детали скачек, делая читателя участником состязания. До сих пор в интернете за текстом этого рассказа, написанного в 1907 г., следуют живые отклики наших современников. Приведем небольшой отрывок из этого рассказа:

Воздух, бегущий навстречу, свистит в ушах и щекочет ноздри, из которых пар бьёт частыми большими струями. Дышать труднее, и коже становится жарко. Изумруд обегает последний заворот, наклоняясь вовнутрь его всем телом. Трибуна вырастает, как живая, и от неё навстречу летит тысячеголосый рёв, который пугает, волнуется и радует Изумруда. У него не хватает больше рыси, и он уже хочет скакать, но эти удивительные руки позади и умоляют, и приказывают, и успокаивают: «Милый, не скачи!.. Только не скачи!.. Вот так, вот так, вот так». И Изумруд, проносясь стремительно мимо столба, разрывает контрольную нитку, даже не заметя этого. Крики, смех, аплодисменты водопадом низвергаются с трибуны. Белые листки афиш, зонтики, палки, шляпы кружатся и мелькают между движущимися лицами и руками. Англичанин мягко бросает вожжи. «Кончено. Спасибо, милый!» — говорит Изумруду это движение, и он, с трудом сдерживая инерцию бега, переходит в шаг. В этот момент вороной жеребец

только-только подходит к своему столбу на противоположной стороне, семью секундами позже (А. Куприн. Изумруд).

Рассказ «Изумруд» позволяет проследить за смысловым и эмоциональным потенциалом спортивной темы в литературе: наблюдать за состоянием участников (*Дышать труднее, и коже становится жарко*), за ролью тренера (*но эти удивительные руки позади и умоляют, и приказывают, и успокаивают: «Милый, не скачи!.. Только не скачи!.. Вот так, вот так, вот так»*), за поведением болельщиков (*Крики, смех, аплодисменты водопадом низвергаются с трибуны. Белые листки афиш, зонтики, палки, шляпы кружатся и мелькают между движущимися лицами и руками*), за состоянием победителя (*«Кончено. Спасибо, милый!» — говорит Изумруду это движение, и он, с трудом сдерживая инерцию бега, переходит в шаг*).

Люди больших достижений вызывают к себе неизменный интерес. Это касается и спортсменов — не случайно с древних времен существуют Олимпийские игры, демонстрирующие красоту человека, его физические возможности, волю. Спортсмены нередко становятся героями литературных произведений, пользующихся вниманием читателей.

Первым русским олимпийским чемпионом (1908 г.) стал за исполнение «специальных фигур» фигурист Н. А. Панин-Коломенкин. Правда, со следующего года эти фигуры были исключены из программы Олимпийских игр, так как являлись «очень сложным заданием». Н. А. Панину посвящена документальная повесть А. М. Чайковского «Волшебная восьмерка» (А. М. Чайковский. Волшебная восьмерка. Документальная повесть о Н. А. Панине-Коломенкине. 1978), в которой рассказывается о замечательном спортсмене и человеке, блестящем фигуристе, замечательном стрелке, яхтсмене, а в последние десятилетия своей жизни — прекрасном педагоге, теоретике спорта. Его перу принадлежат книги, посвященные любимому виду спорта — фигурному катанию. Он был автором первого в мире учебника для фигуристов.

Книга А. М. Чайковского содержит большой фактический материал о спортивных достижениях Панина, но начинается она с рассказа о его детстве, о котором и сам он никогда не забывал. Вероятно, все-таки самое главное в характере человека закладывается именно тогда. Приведем эпизод, в котором рассказывается о получении им в подарок от матери первых коньков: *Сон никак не мог одолеть Колю. Он ворочался... и всё засовывал руку под подушку. Под подушкой он нащупывал острые рёбра коньков, кончиками пальцев поглаживал их отшлифованные бока, стойки, тугой ремень, которым передняя часть конька крепилась к ботинку. Счастье не давало ему спать. Его охватывали мечты: Теперь смо-*

гу обгонять всех, когда поеду в гимназию, — думал он в ту бессонную и счастливую ночь. <...> Но на следующий день правый конек Коля отдал сестре, ...ей тоже очень хотелось кататься, и она молча смотрела на Колю, когда он прикручивал сверкающее стальное великоление к ботинкам. Коля чувствовал её взгляд <...>. Ему не хотелось, чтобы сестра была несчастливой, и он подумал: «Счастья нам хватит на двоих». <...> Так они бежали целую зиму: сестра на правом коньке, отталкиваясь левой, свободной, ногой, а Коля на левом, отталкиваясь правой. И были счастливы, в особенности когда брались за руки, скользили вместе <...>. Коля оставил воспоминание об этой зиме навсегда при себе. Она напоминала об этом катании на одной ноге на всех соревнованиях: Панин всегда самые трудные фигуры исполнял только на левой ноге, потому что она была более сильной и более чуткой (А. М. Чайковский. Волшебная восьмерка. Документальная повесть о Н. А. Панине-Коломенкине).

Так в этой документальной повести складывается образ органично формирующегося человека, с детства увлеченного коньками, умеющего быть счастливым, доброго, готового поделиться любимым, чтобы и другой человек испытал счастье. Вероятно, эти качества, кроме наличия воли, способности добиваться желаемого, делают человека неординарным, и не только в спорте, а иногда и великим.

Но по-настоящему популярными у русских читателей стали книги о спорте Льва Кассиля: «Вратарь республики» (1939) и «Ход белой королевы» (1953–1956). Повесть «Ход белой королевы» была экранизирована в 1971 г. (режиссер В. Садовский). В фильме снимались такие известные актеры, как К. Лавров, А. Папанов, Е. Евстигнеев, Л. Куравлев, В. Федорова. Фильм получил Гран-при на XXVII МКФ спортивных фильмов в Кортина-д'Ампеццо (Италия) в 1972 г.

История вопроса: об авторе и его произведении

Л. А. Кассиль — известный детский писатель, книги которого не ушли за давностью происходящего из поля внимания читателя, они связаны с событиями школьной жизни, касаются отношений взрослых и детей, посвящены неизбывным вопросам духовного развития, осмыслению человеком своих возможностей и своих поступков — добра и зла.

Надо сказать, что в последнее время в поле внимания оказался особый тип литературы, получивший название кроссвер-литературы: «романы кроссвера прокладывают невидимую тропу между юным и зрелым читателем, одинаково увлекая обоих, позволяя каждому видеть в тексте то, что соответствует возрасту, кругозору, насущным проблемам развития личности — подростка или взрослого, скрытые

смыслы или интертекстуальные (интермедийные) отсылки к знаковым феноменам культуры» [Розбоудова, Васильева, 2019, с. 116]. Различным вопросам изучения и построения детских и классических текстов кроссвер-литературы посвящены исследования В. В. Садовниковой и Т. В. Садовниковой, О. А. Толстых, Т. Менисе, Линь Чжефу и Т. Ф. Шак [Толстых, 2006; Менисе, 2019; Чжефу, Шак, 2022; Садовникова, Садовникова, 2023] и других современных исследователей. Как отмечает одна из ведущих специалистов в исследовании этого гибридного жанра англоязычной литературы Сандра Л. Беккет, «хотя кроссвер-литература — явление не новое, термин как таковой вошел в обиход только с выходом в свет и высокой популярностью книг Дж. К. Роулинг о Гарри Поттере» [Beckett, 2011, p. 58].

История кроссвера в англоязычной прозе, по мнению многих исследователей, начинается не с Гарри Поттера, а с таких романов XIX в., как «Дети воды» (*The Water-Babies*, 1863) Ч. Кингсли, «Приключения Алисы в стране чудес» (*Alice's Adventures in Wonderland*, 1865) Л. Кэрролла и «Принцесса и Гоблин» (*The Princess and the Goblin*, 1872) Дж. Макдональда. Несмотря на то что эти романы предназначались для юной публики, в Викторианской культуре они были признаны как серьезные произведения для взрослых. В XX в. феномен кроссвера кристаллизовался в романах Дж. Р. Р. Толкина «Властелин колец» (*The Lord of the Rings*, 1954–1955) и Р. Адамса «Обитатели холмов» (*Watership Down*, 1972). Встречаются также отсылки к «Скотному двору» (*Animal Farm*, 1945) Дж. Оруэлла в качестве одного из таких романов. Ближайшими прототипами новой формы кроссвера, предшествовавшими «Гарри Поттеру...», стали романы «Над пропастью во ржи» (*The Catcher in the Rye*, 1951) Дж. Д. Сэлинджера, «Повелитель мух» (*Lord of the Flies*, 1954) У. Голдинга и «Убить пересмешника» (*To Kill a Mockingbird*, 1960) Х. Ли [Розбоудова Л., Васильева, 2019, с. 138–140].

В центре нашего внимания — произведения Л. А. Кассиля, которые, опережая время, сближаются с кроссвер-литературой. И речь идет не только о том, что взрослым желательно знать, о чем читают дети, что их волнует, как проходит становление личности человека, но, вероятно, и для взрослых многое из этого не теряет актуальности, особенно в наше время, обострившее проблемы социального бытия.

Тема спорта в этом отношении остается особенно важной. Спортивные соревнования способствуют «воспитанию чувств», умению относиться к острым ситуациям, по крайней мере, сдержанно, они развивают волю, требуют физического здоровья, систематических занятий, тренировок. Большинство видов спорта связывают человека с приро-

дой и с природной красотой самого человека. Все эти качества оказываются решающими для персонажей произведений на спортивную тему. Здесь они органичны, лишены той назидательности, которая неизбежно проявляется в литературе «воспитания». Но, соответственно, все это ставит и трудные задачи перед пишущим на спортивные темы. Здесь существует набор стереотипных ситуаций: любовь к спорту героя, его воля, тренировки, преодоление трудностей и т. п. Перед пишущим на спортивные темы стоит задача найти главное, неординарное в своем герое, увидеть детали и внести их в описание изображаемой действительности, которые представят особый мир героя.

Из многочисленных произведений, которые существуют в русской литературе на тему спорта, произведения Л. Кассиля с их напряженным сюжетом, умением населить текст интересными персонажами, с любовью к героям не теряют своей притягательности и по-прежнему читаются детьми и взрослыми.

Целью исследования является изучение авторской манеры Л. А. Кассиля, особенностей сюжета его произведения о спорте, а также способов описания внутреннего мира персонажей, их любви и преданности спорту, позволяющих преодолевать трудности и т. п.

Результаты исследования и обсуждение

Повесть «Ход белой королевы» была закончена автором в 1956 г., когда в Италии, в городке Кортина-д'Ампеццо, состоялись VII зимние Олимпийские игры. В них приняли участие спортсмены из 32 стран. Впервые в них участвовали советские спортсмены, которые заняли первое командное место. Они завоевали 7 золотых, 3 серебряных и 6 бронзовых медалей. Особенно отличилась лыжница Любовь Козырева, которая стала чемпионкой на 10-километровой дистанции.

На следующий день газета «Советский спорт» писала: «Стадион разражается бурными аплодисментами, когда появляется спортсменка под номером 32. Это идет Козырева. Ее знают в Италии как превосходную лыжницу. В прошлом году Козырева здесь в Кортина-д'Ампеццо выиграла гонку, в которой участвовали все сильнейшие лыжницы мира. Итальянские газеты называли Козыреву феноменальной спортсменкой. Вот она пересекает финишную черту» (Любовь Козырева-Баранова — Белая Королева. Российский туризм).

Любовь Владимировна Козырева-Баранова (1929–2015) родилась под Ленинградом в поселке Бутры (сейчас район Санкт-Петербурга), пережила блокаду, тренировалась в поселке Парголово. Олим-

пийская чемпионка, выиграла золото на VII Олимпиаде в 1956 г. в Кортина-д'Ампеццо.

Повесть «Ход белой королевы» — художественное произведение, и хотя оно не противоречит событиям 1956 г., но и не повторяет их буквально.

Композиционно повесть связана с Олимпиадой: она имеет пролог и эпилог — пролог содержит сообщение о предстоящей Олимпиаде, о чем узнает автор-повествователь от своего друга — спортивного комментатора. Решение поехать туда поддерживается и тем, что в соревнованиях будет участвовать спортсменка, которую тренирует известный в прошлом чемпион страны. В эпилоге содержится сообщение о ее победе. Так читатель по-своему включается в текст как в наблюдение за спортивным соревнованием: ожидание борьбы, наблюдение за ее ходом и победа одного из участников.

О том, что происходило во время тренировок и подготовки к Олимпиаде, автор, а с ним и читатель, узнают из рукописи журналиста, которую тот принес писателю для оценки, что в духе русской литературной традиции. Так, прозаические произведения А. С. Пушкина включены им в цикл под названием «Повести Белкина», «покойного автора», изданием которых он занимается. М. Ю. Лермонтов включает в свое произведение «Герой нашего времени» «Дневник Печорина». Этот прием всегда используется с определенной художественной задачей: он вводит двух рассказчиков, обостряя внимание читателя, непроизвольно наблюдающего за мнением каждого. В повести Кассиля этот прием повышает впечатление достоверности описываемых событий, поскольку журналист — друг главного героя и профессиональный спортивный комментатор. А также позволяет автору при позиции наблюдателя выстроить композицию произведения с прологом и эпилогом, что дает возможность описать Олимпийские игры и представить блестящий результат работы спортсменки и ее тренера.

События в повести журналиста начинаются в Москве, где проходят всесоюзные соревнования, и дальше разворачиваются в маленьком уральском городе. Он расстраивается в послевоенные годы благодаря строительству обогатительного комбината, что является характерной чертой времен 50-х гг. в Советском Союзе. В эти годы страна не только восстанавливает разрушенное, но и стремится к развитию, которое было остановлено войной. Туда переезжает герой — тренер Степан Чудинов — по своей основной специальности архитектор, еще в Москве он начал работу по проектированию новых зданий для растущего города. Этот первый шаг в развитии сюжета содержит много коротких

эпизодов, которые вводятся в сферу спортивных отношений. Так становится известным, что переезд Чудинова в какой-то степени определяется его неудачами в тренировках чемпионки страны, которую он не может заразить реальным горением в спорте и которая не обнаруживает никаких новых достижений:

Никому не уступала первого места уже третий год подряд воспитанница Чудинова Алиса Бабурина... Вот она на фотографии в журнале, брошенном раскрытым на кресле. Высокая, изящная, со слегка надменно вздёрнутым подбородком. Одной рукой она принимает очередной приз, другой обхватила плечо своего тренера. А вокруг фоторепортёры, поклонники, овации⁶.

Чудинов решает прервать работу с Алисой и целиком посвятить себя строительству... Между героем и журналистом происходит такой разговор:

— Да ты строй себе на здоровье (реплика журналиста. — **Н. М.**), но зачем спорт бросать? — пытался я урезонить его.

Чудинов решительно провёл ребром ладони по горлу:

— Сыт-сытёхонек. Был когда-то, да весь вышел. Спортсмену, как и артисту со сцены, надо уходить вовремя. Я уже и так пересидел. Вот когда-то, верно, были и мы с тобой рысакими... Что говорить!

Итак, читатель застаёт героя в сложный момент его жизни, свидетельствующий о существовании в ней непростых ситуаций.

Вторая главная героиня — Наташа Скуратова, лучшая лыжница в своём городке, выступая на всесоюзных соревнованиях, не достигает ожидаемых результатов и приходит к неутешительному выводу. Вот её разговор с подругой по команде:

— Ох, оплошали мы с тобой, Наташа! — убивалась маленькая лыжница. — Как же теперь в Зимогорске покажемся? Засмеют.

— Ну и пусть, если кому смешно покажется. — Скуратова сердито потрянула прядкой, вылезшей из-под шапочки. — А я предупреждаю, однако: больше меня ни на какие соревнования калачом не манишь. Всё. Я с этим покончила, понятно-о?

Ух, как накатисто, по-уральски прозвучало у неё это последнее «о»! Маленькая вскинула на неё испуганные глаза:

⁶ Здесь и далее текст цитируется по изданию: Л. Кассиль. Ход белой королевы. 1966. Электронный ресурс <https://libcat.ru/knigi/proza/detskiaya-proza/56445-83-lev-kassil-hod-beloj-korolevy.html#text>

— Ты что, Наталья? А как же зимний праздник? Гонки-то на руднике! Ты же у нас в городе первое место держишь. Команду подвести хочешь, да?

— Хватит с меня! — И Скуратова перебросила лыжи на другое плечо. — Я с лыжами сошла навсегда. Решила, и конец. Кажется, знаешь мой характер?

Маленькая закивала совершенно сокрушённо...

Итак, начало повести связано с неблагоприятными обстоятельствами в жизни главных героев. Как люди с твердым характером, они решают отказаться от занятий спортом, не обещающих им удач. Однако одаренность, уже достигнутые в прошлом успехи и, вероятно, встреча лыжницы и тренера заставляют их изменить свое решение.

Читатель следит за развитием событий. Оказывается, что Чудинов заметил эту девушку уже на спартакиаде в Москве, когда на нее обратил его внимание журналист:

По лыжне ходко шла гонщица, которую я только что заметил... На белом фоне снега чётко рисовалась в свободном и широком движении её порывисто нёсшаяся крепкая фигура... она словно бы и не шла, а, скорее, летела по-над белым настом...<...>

— Видал? — спросил я Чудинова, протягивая ему бинокль. — Не на одной твоей Алисе свет клином сошёлся. Ты только погляди, как идёт!

— Что же, хорошо идёт, ходко... Ух ты, смотри, какой подъём берёт! На седьмой километр пошла, а свеженькая, словно сейчас со старта. А в общем, мне до этого уже дела нет, — внезапно остывая, отрезал он.

Обратим внимание на детали в создании образа героини при первом знакомстве с ней читателя: не шла, а, скорее, летела; смотри, какой подъём берёт! Свеженькая, словно сейчас со старта.

Поселившись в новом городе, Чудинов обнаруживает, что все его жители «стоят» на лыжах:

Навстречу пронеслась по обочине улицы группа ремесленников в чёрных шинелях. Они катили на лыжах парами... Обгоняя приезжего, скользил вдоль дощатого настила солидный служащий. У него были короткие лыжи, а на груди он повесил при помощи особой лямки портфель, чтобы не мешал работать палками на ходу.

Румяная молодуха, должно быть домовитая хозяйка, легко пересекла на лыжах путь Чудинову. За спиной её погогатывал гусь, голова которого торчала из-под клапана вещевого мешка.<...> На огромном щите Чудинов прочёл: «Скоро традиционная ежегодная гонка лыжных городских команд на дистанции: Зимогорск — Рудник — Аэропорт».

Автору удастся передать «лыжную» атмосферу города, которая во многом будет способствовать преодолению героями разочарований в спорте. Наблюдая за лыжниками, Чудинов ловит себя на том, что они ему безразличны: *«Э! Техника! — отметил он по неисправимой тренерской привычке. — Кто же так ногу выносит?.. — Он спохватился. — Впрочем, мне-то какое дело?.. А хорошо бы сейчас... Товарищ Чудинов, призываю к порядку, отставить! — скомандовал он сам себе... — Занесла же меня нелёгкая! Это просто какой-то район сплошной лыжни.*

Так сама жизнь толкает героя к его прежней тренерской деятельности, чему способствует и встреча с Наташей, в которой он узнает московскую лыжницу.

Немногословный Чудинов обращается к ней с предельной откровенностью:

— *Слушайте, Скуратова, наделила вас природа щедро, не поскупилась. А вы думаете так и прожить на всём готовеньком, от роду отпущенном? Техники у вас ни на грош. Если бы я только не бросил это дело, то я бы из вас такую лыжницу сделал!*

— *А я ведь тоже навсегда с лыжни сошла, так что не трудитесь.*

— *И не собираюсь. Я это дело сам решительно оставил.*

— *Ну, вот и хорошо, — сказала Наташа, сердито подтянув кончики бровей к вискам, — по крайней мере, нечего спорить.*

Чудинов молчал, невольно залюбовавшись ею. Очень ему нравилась эта упрямая, сердитая, большеглазая... <...>

Э, да что там! Хочу я, Наташа, последний раз попробовать. Может, мне всё-таки удастся воспитать для нашей страны действительно классную лыжницу, чтобы на мировую лыжню её вывести... Вот ради чего я с вами тут разговор веду. <...>

...на счёт души — предупреждаю. Я её из вас сперва вытрясу, потом новую вдохну. До свиданья. Завтра в это время прошу сюда. Жду. Ясно? Начнём.

Характер Наташи и ее возвращение к спорту оказываются сложнее: *восьми лет Наташа легко обгоняла на лыжах не только всех своих сверстниц, но и старших подруг. Да и из мальчишек мало кто мог угнаться за ней на лыжне <...> Но больше всего ребята ценили в ней твёрдость слова и справедливость. <...> «Атаман-девка у вас растёт, — говорили соседи Скуратовым, — далеко о ней слышно будет». — «И-и, мы за славой не гонимся, бесславья бы не знать», — скромничала в таких случаях мать (гл. 5). При таких обстоятельствах становится особенно понятной боль Наташи от неудачи на московских соревнованиях.*

Есть еще один эпизод, позволяющий увидеть героиню не только в аспекте школьной оценки. Речь идет о появлении в школе во время войны (1942 г.) детей, эвакуированных из Москвы. Это были чужаки, которые очень не нравились Наташе, вероятно, и потому, что стали играть главенствующую роль. Наташа решила дать им бой на школьных лыжных соревнованиях, где соперницей могла быть особенно ей неприятная девочка Нонна. Наташа выигрывает, но неожиданно видит Нонну плачущей и успокаивающего ее младшего братишку. Становится известно, что семья ведет полуголодное существование и в утро состязаний девочка отдала свою утреннюю порцию хлеба брату. *Уйди...*, — говорит мальчик Наташе, — *Это ты её нарочно так перегнала, назло... нарочно... Уйди...* (гл. 5).

Сцена лишена сентиментальности: все, кто пережил войну или просто знает о ней, знают и то, в каких условиях, особенно вначале, оказались эвакуированные. Но она содержит и еще очень важную мысль: спортивные соревнования при всем желании победы не могут, не должны определяться ненавистью к противнику. Наташа, может быть, даже не умом, а сердцем это понимает: *в ту зиму она часто ходила на лыжах с Нонной, но ни в одной гонке, как её ни упрасивали, не участвовала...*

Возвращению Наташи к тренировкам, как и в случае с Чудиновым, помогают окружающие. Это не только друзья, которые активно занимаются спортом, но и дети из интерната, в котором она работает. Трогательно их ожидание Наташи, на победу которой в Москве они так рассчитывали, и их тактичное поведение, когда оказалось, что победы не случилось. Вот этот эпизод:

— *Тётя Наташа, а тётъ Наташа, ты кубок привезла? Он у тебя где?.. В чемодане? А где медаль? Покажи...*

— *Нет, Катенька, всех перегнала Алиса Бабурина, чемпионка Советского Союза.*

Ребята деликатно промолчали. Физиономии у них были расстроены. Они напряжённо вглядывались в лицо воспитательницы.

— *И вас она перегнала? — очевидно ещё не веря, пыталась уточнить Катя.*

— *Да, и меня.*

— *На чуть-чуть? На вот столечко? — ещё надеясь на что-то, спросила Катя.*

— *Да нет, порядочно.*

Все опять немножко помолчали... Внезапно Сергунок мотнул стриженной головой:

— Ну и что же, разок на разок не сходится. А в другой раз, однако, вы всех перегоните. Да, тётя Наташа?

— Нет, ребятки, — медленно, очень медленно, чтобы самой вслушаться в каждое слово, сказала Наташа, — я больше никогда на гонки не пойду. С вами вот ходить на лыжах буду, а на гонки — нет.

Однако отношение ребят не могло пройти совсем бесследно. А после чрезвычайного события — бурана, во время которого мог погибнуть Сергунок, стало особенно ясно, что оптимальное владение лыжами необходимо.

Метель, буран — устойчивый мотив русской литературы (так, А. С. Пушкин — в повести «Метель» меняет судьбу героя, потерявшего заметенную снегом дорогу, в «Капитанской дочке» встреча героя в буран с Пугачевым спасает впоследствии ему жизнь и др.), в советской литературе тема бурана стала очень популярной благодаря пьесе А. Арбузова «Таня» (1938), которая много лет шла во всех театрах страны. Там героиня-врач сквозь пургу и тайгу спешит к больному ребенку, что помогает ей преодолеть горе от собственной потери.

В повести Кассиля во время соревнований за лыжниками увязался мальчик, Сергунок, похваставшись, что догонит их. При внезапно начавшемся буране мальчик, сбившись с пути, с лыжниками не возвращается. Наташа, первой узнав об этом, бросается на его поиски. Следом отправляется Чудинов, также узнавший о пропаже, за ним — целая партия спасателей. Ситуация оказывается критической: Наташа находит мальчика, который страшно замерз и сам идти не может, она же, сломав лыжу, с ребенком на руках практически тоже едва передвигается. Их находит лыжник, которого в темноте трудно узнать, он добирается с ними до укрытия, где их вскоре находят спасатели. Собственно героических поступков ни Наташа, ни Чудинов не совершают, спасение ребенка — результат коллективных усилий. Вероятно, буран здесь — неизбежная черта жанра приключенческой литературы, к разряду которой относится повесть, особенно если учесть, что до конца повествования остается неизвестным, кто был человек, который нашел Сергунка с Наташей, внося дополнительную интригу. Только в конце выясняется, что героем оказывается не Чудинов, а корреспондент, который именно в это время приезжает в город, что снова сближает этих двух персонажей.

Еще один эпизод, подготовительный с точки зрения участия в Олимпиаде, мог бы следовать за рассказом о школьных соревнованиях, уточняя и укрупняя характер Наташи. Речь идет о спартакиаде, которая проходила в городке, где живут герои. Между ними уже установились нормальные отношения, тренировки идут регулярно и круглогодич-

но: это не только лыжи, но и бег, и гребля, и скольжение по осенним листьям в лесу — все, что теперь безоговорочно принимает Наташа.

В соревнованиях принимает участие и Алиса Бабурина, в которой Наташа видит свою главную соперницу. На лыжне у Алисы происходит сбой: мазь, которую ей достали, выкрав ее у Наташи и не зная, что это косметический крем, естественно, оказалась негодной. Снег прилепал к лыжам Алисы, замедляя ход. Наташа шла следом. Она остановилась, стащила Алису с лыж и быстро вновь натерла ее лыжи своей запасной мазью. Алиса ловким движением закрепила лыжи на ногах, *попробовала скольжение и, словно птица, получившая волю, рванулась вперед, буд-то и позабыв про Наташу. Наташа возмущенно обернулась к Чудинову.*

— *И правильно! - крикнул тренер, толкая её в плечо. — Каждая секунда на счету!*

Гонку обе спортсменки заканчивают одновременно, становясь победительницами спартакиады.

Последним эпизодом становятся Олимпийские игры, где Наташа бежит вместе с лучшими лыжницами на 10-километровую дистанцию. Описание этого события принадлежит уже писателю — другу журналиста, тоже любителю спорта, нашедшему точные детали в создании образа лыжницы: *мне было видно, как послушно скользят эти узкие лыжи, как всё быстрее и увереннее движется мимо трибун ладная фигура лыжницы. Она не убыстряла ритма своих движений, а тем не менее скорость нарастала заметно для глаз. Она как бы раскатывала себя. Это был классический двухшажный попеременный ход, которому научил её Чудинов. Во весь размах шага скользили послушные ей лыжи. На всю длину руки отводимые назад палки давали мощный поступательный толчок.*

— *Какой ход! Какой ход! — шептали знатоки.*

Автор прибегает к повтору ситуации, уже бывшей на спартакиаде: во время гонки резко меняется погода, и Наташа останавливается и перемазывает лыжи. *Стадион был потрясён. Решиться хотя бы на кратчайшую остановку во время такой гонки, когда по пятам наступают грозные конкурентки, могла лишь лыжница, очень уверенная в себе, владеющая ещё огромным запасом сил.*

Наташа пришла с лучшим для этой дистанции и стадиона временем, став олимпийской чемпионкой.

Таков сюжет повести, основная линия повествования которой включает описание трех спортивных соревнований, ведущих героиню от поражения к самой высокой победе. Расстояние между ними занимает сюжет, связанный с физическим совершенствованием природных данных

спортсменки и «воспитанием чувств». Последний оказывается более сложным процессом, чем первый. Он с завидным терпением осуществляется вторым главным героем — тренером.

Повесть дарит чудесные ощущения человека, вернувшегося к спорту: *Когда он вышел на снежную равнину, постепенно переходившую в холмы, на вершинах которых стеной стоял сосновый бор, мышцы его разгорелись, приобрели прежнюю эластичность и словно налились знаковой уверенной силой.*

И Чудинов пошёл!.. Он постепенно увеличивал ход, почти не учащая шага, лишь удлиняя его в скольжении, разгоняя скорость. Приятно было ощущать, как с каждым мгновением возрастал послушный накат лыж, скользящих с лёгким звоном по чуточку примёрзшему насту, который хрустко подавался тоненькими, ломкими пластинами. Утром ещё Чудинову казалось, что он отяжелел, утратил лёгкость дыхания, устойчивую, стремительную манеру свою, которая так восхищала когда-то зрителей. <...>

И вот всё это возвращалось к нему сейчас. Белое пространство покорно стелилось под выносимые поочерёдно вперёд острые концы лыж. Чудинов чувствовал себя снова вернувшимся в покорный ему удел морозного ветра и властного движения к далёкой, но несомненной цели.

Напомним, что повесть имеет своего рода рамку: пролог, обещающий читателю в конце участие в Олимпиаде, и эпилог, непосредственно ей посвященный. Пролог повести кончается словами: *Через некоторое время я в качестве корреспондента одной из центральных газет и на правах туриста уезжал вместе с другими любителями спорта в Италию.*

На дне моего чемодана, упакованная в толстую папку, лежала рукопись Карычева.

Так читатель с самого начала настраивается на то, что он узнает не только о том, как складывалась судьба героев «повести Карычева», но и о результате, который проявится на Олимпиаде в Италии.

Начало эпилога: *Теперь вы знаете, о чём рассказывал в своей повести Евгений Карычев... Я увёз его рукопись в своём чемодане, поспешая на Белую Олимпиаду в Италию.*

Заключение

Олимпиада становится итогом тех сложных событий, о которых рассказано в повести: разочарования от провала, унижение от признания поражения, решение бросить спорт, трудности, связанные с новой пробой сил, неожиданности, которые случаются во время соревнований,

каждая из которых может привести к новым поражениям. Описание Олимпиады во всех ее деталях становится демонстрацией той награды, которую завоевывает спортсмен, продемонстрировавший людям, на что способен человек.

Описание Олимпиады начинается с сообщения о кричащих заголовках в газетах, *которые расхватывались на станциях пассажирами, спешившими на Олимпиаду*, рассказывается о потоке автомобилей, *устремлявшихся к Кортине со всех дорог, сходящихся... в самом центре гигантского и весёлого циклона, задувавшего в те дни среди Доломитовых Альп и вовлёкшего в свою головокружительную воронку десятки тысяч людей, влюблённых в спорт.*

Особая, ни с чем не сравнимая атмосфера сливается воедино с описанием природы: *Весёлый стоязыкий говор звучал на улицах. Плыл в вышине над городком и отдавался в ущельях неспешный, как бы чуждый всем закипающим тут страстям звон колокола. И прямо над головой у нас отвесно уходили в синее, не по-зимнему яркое, густо-синее итальянское небо розовые кручи и скалы Доломитовых Альп. Три цвета — слепящая белизна альпийских лугов, багрово-розовая стена Доломитов, вставшая над ними, как окаменевшее зарево, и простирающаяся над всем этим неистовая синева южного неба царили в этом удивительном крае.*

Как мы отмечали выше, сама композиция повести обещает читателю присутствие на соревнованиях. Это обещание реализуется в описании гонки. Используя весь потенциал глагольных форм, следующих друг за другом, повествователь создает напряженное повествование, темп которого отражает как ход лыжницы, так и состояние болельщиков и читателей: *Волнение на трибунах нарастало с каждой минутой. Уже взяли старт последние номера... Стадион загудел тревожно и настороженно... Все ахнули... Радио на трёх языках известило, что передовые гонимцы выходят на последний спуск... лыжница под номером «38» не только не сбавляет хода, но идёт бесстрашно по этому крутому спуску, словно по равнине, на полной скорости... В великопное время прошла десятикилометровую олимпийскую дистанцию Наташа Скуратова — 36 минут 10 секунд.*

Отметим возможности художественного повествования, способного породить визуальный эффект, создать ощущение высокого темпа совершающихся действий, напряжение в восприятии событий. Происходит эмоциональное осознание восторга преодоления тех возможностей, которыми располагает человек. Но ощущение радости бытия да-

ется не только участникам спортивной жизни, ее ощущают и соперничающие ее болельщики.

Композиционное членение повести: рамка, связанная с Олимпиадой, и события, происходившие с героями, стилистические различия между этими частями, два голоса рассказчиков: соучастник событий — корреспондент и наблюдатель-писатель — все говорит о «двойном структурировании» повести. Во-первых, это рассказ о спортсменах, во-вторых, об интересе к ним со стороны людей, получающих дополнительные стимулы для своего социального бытия.

Анализ произведения, выявивший его смысловой потенциал, убеждает в обоснованности интереса к жанру спортивной повести читателей разного возраста, в возможности отнести ее к кроссовер-литературе. А относительно данного конкретного произведения, с присущим ему мастерством автора, отметим закономерный интерес к нему читателей и кинематографистов, пригласивших при создании фильма к участию в нем лучших артистов своего времени и завоевавших почетную награду.

Повесть рисует людей, увлеченных пусть чужими, но спортивными успехами, получающими радость от наблюдений за спортивными соревнованиями: *Вы, вероятно, помните, как проходили в Доломитовых Альпах зимние Международные олимпийские игры, и нет нужды ещё раз подробно рассказывать здесь обо всём, что довелось нам увидеть на безукоризненной ледовой глади горного озера Мизурина, на зеркальном, залитом потоками электрического света поле олимпийского стадиона в Кортина д'Ампеццо, на знаменитом лыжном трамплине «Италия», на крутых склонах Доломитов, где флажки отмечали ворота гигантского слалома, и на лыжне международного Снежного стадиона.*

Обозначены переключки спорта с художественной культурой. Так герой толкует музыку Равеля как очень близкую себе: «Болеро», — тихо пояснил ей Чудинов. — *Фанатический танец, особая магия ритма. Но хотите смеяться, хотите верить, есть в нём что-то похожее на наш двухшажный попеременный ход, честное слово. Вы заметили? Тут тоже попеременно повторяется одна и та же музыкальная фигура, а потом берётся разгон и включаются все силы, используются все возможности... полная отдача! Кажется, уж нечего больше выкладывать, а оказывается, можно ещё вот и так... и под конец ещё один, почти исступлённый рывок, бурный спурт и финиш... Люблю я эту штуку! — Чувствуете, какая здесь звучит воля к победе? Слышите, как свершается это? Как человек побеждает? Преодолеывает всё в великом напряжении... Слышите? Ещё и ещё. Победа близка!*

В текст повести органично входят рассуждения, связанные с пониманием назначения спорта: *Мы с ним, — говорит автор-повествователь, — одинаково смотрели на спорт — как на одно из самых наглядных и великолепных проявлений человеческой воли, когда все телесные силы человека подчиняются всепоглощающему стремлению к самосовершенствованию и радостно утоляется здоровая, естественная жажда самоутверждения, удивительно сочетающаяся с самоотверженностью.*

Подобные высказывания вписываются в текст, не внося в него дидактики, а призывая читателя к размышлениям и благодаря интересному сюжету вызывая в нем вслед за героями положительные эмоции. Эпиграфом к пьесе «Таня», которую мы упоминали и которая рассказывает, как к лучшему может меняться человек, ее автор взял слова Микеланджело Буонарроти (XXIV сонет): «Так и я родился и явился сначала скромной моделью себя самого, чтобы родиться снова более совершенным творением...». Хотелось бы повторить эти слова по отношению к повести Л. Кассиля, относящейся к той кроссовер-литературе, которая интересна и детям, и взрослым.

Библиографический список

Горенинцева В. Н. Стратегии перевода кроссовер-литературы (на материале русскоязычных версий эпического фэнтези Р. Адамса «Обитатели Холмов») // Текст. Книга. Книгоиздание. 2018. № 18. С. 24-43 <https://www.doi.org/10.17223/23062061/18/2>. Электронный ресурс https://journals.tsu.ru/book/&journal_page=archive&id=1792&article_id=39714. <https://www.doi.org/10.17223/23062061/18/2>

Менисе Т. Классический текст детской литературы в рецепции современной массовой культуры: кроссоверы по сказке Х.-К. Андерсена «Снежная королева» // Детские чтения. № 15 (1). 2019. С 75–92. <https://doi.org/10.31860/2304-5817-2019-1-15-75-92>

Розбоудова Л., Васильева Е. А. Волшебный свет детской литературы / Розбоудова Л., Васильева Е. А. и др. Детская литература в контексте мировой культуры и обучения РКМ. Praha: Univerzita Karlova Pedagogická fakulta, 2019. С. 107-108.

Садовникова В. В., Садовникова Т. В. Кроссовер как продуктивная модель строения текста в современной детской литературе // Проблемы изучения фольклора, литературы, русского языка: сб. науч. статей, посвященный 95-летию со дня рождения А. И. Лазарева. Челябинск: Челябинский государственный университет, 2023. С. 102-106. <https://elibrary.ru/jajwhl>

Толстых О. А. Crossover fiction, или Викторианские романы Антонии Байтт и Дэвида Лоджа // *Мировая литература в контексте культуры*. № 1. 2006. С. 183–188. Электронный ресурс <https://scup.org/147227812>

Чжефу Линь, Шак Т. Ф. Классический кроссовер в контексте взаимодействия тенденций Востока и Запада // *Теория и история искусства*. № 1 (84). 2022. С. 7–15. <https://www.doi.org/10.24412/2070-075X-2022-1-7-15>

Beckett S. L. Crossover Literature. In Nel Ph., Paul L., Christensen N. *Keywords for Children's Literature*. New York: NYU Press, 2011. Электронный ресурс <https://keywords.nyupress.org/childrens-literature/essay/crossover-literature-2>

Источники

Куприн А. Изумруд. Электронный ресурс <https://ilibrary.ru/text/1762/p.5/index.html>

Лев Кассиль. Ход белой королевы. 1966. Электронный ресурс <https://libcat.ru/knigi/proza/detskiaya-proza/56445-83-lev-kassil-hod-beloj-korolevy.html#text>

Любовь Козырева-Баранова — Белая Королева. Российский туризм. Электронный ресурс http://russiantourism.ru/interview/interview_4876.html

Чайковский А. М. Волшебная восьмерка. Документальная повесть о Н. А. Панине-Коломенкине. Электронный ресурс https://www.tulup.ru/articles/230/glava_2_daj_ruku_krasnaja_rubaha.html

References

Beckett S. L. Crossover Literature. In Nel. Ph., Paul L., Christensen N. *Keywords for Children's Literature*, New York, 2011, pp. 63–65. Retrieved from: <https://keywords.nyupress.org/childrens-literature/essay/crossover-literature-2>

Gorenintseva V. N. Strategies for Translating Crossover Literature (Based on Russian-Language Versions of R. Adams's Epic Fantasy "Watership Down"). *Tekst. Kniga. Knigoizdanie* = Text. Book. Book Publishing, 2018, no. 18, pp. 24–43. <https://www.doi.org/10.17223/23062061/18/2>. Retrieved from: https://journals.tsu.ru/book/&journal_page=archive&id=1792&article_id=39714. <https://www.doi.org/10.17223/23062061/18/2> (In Russian).

Menise T. The Classic Text of Children's Literature in the Reception of Contemporary Mass Culture: Crossovers Based on Hans Christian Andersen's Fairy Tale "The Snow Queen". *Detskiye chteniya* = Children's Readings, № 15(1), 2019, pp. 75–92. <https://doi.org/10.31860/2304-5817-2019-1-15-75-92> (In Russian).

Rozboudova L., Vasilyeva E. A. The Magic Light of Children's Literature. *Detskaya literatura v kontekste mirovoy kul'tury i obucheniya RKI* = Children's Literature in the Context of World Culture and Teaching Russian as a Foreign Language, Prague, 2019, pp. 107–108. (In Russian).

Sadovnikova V. V., Sadovnikova T. V. Crossover as a Productive Model of Text Structure in Contemporary Children's Literature. *Problemy izucheniya fol'klora, literatury, russkogo yazyka* = Problems of the Study of Folklore, Literature, and the Russian Language: a collection of scientific articles dedicated to the 95th anniversary of A. I. Lazarev's birth., Chelyabinsk, 2023, pp. 102–106. <https://elibrary.ru/jajwhl> (In Russian).

Tolstoy O. A. Crossover fiction, or Victorian novels by Antonia Bytt and David Lodge. *Mirovaya literatura v kontekste kul'tury* = World Literature in the Context of Culture, no. 1, 2006, pp. 183–188. Retrieved from: <https://sciup.org/147227812> (In Russian).

Zhefu Lin, Shak T. F. Classical crossover in the context of the interaction of East and West tendencies. *Teoriya i istoriya iskusstva* Theory = and History of Art, no. 1 (84), 2022, pp. 7–15. <https://www.doi.org/10.24412/2070-075X-2022-1-7-15> (In Russian).

List of Sources

Kuprin A. Emerald. Retrieved from: <https://ilibrary.ru/text/1762/p.5/index.html>

Lev Kassil. The White Queen's Move. 1966. Retrieved from: <https://libcat.ru/knigi/proza/detskiaya-proza/56445-83-lev-kassil-hod-beloj-korolevy.html#text>

Lyubov Kozyreva-Baranova — The White Queen. Russian Tourism. Retrieved from: http://russiantourism.ru/interview/interview_4876.html

Tchaikovsky A. M. The Magic Eight. A documentary story about N. A. Panin-Kolomenkin. Retrieved from: https://www.tulup.ru/articles/230/glava_2_daj_ruku_krasnaja_rubaha.html

ДЕКОМПОЗИЦИЯ ФРАНЦУЗСКОГО СТИЛЯ ЭМИЛЯ ЧЁРАНА

Р.С. Гранин

Ключевые слова: французский стиль, декомпозиция, фрагмент, частный мыслитель, кризис языка, разложение

Keywords: French style, decomposition, fragment, private thinker, language crisis, decay

[https://doi.org/10.14258/filichel\(2026\)3–05](https://doi.org/10.14258/filichel(2026)3–05)

В^{ведение}

«Мне нравится, когда стиль обладает ясностью определенных ядов»

Чёран Э. Черный дневник (1957–1972).

Т. II (1965–1967). С. 195⁷.

«Моя борьба с французским языком — одна из самых тяжелых, какие только можно себе представить. Победа и поражение чередуются, но я не сдаюсь»

Там же. С. 362.

В некоторых восточных культурах принято менять имя после кардинального жизненного поворота. Переход Эмиля Чёрана на французский язык был именно такой метаморфозой [Bollon, 1997, p. 121]. Если его румынские книги подписаны как Emil Cioran (Эмиль Чёран), то с выхода «О разложении основ» [Cioran, 1949] он начинает использовать подпись E. M. Cioran (Э. М. Сиоран), которая позднее (благодаря его успеху и издательству Gallimard) упрощается до Cioran, как у великих. Этот сдвиг символизирует не просто изменение стиля, но превращение в другого человека: «Переходя на французский в возрасте за тридцать, Чёран сделал не просто выбор языка: он стал другим писателем, другим мыслителем» [Stolojan, 1994, p. 38].

⁷ Пер. с фр. Р.С. Гранина. Москва: Тотенбург, 2025б.

Во франкофонный интеллектуальный мир Эмиль Чёран ворвался в 1949 г. своей первой же французской книгой «О разложении основ», за которую в 1950 г. получил премию Ривароля за лучшую рукопись иностранного автора на французском языке. Это первый (во Франции) и последний случай, когда Эмиль Чёран примет какую-либо премию или награду. В последующем он откажется от Премии Сент-Бёва (1957), Премии Роже Нимье (1977), от Большой литературной премии Поля Морана (1988), оставаясь вечным нонконформистом, «человеком на обочине», «частным мыслителем» [Гранин, 2024, с. 6]. При жизни Чёрана называли «величайшим французским писателем, сделавшим честь нашему языку после смерти Поля Валери» (Сен-Жон Перс), «мастером французской прозы», «современным Сократом» (Марк Фумароли, профессор Коллеж де Франс), «самой выдающейся фигурой в традиции Кьеркегора, Ницше и Витгенштейна» (Сьюзен Сонтаг). Когда в 1995 г. он умер в Париже, это событие вызвало лавину статей в «Le Figaro», «Le Monde», «Paris Match», «Le Nouvel Observateur», «Magazine Littéraire». Были созданы ток-шоу на радио и театральные постановки, отражающие возрождение интереса к его жизни и творчеству. Не раз имя Чёрана удостоивалось овацций в Национальной Ассамблее. Так, в 1999 г. было отдано должное всем «франкоязычным румынам, внесшим вклад в великолепие французской культуры», и среди них — Чёрану — «одному из величайших французских философов XX века» [Там же, с. 7].

Отметим, что и его первая румынская книга «На вершинах отчаяния» [Cioran, 1934] также сразу же прославила молодого автора. Ее Чёран начал писать в 22 года, в апреле 1933 г., через год после окончания Бухарестского университета, где он защитил с отличием дипломную работу об интуитивизме Анри Бергсона и получил степень лиценциата искусств. Книга была опубликована за счет Фонда литературы и искусства имени «Короля Кароля II». Фонда, названного, как и его учебное заведение, именем короля, которого анархист Чёран ненавидел. Весной 1934 г., во время его отсутствия в Румынии (учеба в Германии по стипендии Гумбольта в 1933–1935 гг.), книга получила премию Министерства народного образования в номинации «Лучшая первая книга» в категории «Литература и искусство». Таким образом, когда он вернулся в Бухарест в 1935 г., он был уже новой литературной знаменитостью, а уезжал совершенно неизвестным, за исключением узкого круга друзей [Гранин, 2025, с. 60].

В писательстве Чёрана в его французский период можно выделить два этапа. В период перехода на французский язык, когда для Чёрана было особенно важно овладеть иностранным языком в совершен-

стве (1949–1950), после чего он начал декомпозицию стиля (в 1960-е), поняв, что овладел французским, как родным румынским, на котором писал, как думает, не заботясь о форме выражения. Что позволяет говорить о двух французских периодах Чёрана: о периоде генезиса стиля (до 1960-х) и периоде его декомпозиции. Декомпозиция стиля и фрагментация дискурса также, по нашему мнению, может быть связана с ухудшением памяти Чёрана, что свидетельствует о первых манифестациях болезни Альцгеймера, официальный диагноз был поставлен в 1992 г., но подозревать неладное он начал еще за четверть века до этого. Так, Чёран записывает в дневнике пятнадцатого мая 1967 г.: «Я наблюдаю за собой последние несколько лет и замечаю у себя ухудшения памяти, жалкую неспособность сосредоточиться, явные признаки размягчения мозга. Эти артерии, как я их ненавижу!» [Чёран, 2025b, т. II, с. 389]. А также шестнадцатого октября того же года: «Сегодня после обеда в банке, собираясь заполнить форму для получения чека, я не смог вспомнить номер своего счета. То есть я знал только последние цифры, но не первые. Мне пришлось уйти внезапно, что, наверное, поразило сотрудницу, которая выглядела озадаченной (я даже оглянулся, чтобы посмотреть на нее). Это симптомы той „тупости“, на которую жаловался Бодлер? („Сегодня я почувствовал себя тупым“.) У меня большие сомнения по поводу будущего моего мозга» [Там же, с. 412]. Спустя три года он также записывает в своем дневнике: «Всё чаще я допускаю ошибки при письме (пропускаю буквы) или просто описки, которые обнаруживают глубокое расстройство в этой системе передач, какой является мозг. [...] Правда, такого рода неприятности часты только после плохой ночи. Бессонница устраивает бардак в моем уме, от природы неуравновешенном. Я приближаюсь к слабоумию после долгих бдений. Сон или безумие — таков выбор, перед которым я стою уже... лет сорок» (24 сентября 1970). В более поздних дневниковых записях (после 1980, не опубликованы), содержащих черновики к будущим работам, часты примечания Чёрана «дублирование / сравнить с другим» или многочисленное «уже?», что безусловно связано с его прогрессирующим ухудшением памяти [Massias, 2017, p. 198]. О фрагментации своего дискурса он прямо заявлял в своих многочисленных интервью, например: «Я автор фрагментов, потому что не могу иначе. Я не способен написать связную, выстроенную книгу». Из интервью Чёрана [Liiceanu, 1995, p. 114]. Также он записывает 3 апреля 1967 г. в своем дневнике: «Я не буду писать ничего, кроме фрагментов; моя мысль уже разбитая, я раздроблю ее. Это будет мой способ продвигаться вперед» [Чёран, 2025b, т. II, с. 366].

В писательстве Чёрана в его первый французский период возникает особая авторская позиция — на границе между субъективностью и интимностью. Его мысль, изначально представленная как отстраненная сила, постепенно наполняется личными переживаниями: болезнью, снами, домашней жизнью. Такая форма выражения — позднее явление в творчестве Чёрана, начавшееся с его французских текстов. В то же время есть мыслители (например, Перрос — фр. Georges Perros, см. ниже), которые с самого начала строят свою философию на основе интимного опыта. Сравнение с ними позволяет понять, почему Чёран так и не стал по-настоящему «частным мыслителем», который ощущает несовместимость себя с миром, выстраивает свою этику на отказе — от академических, моральных и литературных канонов.

Форма выражения частного мыслителя — фрагмент — это форма, возникающая на пересечении эссе и поэзии, она отвергает целостность, допускает повторы, противоречия, разрывы. У Чёрана это не просто форма, а способ существования: трагизм его мысли находит отражение в разорванной форме. Мысль появляется не как процесс, а как остаток, осадок, как он сам говорил: «как то, что остаётся после брожения». Фрагмент — одновременно отброс и квинтэссенция, крик и эхо. Он воплощает веру в силу мысли и ее обреченность.

Фрагментарность — не просто эстетический выбор, а экзистенциальная необходимость. У Чёрана это связано и с языковым переломом: переход от румынского к французскому был актом разрыва с самим собой — с прошлым, с «рубашкой Несса румынства», с ошибками (в том числе политическими, связанными с поддержкой Железной гвардии). Французский он называл «смирительной рубашкой», а письмо во фрагментах становится для него формой внутреннего очищения и отречения. Таким образом, фрагмент у него — это аскетическая, а не просто литературная практика.

Как отмечают ряд исследователей, фрагмент — не жанр и не метод, а установка всего существа, вид духовной дисциплины. Так, например, Пьер Гарриг (фр. Pierre Garrigues) пишет, что фрагмент — это «инициатическое путешествие к невозможной неформальной форме» [Garrigues, 1995, р. 496], способ выразить крик, тишину, иронию, сомнение. Фрагмент создает прерывистый, островной пейзаж — архипелаг, где можно видеть и целое, и части. Он также обладает ритмом и музыкальностью, как навязчивая мелодия или повторяющаяся мысль.

У Чёрана заметна эволюция — от более развернутых фрагментов к гипер-фрагментарности, ко все более коротким записям, к усиленной пунктуации. Несмотря на заявления вроде: «Все, что я требую от писате-

ля, — чтобы он писал грамотно. Хорошо или плохо написано произведение, для меня не имеет значения. Стиль, который так долго был моей навязчивой идеей, больше не интересует меня: я верил в него с того момента, как „покаялся” Валери. Теперь мне нужна суть, „содержание”, и мне все труднее и труднее придерживаться старого разделения на форму и содержание. Давайте отбросим эти ложные проблемы. Мы должны стараться, чтобы нас понимали, и это все. Оставаться понятным, если это возможно, — одновременно трудная и скромная цель. Давайте придерживаться ее. Остальное не имеет значения» [Чёран, 2025b, т. II, с. 137], он до конца жизни скрупулезно редактировал тексты, менял слова и знаки препинания. Стремление к молчанию сопровождается пониманием, что полная тишина — слишком окончательна и не отражает колебаний, сомнений и неуверенности, составляющих суть его мышления. Между желанием молчать и невозможностью замолчать рождается письмо как стон, как крик, но и как насмешка над собой.

Именно через иронию и цинизм Чёран обретает дистанцию к собственной боли — а значит, возможность выжить. Он преодолевает трагизм бытия, обращая его в универсальный стиль — сдержанный, отстраненный, но насыщенный смыслом. Смех становится его способом жить в мире, лишенном смысла: «Смех — единственное оправдание жизни, великое оправдание! Даже в самые отчаянные моменты у меня хватало сил смеяться. [...] Смех — проявление нигилизма» [Cioran, 1995, p. 141]. Несмотря на отчаяние, страх, меланхолию и гнев, Чёран добивается того, чтобы его мысль была не только трагической, но и игровой, легкой, ироничной — универсальной в том смысле, что она резонирует со всем человеческим.

1. Стиль как символ лжи

«Следует остерегаться стиля как чумы»

Э. Чёран, 2025b, т. II, с. 431.

*«С возрастом я все больше теряю вкус к парадоксам.
Для меня важна истина, а не само выражение.
От гениальности надо бежать как от чумы»*

Э. Чёран, 2025b, т. II, с. 171.

Сложность бытия у Чёрана отражается в самом письме — через двойственное притяжение и неполный отказ: его отношение к поэтическому выражению особенно ярко проявляет это внутреннее противоречие (у Перрота — в меньшей степени). Восприятие стиля у Чёрана

тесно связано с его онтологией, которую можно кратко выразить как: быть — значит быть загнанным в угол. Стиль, таким образом, воплощает невозможность примирить необходимость прозы (в противовес поэзии) с волей превзойти бытие, выйти к абсолюту, к универсальному.

Идеал прозы для Чёрана воплощен в классическом французском стиле, который он называет «единственной реальностью» и даже отождествляет с «метафизическим принципом француза». Эта формулировка подчеркивает: стиль становится способом преодоления бытия. Французский язык — в его понимании — язык прозы *par excellence*, лишенный поэтической интонации. Это и определяет его выбор французского — как средство избавиться от остатков лиричности, свойственной его ранним румынским текстам. Лиричной, необузданной румынской экспрессии он противопоставляет холодную, отстраненную прозу французского языка. «Вчера в библиотеке Педагогического института я листал старый румынско-французский словарь Даме. Все румынские слова — необычайно мощные и поэтические, их французские эквиваленты — пустые, бессодержательные, условные, дидактические, — латынь в худшем смысле этого слова» [Там же, с. 204].

В главе «Стиль как приключение» (в «Искушении существования») Чёран утверждает: «В эпоху салонов французский язык приобрел сухость и прозрачность, позволившие ему стать универсальным. Но потом он стал усложняться, стал допускать вольности, в результате утратил прежнюю основательность и надежность. Наконец, полностью освободившись (в ущерб своей универсальности), он, подобно Франции, стал двигаться в направлении, противоположном его гению. Отсюда неизбежное разложение» [Сиоран, 2003а, с. 210]. Он предостерегает от соблазна поэтической экспрессии, от порывов чувства. Стиль, по его мнению, должен быть отчужден от автора, функционировать как напряжение между сухостью и излиянием. Он приобретает фундаментальное значение, потому что перестает быть чем-то заранее заданным. Как пишет Хершберг-Пьерро: «Стиль больше не есть один из кодов, выбираемых в соответствии с субъектом, которому он предшествует и к которому приспосабливается. Он не является и выражением личности. Стиль — это автономная работа, которая ведет произведение от замысла до исполнения» [Herschberg-Pierrot, 2005, p. 12]. Чёран оказывается втянут в процессы, превосходящие его собственную волю как писателя. Письмо становится ареной напряжения между лиризмом и дистанцией, между разрастанием и сжатием. Поэтому стиль нельзя понимать как нечто стабильное — как простое выражение метода или голоса автора. Хершберг-Пьерро добавляет: «Стиль следует

понимать как процесс трансформации» [Там же, р. 33], что перекликается с диалогическим чтением «О разложении основ» у Николя Кавайеса [Cavaillès, 2007]. Благодаря генетическому анализу он показывает, что стиль Чёрана складывается как столкновение трех голосов, противопоставленных и взаимно отраженных, формируя в результате уникальную форму, питаемую разложением и эрозией поэтического. Однако полный отказ от поэзии не приносит удовлетворения. В том же эссе «Стиль как приключение», за несколько строк до критики поэтической стилистики, Чёран отмечает трагичность прозы на французском языке, который «Самим своим совершенством обреченный на сухость, неспособный ассимилировать и перевести ни „Илиаду“, ни Библию, ни Шекспира, ни „Дон Кихота“, лишенный какого бы то ни было эмоционального заряда и как бы отрешенный от своих истоков, он закрыт для всего первозданного и космического, для всего, что предшествует человеку либо превосходит его» [Сиоран, 2003а, С. 207].

Отсюда снова встает вопрос универсального: проза может к нему лишь приблизиться, не вступая в соприкосновение. Поэтому стиль в прозе всегда остается полем борьбы — как с собственным соблазном лиризма, так и с самой языковой материей, неспособной выйти за пределы духа. Отношение к стилю у Чёрана остается двойственным: «Всякое поклонение стилю идет от представления, будто действительность еще более пуста, чем ее словесное отражение, что подчеркивание какой-либо идеи ценнее самой идеи, что хорошо оформленный предлог ценнее убеждения, а научный оборот речи лучше необдуманного высказывания. Оно выражает страсть софиста, софиста словесности. За пропорционально скроенной фразой, довольной собственной уравновешенностью или кичащейся собственной звучностью, нередко кроется немочь духа, неспособного воспринимать первозданный мир с помощью ощущений. Что же удивительного в том, что стиль является одновременно и маской, и откровенным признанием?» [Там же, с. 212]. Стиль у Чёрана — одновременно исповедь и обман. И хотя можно утверждать, что после отказа от юношеских иллюзий он «замыкается» в стиле, это не означает стабильности: напротив, внутренние напряжения сохраняются и усиливаются. Так, стремление к «хорошему письму» всегда омрачено подозрением в фальши, в самовыставлении — и тем самым делает явной двусмысленность самого акта письма. Один из фрагментов Перрота выражает это скрытое, но не исчезающее присутствие поэтического: «Поэзия прячется за словами. Кто прячется — не отсутствует. Но это уже иное присутствие, из зависти» [Chatelet, 2020, р. 287].

Стиль — это процесс выражения, который опирается на личную речь и на ее связь (или отсутствие связи) с коллективом. Это также способ «взять в руки» язык, исследовать его природу и возможности. Если подумать о стиле как о процессе, как предлагает Хершберг-Пьерро, можно понять парадоксальное отношение частного мыслителя к письму: «Идея стиля как процесса связана с динамичной, но в то же время зарождающейся концепцией языка, которая отделяет его от его классической функции представления стабильного означаемого, которое существовало бы до него. [...] Стиль произведения — это не просто одежда или украшение уже сформировавшейся мысли, как предполагает классическая риторика, это исследование языка» [Herschberg-Pierrot, 2005, p. 35]. Однако поскольку стиль также несет в себе украшательную функцию и сохраняет элементы классической риторики, которые теперь кажутся обманчивыми, стиль вызывает подозрения. В нем есть две цели — скрыть правду и одновременно украсить ее. Как отмечает Жубер: «Стиль может маскировать, но его также надо украшать, а не просто прятать за ним смысл» [Chatelet, 2020, p. 287]. Риторика уже под подозрением — стиль заставляет писателя лгать себе и читателю.

Это подозрение в обмане — не ново. Перрос говорит не столько о лжи, сколько о искажении реальности, когда письмо скорее усиливает страдание, чем облегчает его. Для частного мыслителя письмо — это исследование, игра, иногда даже обвинение, которое колеблется между разными, порой противоположными смыслами. После эпохи XVII–XVIII вв., когда разум был в центре внимания, писатели начали в нем сомневаться, особенно частные мыслители. В эссе «Стиль как приключение» Чёран противопоставляет классический стиль современным литературным поискам. Классики стремились к совершенству, а современные авторы хотят индивидуализировать язык, даже ломая и подрывая его структуру. Но при этом Чёран критикует и свои собственные попытки освободиться от литературных условностей. «Лучше больше не писать, чем написать книгу, похожую на все остальные. Избегайте повторений любой ценой. Играйте в свою собственную игру. Нет ничего хуже автоматизма, особенно в мыслях. Не поддавайтесь на легкое „нет“» [Чёран, 2025b, т. II, с. 163–164]. Жубер же критикует стиль, который больше говорит об авторах, чем о реальном мире и жизни. В обоих случаях стиль обвиняют в неспособности передать подлинность жизни. Но ни Чёран, ни Жубер не отказываются от мысли, что существует стиль, который может выразить реальный опыт. В этом отчаянном поиске выражения происходит попытка сохранить свое место

в мире. Перрос замечает: «Писать — значит отказаться от мира, умоляя его не отказываться от нас» (цит. по: [Chatelet, 2020, p. 288]). Частный мыслитель, таким образом, склонен отказаться от стиля — чтобы не предать истину, не обмануть, не договориться с другими. Жубер говорит: «чтобы правильно выражать такие прекрасные мысли, необязательно иметь красивый стиль: достаточно его отсутствия» [Там же, p. 289]. Чёран же предупреждает: «Любитель стиля — ложный человек, в нем нет искренних чувств, опасайтесь идеальной фразы и ее автора» [Там же]. Этот фрагмент — своего рода самокритика Чёрана, показывающая, что стиль — это ложь и приукрашивание, но при этом неизбежное состояние человека, живущего в языке. В «Силлогизмах горечи» Чёран пишет, что мы заключены в язык, который создает ложный, условный мир. Несмотря на это, стиль выражает глубокое желание существовать, выраженное словами, хотя сам он бессилен в этом: «Подлоги стиля: придавать обыденным печальям необычный оборот, приукрашивать мелкие несчастья, набрасывать покровы на пустоту, существовать через слово, через фразеологию вздоха или сарказма!» [Сиоран, 2008, с. 38]. Чёран и Хершберг-Пьерро используют метафору одежды: стиль — это не одежда для уже готовой мысли, а одежда для отсутствия мысли («Трупы, переодетые в эстетов» [Чёран, 2025b, т. II, с. 370]). Разоблачение стиля показывает пустоту и зияющую пропасть бытия, которое существует лишь через слово — последнее, пусть и парадоксальное, прибежище.

2. Стиль как борьба литературного «я» с языком

*«Нужно писать для того,
кто знает, что он умрет...
Писать для гладиаторов...»*

Э. Чёран, 2025b, т. II, с. 433

В рукописи 1940-х гг. «Стиль» Чёран замечает: «Стиль — это страсть тех, кто, не имея убеждений, цепляется за предлог, за звук, за интонацию идеи — больше, чем за саму идею; за оборот, а не за смысл, который он должен передавать; за фразу — а не за дух. Легкая, пустая страсть: стиль восполняет недостаток чувств, подлинных страданий и волнений; он играет на стороне слов — и в ущерб „душе“. Он превращает слово — простое средство — в самоцель, в символ реального, в соперника самой жизни. Искажая дух, стиль вытесняет душу, перемещает в абстракцию все прямое, живое в нас, становится преградой между нами и вселенной — а под конец сам превращается во вселенную, фиктив-

ную вселенную. В стиле торжествует всё вне-мирное, вне-космическое в человеке, всё то, через что он предаёт свои корни, всё, что в нём перестаёт быть частью стихийных сил. В этом смысле стиль — выражение, лучшее, чем любое другое занятие, нашей участи лишних, беспочвенных, случайных существ:...стилистов литературы» [Cioran, 2020b, p. 453]. В этом смысле стиль выражает нашу избыточность, ненужность. Чёран интересен тем, что, несмотря на романтическую двоичную модель «форма — содержание», его практика письма гораздо сложнее — в ней стиль то отделяется от бытия и мира, то становится нападением искусства на природу, то выражает раздвоенность между языком и мышлением. Но в целом стиль у него — это трансформация самого содержания, способов выражения мысли.

Как отмечает румынская исследовательница Михаэла-Генциана Стэнишор, стиль навязывает форму самовыражению и создает литературное «я», характерное для фрагментарной формы. Это «я» уже не свободно, а подчинено слову — оно сознает себя на грани, оглядываясь на свое прошлое и сохраняя личностный почерк, «духовную мужественность» автора, спрятанную за каждой строкой [Stănișor, 2018, p. 226–227]. У Чёрана стиль — это парадоксально-успешное свидетельство поражения «я», поэтому его литературная практика никогда полностью не отказывается от работы со стилем. Несмотря на заявления, что с 1970-х гг. он «бросил стиль», это скорее переход к еще более отчужденной форме — фрагменту, ставшему этическим и стилистическим выбором. «Все, что я требую от писателя, — чтобы он писал грамотно. Хорошо или плохо написано произведение, для меня не имеет значения. Стиль, который так долго был моей навязчивой идеей, больше не интересует меня...» [Чёран, 2025, т. II, с. 137]. Перрос, близкий по стилю к фрагменту, описывает авторов фрагментов как «контрабандистов литературы», которые лишь «щупают» духовный океан, не желая даже считать себя писателями, и чьи недостатки превращаются в парадоксальные достоинства [Chatelet, 2020, p. 295]. Стиль у Чёрана — это противопоставление естественному выражению, сдержанность и лаконичность, отказ от индивидуалистической экспансии мысли, которая была характерна для его ранних румынских текстов. «Нужно обладать настоящей страстью к нюансам, чтобы заметить разницу между текстами, которые я писал на румынском и французском языках на протяжении более чем тридцати лет. По сути, все, что я сделал, — это „вышивал“ на одних и тех же темах, местами углубляя их» [Чёран, 2025, т. II, с. 217]. Это осознание языка как инструмента письма — аспект, который был очевиден для французских писателей XX в., но оста-

вался скрыт для молодого Чёрана. Его размышления о стиле остаются в рукописях, частично опубликованных («О юморе» [Cioran, 2020e, pp. 448–449], «Между словом и молчанием» [Cioran, 2020a, pp. 450], «О стиле» [Cioran, 2025d, pp. 450–451], «Мы заперты в языке» [Cioran, 2020c, pp. 452], «Стиль» [Cioran, 2020b, pp. 452–453]), и демонстрируют, насколько важен для него этот вопрос — стиль не просто техника, а поле битвы, где «я», используя слова, обвиняется в слабости, несостоятельности и предательстве самого себя.

Подобно Руссо, который продолжал писать, чтобы объяснить и оправдать свое предыдущее письмо, частный мыслитель пишет, чтобы ослабить силу уже созданного текста. Стиль — это бесконечный процесс самоуничтожения и возрождения, в котором нет конца, кроме утомления. Из-за первоначального и конечного поражения стилист — одинокий боец, бросающий вызов языку и человечеству. Он знает, что стиль — это неизбежное приключение: нужно идти с ним до конца, побеждать или падать вместе с ним. Это непрерывная любовная война с языком — врагом и союзником одновременно. Каждое живое предложение отнимает жизненную энергию, и всякое произведение рождается из стремления к самоуничтожению. Стиль — вопрос жизни и смерти, битвы и любовного танца, в котором никто не выйдет победителем. Это постоянное перераспределение энергии между писателем и языком. Произведение частного мыслителя — всегда самоуничтожение, касающееся либо «я», либо языка. В этом есть глубина личного вовлечения, потому что проект касается самой сущности автора. Текст — это автопортрет в словах, где форма становится мыслью, и наоборот [Chatelet, 2020, p. 297].

Как писал Жерар Дессон: «Когда работа с идеей неотделима от манеры письма, писатель и мыслитель становятся одним и тем же художником, и произведение создаётся, изобретая в то же время и способ. Не способ мышления, а мысль как способ, то есть такой способ письма, который одновременно становится способом мышления — и всё это вне рамок приемлемости, заданной грамматиками и руководствами по стилю» [Dessons, 2010, p. 206]. Чёран и другие частные мыслители создают стиль, который выражает не просто содержание, но отношение к миру и к себе, построенное на признании собственного и всеобщего поражения. Стиль выходит за рамки бинарных противопоставлений «содержание — форма», «внешнее — внутреннее», представляя собой сложное движение на грани, где в любой момент может наступить конец.

3. Зловоние мертвых слов

*«Литература живет, питаясь избыточной кровью вокабул,
питаясь раковой опухолью слова»*

Сиоран Э.М. Горькие силлогизмы. 2008. С. 41⁸.

Много писателей с XIX в., и особенно в XX, осознавали обманчивый характер слова. Перрос, лишившись устной речи из-за ларингэктомии, один символизирует собой всю критику избыточного словотворчества: «Рот. Пасть, грот, полость, где отдаётся эхом чудовищное бла-бла-бла — оргия слов. Пустой зал после бала. Я жую конфетти. Что такое слова, если не маски, скрывающие лишь самих себя? До бесконечности» (цит. по: [Chatelet, 2020, p. 300]). Рот, как орган речи, оказывается в абсурдной ситуации: его функция утрачена, остается лишь неразборчивый пустой звук. Из избыточного монструозного изобилия наступает пустыня — и этот зияющий пустотой рот становится еще более тревожным, потому что пустота повторяется бесконечно.

Ларингэктомия Перро трагически символизирует смертельное отношение к словам у частных мыслителей. Его болезнь — рак, напрямую влияющий на речь, находит отражение у Чёрана, который воспринимает избыток слов как раковую опухоль. Для Чёрана слова буквально обречены на смерть. Еще в 1940-х он представлял себе мучительную казнь слов и их конец. В первом своем произведении на французском он описывает гниение слов в параграфе «Крайняя изношенность»: «Существует нечто соревнующееся в своей гнусности с самой гнусной шлюхой, нечто грязное, избитое, обанкротившееся, приводящее в ярость, доводящее ярость до пароксизма, нечто являющееся разменной монетой: это слово, всякое слово, и прежде всего то, которым мы пользуемся. Вот я говорю: дерево, дом, я, великолепный, глупый; я мог бы говорить все, что угодно, и жду, когда же явится, наконец, убийца всех существительных и прилагательных, всей этой почтенной отрыжки. Порой мне кажется, что они умерли и никто не желает их хоронить. Из трусости мы считаем их пока еще живыми и продолжаем вдыхать их вонь, не зажимая носа. А ведь их уже, собственно, и нет, они больше ничего не выражают. Когда подумаешь обо всех ртах, сквозь которые они прошли, обо всех загрязнивших их дыханиях, обо всех случаях, когда они были произнесены, можно ли пользоваться хотя бы одним-единственным из них, не пачкаясь? Нам их швыряют уже пережеванными, но ведь

⁸ Москва: Алгоритм; Эксмо, 2008. С. 26–145.

никто из нас не станет глотать пережеванную другими пищу. От физического акта, сопровождающего произнесение слова, просто тошнит, а ведь достаточно кратковременного раздражения, чтобы в любом слове различить привкус чужой слюны. Чтобы освежить язык, человечеству следовало бы перестать говорить: ему полезно было бы прибегнуть к знакам или, еще лучше, к молчанию. Проституирование слова — самый очевидный симптом его деградации: не осталось ни одного чистого слова, как не осталось и чистой артикуляции» [Сиоран, 2003б. с. 126–127]. Оценочные слова — «грязный», «изношенный», «поражённый», «отрывка» — подчеркивают глубокое отвращение. В этом фрагменте слова колеблются между целью для уничтожения и трупам с дурным запахом. Беспокоит не звук слов, а их зловонный запах. Как у Перрота, рот оказывается зараженным словами и превращается в гнилое кладбище. Дыхание, связанное с письмом как с дыханием автора, тоже страдает. Чёран и Перрос часто говорят о дыхании, его утрате и тайне дыхания, связанной с использованием слов.

Этот задыхающийся частный мыслитель, избегающий слов, потому что боится заразиться ими, выражает особое, почти смертельное отношение к языку. В итоге размышления Чёрана о гниении слов резонируют с идеями Ролана Барта из «Нулевого уровня письма», где язык представлен как «великолепный и мёртвый», доступный писателю, но уже неспособный выразить мир и создать шедевр.

4. Вечное повторение, одержимость точным словом и поиск конца языка

*«Искать бытие в словах — таково наше донкихотство,
таков бред нашей основной кампании»*

Э. Чёран. Чёрный дневник.
Т. I (1957–1964). С. 131⁹

Современная литература основывается на понимании разрыва между языком и мышлением, а также между речью и жизненным опытом. Из-за невозможности точного выражения посредством слова нарушается договор между писателем и языком: из того, кто имел почти любовные отношения со словами, писатель превращается в борца с языком, раскрывающего его ложь. С XIX в. к письму стали относиться как к труду, а не к проявлению таланта или удовольствия. Эрик Бенау

⁹ Чёран Э. Чёрный дневник (1957–1972). Изд. в 4 т. Т. I (1957–1964) / пер. с фр. Р.С. Гранина. Москва: Тотенбург, 2025а. 382 с.

связывает это с изменением ценностей — от аристократических к буржуазным [Benoit, 2014, p. 15]. Произведение стало результатом упорной работы, а не вдохновения. Но частный мыслитель, основанный на раскрытии отчаяния как отправной точки для любой экзистенциальной работы, уходит от борьбы. Борющийся всегда немного надеется, а частный мыслитель — нет: он лишь повторяет свои крики и не доказывает ничего. Поэтому он вроде бы не интересуется словами и строит свою литературную практику на этом отказе. Как сказал Чёран: «Я отношусь к тем писателям, у которых перехватывает дыхание, потому что они ненавидят слова» [Чёран, 2025, т. I, с. 310]. Письмо, как дыхание автора, остается жизненно важным, но отторжение слов через краткость приводит к угрозе угасания. Жубер уже предупреждал об опасности: «Я хотел обойтись без слов, пренебрегал ими — слова мстят, через трудности и так далее» (цит. по: [Chatelet, 2020, p. 299]). Отказ от слов (а не борьба с ними) вызывает ответную реакцию языка и ставит под угрозу практику писателя.

Если слова продолжают использовать, несмотря на желание их избегать, они кажутся неудовлетворительными, иллюзорными, повторяющимися без существенного эффекта. Жубер, опять же, отмечал: «Все эти повторяющиеся слова напоминают удары, которые наносят снова и снова, потому что не был нанесён тот, единственный, решающий» [Там же, p. 300].

Гийом Перрос противопоставляет два использования слова: у обычных людей и у поэта: «Итак, слово само по себе ничего не значит. Это тревожно, если вспомнить, что большинство людей используют эту валюту — для общения. Для любви. Чтобы давать клятвы. Но слово не любит, когда его подгоняют, когда его принимают за то, чем оно не является. Поэт это понял. Он обращается со словом с осторожностью — если не с равнодушием, — и тогда слово раскрывает весь свой смысл. И даже немного больше. Оно лопается, достигнув зрелости, — разбрызгивая образ. Не забывая при этом дать шанс и идее» (цит. по: [Chatelet, 2020, p. 303]). Перрос различает два способа использования слова: обыденный — как у большинства людей — и поэтический. Здесь происходит своего рода перевертывание ожиданий читателя: оказывается, не поэт, а как раз обычный человек придает словам наибольшую важность. Язык здесь предстает как внезапная вспышка, мимолетное озарение, которого можно лишь слегка коснуться. Поэт, будто хитростью ухитрившись ухватить точное слово, сразу же разрушает его. Этот момент — короткий, яростный, почти взрывной, — тем не менее позволяет вырваться из повседневной речи, где слова утратили жизнь

и смысл. В этом слышится отклик на призыв Чёрана: именно угрожая словам, писатель дает им возможность проявиться во всей их яркости, в самой подлинной и насыщенной смыслами форме.

Дневники Чёрана показывают особенно чуткое, почти чувственное отношение к языку: «Я никогда не произносил и не писал слово „одиночество“, не испытывая при этом сладострастного чувства» [Там же, с. 97]. Но это ощущение возникает слово за словом, постепенно. Если слово из его лексики входит в обиход, это не отменяет его использования, но может сделать его подозрительным, а значит — меняет его статус. Чёран сожалеет, что слово «отчаяние» слишком часто обесцениваются и что употреблять его сейчас — значит рисковать. Так, употребление слов меняется, но одержимость ими остается, несмотря на сомнения в их силе. Обычно слово выделяется в начале текста, за ним следует короткий развернутый комментарий, выражающий ощущения и впечатления, связанные с этим словом.

За этой двойственной одержимостью словом стоит особое понимание языковых элементов. Лингвистика помогает понять роль письма у Чёрана. Клод Грюаз предлагает различать речь, употребление и язык (трехполярность языка, семиотику слова и семиографию) [Gruaz, 2002. pp. 13–40]. Для Чёрана слово — не просто понятие или метафора, а существующее само по себе, как метка, ориентир, с помощью которого он движется по бездне бытия. Он стремится писать напрямую «чувством», до концептов, передавая мельчайшие оттенки переживания: «О, как бы я хотел ограничиться только ощущениями, миром, предшествующим понятию, бесконечно малыми вариациями ощущаемого впечатления, которое я должен был бы передать в тысяче удивительных слов без последовательности! Писать прямо из чувств, стать переводчиком тела и несогласованной души! Расшифровывать только то, что я вижу, что меня касается, делать то, что сделала бы рептилия, если бы взялась за работу, даже не рептилия, а насекомое, потому что рептилия имеет досадную репутацию интеллектуала. Книга, которая была бы поэтичной по чистой физиологии» [Чёран, 2025, т. I, с. 96].

В своих заметках он говорит о желании передавать «чувство» — и здесь «чувство» понимается двояко: как ощущение и как смысл. При этом истинный смысл — это именно ощущение тела и разрозненной души, а не обобщенное понятие. Философия концептов для Чёрана обречена, потому что игнорирует тончайшие различия и является слишком абстрактной. Он стремится к физиологичности и разложению, где тело и душа равны и подчинены ощущению. Из-за усталости от языка, который не ведет к окончательным ответам, Чёран сокращает

свое высказывание, концентрируясь на нескольких словах, полных экзистенциального отчаяния, таких как «упадок», «отчаяние», «меланхолия», «погибать». Он уверен, что слово в конце концов исчезнет вместе с человеком, «усталым от слов», и все кончится немым и голым человеком: «Естественно, возникает мысль, что человек, устав от слов и возненавидев пустопорожний ход времени, отнимет у вещей и у самого себя имена и бросит их в огромный костер, на котором сгорят его надежды. Мы все стремимся к такому финалу, к человеку немому и нагому...» [Сиоран, 2003b, с. 103].

Однако пока этот окончательный молчаливый конец не наступил, Чёран собирает словарь существования из слов, которые несут в себе трагический экзистенциальный заряд. Эти слова звучат как «отметки», которые формируют общность тех, кто способен их понять. Он говорит, что даже самые избитые и изношенные слова иногда становятся откровением, если человек находится в состоянии «откровения» и ждет знака. Для Чёрана слово — это не просто знак, а мощный сигнал, который может перевести писателя из виртуального состояния в реальное через само письмо. Но он предупреждает: «Процесс устаревания мира слов происходит в другом ритме и с иной скоростью, нежели износ материальной вселенной. Слова изнашиваются и умирают, когда мы повторяем их слишком часто, а в материальном мире монотонность является законом».

Выводы

Проведенное исследование декомпозиции французского стиля Эмиля Чёрана позволяет сформулировать ряд выводов.

Отношение Чёрана к стилю на протяжении всего его французского периода характеризуется глубоким внутренним противоречием. С одной стороны, стиль осознается им как необходимое «убежище», как единственная возможность существования в языке для «частного мыслителя», лишенного системы и публичной функции. С другой стороны, именно в стиле Чёран видит источник фундаментальной лжи — «маску», скрывающую пустоту бытия и подменяющую подлинное переживание его эстетизированным суррогатом.

В первый французский период (конец 1940-х — 1950-е гг.) Чёран воспринимает классический французский стиль как идеал прозы, как «метафизический принцип француза», позволяющий преодолеть избыточный лиризм его ранних румынских текстов. Однако уже в эссе «Стиль как приключение» и позднее, в дневниковых записях 1960–1970-х гг., формируется критическое отношение: стиль обвиняется

в неспособности передать истину, в приукрашивании «мелких несчастий» и в создании «фиктивной вселенной».

Переход к фрагментарной форме, отказ от «красивого письма» и сознательное усиление разрывов в тексте являются не просто эстетической эволюцией, но следствием глубоких экзистенциальных процессов. Ухудшение памяти, бессонница, ощущение приближающегося «размягчения мозга», зафиксированные в дневниках, делают невозможным поддержание прежней стилистической строгости. Фрагмент становится единственно возможной формой, адекватной «разбитой» природе мысли и угасающему сознанию автора.

В поздних текстах Чёрана стиль предстает как арена непрекращающейся борьбы между литературным «я» и сопротивляющейся материей языка. Писатель, ненавидящий слова, но вынужденный ими пользоваться, вступает с ними в «любовную войну», где каждая фраза рождается из стремления к самоуничтожению. Стиль становится «страстью тех, у кого нет убеждений», формой существования «лишних, беспочвенных существ» — стилистов литературы, чья единственная реальность — слово, которое они же и стремятся разрушить.

Центральным для позднего Чёрана становится ощущение истощенности, «проституирования» языка. Слова воспринимаются как трупы, издающие зловоние, как «пережеванная другими пища». В этой ситуации отвращения к языку парадоксальным образом возникает концентрация на немногих ключевых словах («разложение», «отчаяние», «упадок», «невозможность», «меланхолия»), которые обретают для автора особый, почти физиологический смысл. Эти слова становятся «стигматами», знаками принадлежности к сообществу отверженных, последними ориентирами в бездне бытия.

Библиографический список

Гранин Р. С. Эмиль Чёран. Приближение к ускользающему философу. Москва ; Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив, 2024. 126 с.

Гранин Р. С. Поэтика Эмиля Чёрана : в 3 т. Москва: Тотенбург, 2025–2026.

Сиоран Э. М. Горькие силлогизмы. Москва: Алгоритм; Эксмо, 2008. С. 26–145.

Сиоран Э. М. Искушение существованием / пер. с фр. В. А. Никитина, прим. И. С. Вдовиной. Москва: Республика; Палимпсест, 2003а. С. 144–271.

Сиоран Э. М. О разложении основ // Искушение существованием. Москва: Республика; Палимпсест, 2003б. С. 14–142.

Чёран Э. Чёрный дневник (1957–1972). Изд. в 4 т. Т. I (1957–1964) / пер. с фр. Р. С. Гранина. Москва: Тотенбург, 2025. 382 с.

Чёран Э. Чёрный дневник (1957–1972). Т. II (1965–1967) / пер. с фр. Р. С. Гранина. Москва: Тотенбург, 2025. 438 с.

Benoit E. "Écrire de ne pas écrire". *Modernités*. No. 35. Apories, paradoxes et autocontradictions. La littérature impossible. Bordeaux: Presses Universitaires de Bordeaux, 2014. P. 5–40.

Bollon P. Cioran l'hérétique. Paris: Gallimard, 1997. 307 p.

Cavaillès N. Suicide, Décomposition, Corruption: genèse et dialogisme du Précis de Décomposition de Cioran. Lyon 3. 2007. 593 p.

Chatelet L. Cioran, un penseur privé en mal d'écriture. Lyon: Université Jean Moulin (Lyon 3), 2020. 464 p.

Cioran E. Pe culmile disperării. București, 1934. 166 p

Cioran E. Entretiens. Paris: Gallimard, 1995. 319 p

Cioran E. Entre le verbe et le silence [CRN. Ms. 113]. Chatelet L. Cioran, un penseur privé en mal d'écriture. Lyon: Université Jean Moulin (Lyon 3), 2020a. 450 p.

Cioran E. Le style [CRN ms.101]. Chatelet L. Cioran, un penseur privé en mal d'écriture. Lyon: Université Jean Moulin (Lyon 3). 2020b. Pp. 452–453.

Cioran E. Nous sommes enfermés dans le langage [CRN ms. 112]. Chatelet L. Cioran, un penseur privé en mal d'écriture. Lyon: Université Jean Moulin (Lyon 3), 2020c. 452 p.

Cioran E. Sur le style... [CRN Ms. 325]. Chatelet L. Cioran, un penseur privé en mal d'écriture. Lyon: Université Jean Moulin (Lyon 3), 2020d. Pp. 450–451.

Cioran E. Sur l'humour [Ms 400]. Chatelet L. Cioran, un penseur privé en mal d'écriture. Lyon: Université Jean Moulin (Lyon 3), 2020e. Pp. 448–449.

Dessons G. La manière folle, Houilles: Essai sur la manie littéraire et artistique. Paris: Manicus, 2010. 260 p.

Garrigues P. La Poétique du fragment. Paris: Klincksieck, 1995. 508 p.

Gruaz C. Quand le mot fait signe: tripolarité du langage, sémiotique du mot et sémiographie, Pour une sémiotique de l'écrit. Rouen: Publications de l'université de Rouen, 2002. Pp. 13–40.

Hershberg-Pierrot A. Le Style en mouvement. *Littérature et art*, Paris, Belin: Letters, Sup, 2005, 204 p.

Liiceanu G. Itinéraires d'une vie E.M. Cioran. Suivi de Les Continents de l'insomnie — entretien avec E.M. Cioran. Paris: Michalon, 1995. 144 p.

Massias S. Les Cahiers de Cioran: une oeuvre palimpseste. *Genesis*. 2017. № 45. Pp. 193–200.

Stănișor M-G. La Moïeutique de Cioran. Paris: Editions Classiques Garnier, 2018. 299 p.

Stolojan S. La seconde naissance de Cioran. *Magazine littéraire*, no 327, décembre 1994. Pp. 38–41.

References

Benoit E. Écrire de ne pas écrire. *Modernités*, Apories, paradoxes et autocontradictions. La littérature impossible. Bordeaux: Presses Universitaires de Bordeaux, no. 35, 2014, pp. 5–40. (In France).

Bollon P. *Cioran l'hérétique* = Cioran the Heretic, Paris: Gallimard, 1997, 307 p. (In France).

Cavaillès N. *Suicide, Décomposition, Corruption: génèse et dialogisme du Précis de Décomposition de Cioran* = Suicide, Decay Corruption, no. 3, Lyon, 2007, 593 p. (In France).

Chatelet L. *Cioran, un penseur privé en mal d'écriture* = Cioran, a Private Thinker in Need of Writing, Lyon, Jean Moulin (Lyon 3) University Press, 2020, 461 p. (In France).

Cioran E. *Pe culmile disperării* = On the heights of despair, București, 1934, 166 p. (In Romanian).

Cioran E. *Entretiens*, Paris: Gallimard, 1995, 336 p. (In France).

Cioran E. *The Black Diary* (1957–1972), in 4 vols, vol. 1 (1957–1964). Transl. from French by R. S. Granin, Moscow, Totenburg Publ., 2025a, 382 p. (In Russian).

Cioran E. *The Black Diary* (1957–1972), in 4 vols, vol. 2 (1965–1967). Transl. from French by R. S. Granin, Moscow, Totenburg Publ., 2025b, 438 p. (In Russian.).

Cioran E. Entre le verbe et le silence [CRN. Ms. 113] Chatelet L. *Cioran, un penseur privé en mal d'écriture*. Lyon: Université Jean Moulin (Lyon 3), 2020a. 450 p.

Cioran E. Le style [CRN ms.101]. Chatelet L. *Cioran, un penseur privé en mal d'écriture*, Lyon: Université Jean Moulin (Lyon 3), 2020b. P. 452–453. (In France).

Cioran E. Nous sommes enfermés dans le langage [CRN ms. 112]. Chatelet L. *Cioran, un penseur privé en mal d'écriture*, Lyon: Université Jean Moulin (Lyon 3), 2020c, 452 p. (In France).

Cioran E. Sur l'humour [Ms 400]. Chatelet L. *Cioran, un penseur privé en mal d'écriture*, Lyon: Université Jean Moulin (Lyon 3), 2020e, pp. 448–449. (In France).

Cioran E. Sur le style... [CRN Ms. 325]. Chatelet L. *Cioran, un penseur privé en mal d'écriture*, Lyon: Université Jean Moulin (Lyon 3), 2020e, pp. 450–451. (In France).

Dessons G. *La manière folle, Houilles: Essai sur la manie littéraire et artistique*, Paris: Manicus, 2010, 265 p. (In France).

Garrigues P. *La Poétique du fragment*, Paris: Klincksieck, 1995, 508 p. (In France).

Granin R. S. Emil Cyoran. Approaching the Elusive Philosopher, Moscow, St. Petersburg, 2024, 126 p. (In Russian).

Granin R. S. *Poetika Emilya Chyorana*, in 3 vols, Moscow, 2025–2026, 296 p. (In Russian).

Gruaz C. Quand le mot fait signe: tripolarité du langage, sémiotique du mot et sémiographie. *Pour une sémiotique de l'écrit*, Rouen: Publications de l'université de Rouen, 2002, pp. 13–40. (In France).

Hershberg-Pierrot A. *Le Style en mouvement. Littérature et art*, Paris, Belin: Letters, 2005, 204 p. (In France).

Liiceanu G. *Itinéraires d'une vie E.M. Cioran*. Suivi de Les Continents de l'insomnie — entretien avec E.M. Cioran, Paris: Michalon, 1995, 144 p. (In France).

Massias S. Les Cahiers de Cioran: une oeuvre palimpseste. *Genesis*, 2017, no. 45, pp. 193–200. (In France).

Sioran E. M. Bitter syllogisms, Moscow, 2008, pp. 26–145. (In Russian).

Sioran E. M. The Temptation of Existence, Moscow, 2003a, 144–270. (In Russian).

Sioran E. M. On the Decomposition of the Foundations. *Temptation of Existence*, Moscow, 2003b, pp. 14–142. (In Russian).

Stănișor M-G. *La Moieutique de Cioran*, Paris: Editions Classiques Garnier, 2018, 299 p. (In France).

Stolojan S. La seconde naissance de Cioran. *Magazine littéraire*, no. 327, décembre 1994, pp. 38–41. (In France).

К ВОПРОСУ ОБ ОБРАЗЕ АВТОРА В НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОМ ТЕКСТЕ: ДВА ТИПА ДЕФОРМАЦИИ ЖАНРОВО-СТИЛИСТИЧЕСКОГО КАНОНА

С.В. Зубова, Т.П. Сыроватская

Ключевые слова: научно-популярный текст, деформация нарратива, образ автора, диктум, модус, коммуникативная цель

Keywords: popular science text, narrative deformation, author's image, dictum, modus, communicative goal

[https://doi.org/10.14258/filichel\(2026\)3–06](https://doi.org/10.14258/filichel(2026)3–06)

Введение
Основными стилевыми чертами научного текста в лингвистике принято считать объективность и некатегоричность, обобщенность, подчеркнутую логичность и доказательность, точность и ясность, а также диалогичность изложения [Чернявская, 2007, с. 22]. Важно при этом подчеркнуть, что перечисленные характеристики научного стиля не предполагают отсутствие экспрессивности и оценочности [Кожина, 2011, с. 299]. Воздействие на адресата научного текста происходит через убеждение, основным способом которого является информирование. Цель убеждения через информирование состоит в достижении понимания и принятия адресатом сообщаемой информации [Варгина, 2004].

Научно-популярный текст, подобно собственно научному, транслирует знания, полученные в различных областях научной деятельности. Принципиальное различие заключается в адресате: в отличие от научного текста, ориентированного на специалиста, научно-популярный текст обращен к неспециалисту. Это обуславливает главную коммуникативную задачу автора — донести достоверное научное знание в форме, доступной для неподготовленного читателя [Хомутова, Петров, 2013, с. 38–39]. Иными словами, перед автором научно-популярного текста, помимо трансляции научного знания, стоит задача «сделать свой материал конкурентоспособным, заинтересовать „случайного“ читателя» [Воронцова, 2013, с. 27]. Необходимость «заинтересовать» читателя закономерно сопряжена с большей свободой проявления авторской позиции: по замечанию Э. А. Лазаревич, автор научно-популярного

текста «не должен бояться выражать свое отношение к изображаемому» [Лазаревич, 1978, с. 134]. Это обстоятельство определяет актуальность исследования лингвистических средств выражения позиции автора в научно-популярном тексте.

О значимости данной проблематики свидетельствует широкий спектр работ, посвященных анализу средств выражения авторской позиции в научно-популярных текстах разной тематики: правовой [Соловьева, 2022], лингвистической [Гришечкина, 2010], геологической [Болсуновская, 2015], астрофизической [Былкова, 2018]. Особый интерес для лингвистического анализа, на наш взгляд, представляют тексты исторической тематики, среди которых, как показывает исследование М. Ю. Сидоровой, встречаются образцы «идеологизированного научпопа». В центре текстов такого типа — авторская интерпретация явлений действительности, представляемая автором как нечто более интересное и ценное, чем объективность [Сидорова, 2026, с. 9].

В качестве материала для настоящей статьи выступают книги А. Васькина «Сталинские небоскребы: от Дворца Советов к высотным зданиям» [Васькин, 2009] и Л. Данилкина «Палаццо Мадамы: Воображаемый музей Ирины Антоновой» [Данилкин, 2026]. Выбор материала обусловлен следующими факторами.

1. К исторической проблематике в рамках научно-популярного жанра часто обращаются неспециалисты, авторы, не получившие систематического исторического образования, не владеющие исторической методологией, ограничивающей субъективность исторического нарратива. Представляется актуальным раскрытие этой субъективности методами лингвистического анализа.

2. Изучение языковых средств и текстовых тактик выражения позиции автора в современную эпоху «постправды» особенно важно проводить на материале текстов, касающихся знаковых исторических фигур и явлений, либо традиционно являющихся дискуссионными (сталинское время, включая его искусство и архитектуру) (А. А. Васькин. Сталинские небоскребы: от Дворца Советов к высотным зданиям. 2009), либо еще не осмысленных, впервые вводимых в поле зрения читателя (биография Ирины Антоновой) (Л. Данилкин. Палаццо Мадамы: Воображаемый музей Ирины Антоновой. 2026).

3. Выбранные тексты представляют, как далее показано в нашей статье, два типа деформации образа автора научно-популярного текста. Первый тип — «всезнающий» автор, который проникает в сферу сознания исторических субъектов и осуществляет реконструкцию мотивов их действий. В тексте устанавливаются неверифицируемые связи меж-

ду намерениями исторических субъектов и их действиями; в сознании читателя-неспециалиста установленные автором закономерности подменяют представление о связях, доступных для воссоздания по реально существующим историческим источникам. Второй тип — «несведущий» автор — тот, кто, скрываясь за маской невежды, пытается войти в доверие к читателю и, как бы не претендуя на исчерпывающее знание предмета, стремится обеспечить себе ничем не ограниченную свободу интерпретаций. Однако приведенные ниже примеры показывают, что образ «несведущего» декларируется автором, но не выдерживается последовательно: приписывая внутритекстовому субъекту свою точку зрения, он неизбежно занимает позицию «всезнающего».

С помощью коммуникативно-грамматического анализа мы демонстрируем, как языковые средства и тактики, подчиненные образу автора и его «ценностно-смысловой сетке» [Косиков, 2009, с. 9], ведут к нарушению и деформации жанрово-стилистического канона научно-популярного текста. Исследование текстовых тактик с опорой на инструментарий коммуникативной грамматики Г. А. Золотовой [Золотова, Онипенко, Сидорова, 2004] позволяет выдвинуть гипотезу о стратегии авторов, в которой «воплощаются замысел, „сверхзадача“, художественный императив, мировоззренческие и прагматические интересы» [Золотова, 1996, с. 287].

1. «Реконструкция» мотивов действий субъектов истории. Образ «всезнающего» автора

Для идеологически маркированного научно-популярного текста характерно приписывание вымышленных **коммуникативных** намерений субъектам и оценка этих намерений [Сидорова, 2026, с. 14]. Описывая мотивы, которые руководили историческими субъектами при совершении ими тех или иных **действий**, автор подобного текста также обращается к тактике, в основе которой — приписывание недоказуемых намерений. Восстанавливая причинно-следственные связи между событиями, автор текста может отказываться от модусных рамок, указывающих на субъекта сознания / речи, моделировать размышления субъектов истории через несобственно-прямую речь, усложнять субъектную перспективу текста с помощью авторизационных предложно-падежных синтаксем. В реализации тактики приписывания субъектам истории мотивов действий могут участвовать также следующие языковые средства: причастные конструкции с оценочным значением (*грезивший формулой «Москва — третий Рим», так полюбивший время Ивана Грозного*), модусные предикаты (*может похвастать, водрузить*), мо-

дальные слова (*неслучайно, возможно*). Отдельно стоит сказать и о случаях, когда автор сообщает что-либо о внутреннем мире другого субъекта, скрываясь за неопределенно-личным авторизатором, фактически предоставляя при этом неverifiedируемую информацию (см. пункт 5).

Рассмотрим, как работают перечисленные средства в тексте, на примерах.

Грезивший формулой «Москва — третий Рим», он уже не мог уподоблять образ своей столицы Риму второму. Рим для него — прошедший этап. Так полюбивший время Ивана Грозного, Сталин примеривает на себя тогу властителя мирового порядка. А потому все, что может быть наваяно внешним миром, для него теперь не указ (А. А. Васькин. Сталинские небоскребы: от Дворца Советов к высотным зданиям. 2009 С. 56). Весь приведенный фрагмент строится на приписывании И. В. Сталину модусных предикатов: он *не мог уподоблять, примеривает на себя (тогу властителя)*. Авторская «осведомленность» о внутреннем мире другого субъекта подкрепляется и усиливается модальными показателями: *грезивший, полюбивший, не указ*. Отсутствие авторизационных конструкций указывает на то, что автор оставляет за собой право облекать собственную точку зрения в форму имевшего место в реальности факта.

Следующий пример показывает, как мотивы исторических субъектов могут «реконструироваться» через несобственно-прямую речь: *Вместо одного небоскреба он решил построить высотные дома с башенками. Неслучайно и то, что проекты высоток были утверждены к его семидесятилетию. Возможно, что стареющий вождь хотел оставить потомкам такую своеобразную память о себе. Ведь стоят же до сих пор египетские пирамиды — лучшее воспоминание о фараонах, а чем может похвастать Европа? Есть ли там хотя бы одно огромного размера здание, хотя бы отдаленно напоминающее пирамиду?* (Там же, с. 55–56). Риторические вопросы имитируют внутренний монолог Сталина, как бы восстанавливая истинные его намерения при строительстве высотных зданий. Примечательно, что этому монологу предшествуют два предложения, в одном из которых реализуется модус уверенности, а в другом, наоборот, неуверенности. С одной стороны, автор с помощью модального наречия *неслучайно* декларирует идею о том, что временная приуроченность события (утверждение проекта высотных зданий) определенно имеет особый смысл. С другой стороны, в следующем предложении маркер неуверенности *возможно* сигнализирует, что автор далее выдвигает **предположение** о назначении высотных зданий. Сообщая о том, что речь идет лишь о предположении, ав-

тор, тем не менее, раскрывает сконструированную им позицию Сталина как реальную. Происходит смена субъектной позиции и моделируется внутренняя мотивация исторического субъекта, вводимая частицей *ведь*, маркирующей обоснование сказанного ранее.

Отметим, что эта имитация внутреннего монолога наполнена оценочными смыслами, принадлежащими автору: это он сравнивает высотные здания с пирамидами, а амбиции Сталина — с желанием фараонов оставить память о себе. Через образ египетской пирамиды вводится также и идея о том, что высотные здания — надгробия для вождя, построенные при его жизни. Важно отметить, что автор умалчивает о том, что египетские мотивы прослеживаются далеко не только в образах высотных зданий. К египетским традициям обращались и Е. И. Камзолкин при создании нового герба СССР, и А. В. Щусев при строительстве Мавзолея В. И. Ленина, и В. И. Мухина при работе над своими скульптурами. Сталинская архитектура во многом ориентировалась на египетскую, наследуя ее символичность, монументальность, статичность и приверженность концепции вечности [Зиновьева, 2005, с. 113–114; 2010, с. 21]. Манипулятивный эффект в тексте А. Васькина достигается за счет трансформации интереса архитекторов к искусству Древнего Египта как источнику творческих решений для воплощения духа эпохи в желание и стремление Сталина увековечить память о себе, как это делали фараоны.

О мотивах действий исторического субъекта может сообщаться и в конструкции с авторизационной предположно-падежной синтаксемой: *Итак, одно из принципиальнейших сталинских указаний — водружить сверху еще и советский вариант Колосса Родосского — памятник Ленину высотой до 100 метров. По мнению товарища Сталина, так будет красиво* (Там же, с. 34). Модусная часть в данном случае формально указывает на субъекта мнения и вводит его оценку: автор сообщает, как Сталин оценивал с эстетической точки зрения решение установить на вершину Дворца Советов памятник Ленину. Однако в данном случае обнаруживается трехсложная субъектная перспектива: Сталин как субъект истории — современники Сталина и восприятие ими его точки зрения (номинация *товарищ Сталин* принадлежит именно им; отсылая читателя к позиции сталинских архитекторов, автор указывает на их творческую несамостоятельность и безынициативность) — автор текста и его точка зрения (она транслируется в выборе номинации для памятника Ленину — *советский вариант Колосса Родосского, а также в приобретающем интенсифицирующее значение комплексе еще и*).

2. Минимизация эпистемической ответственности автора

Автор научно-популярного текста вправе отступать от строгих канонов употребления языковых средств в научном стиле и использовать их «нестандартно, творчески», сохраняя при этом объективное когнитивное содержание, точность и достоверность описанных данных [Прищечкина, 2010, с. 132–133]. Говоря иначе, стилистическая свобода и творческий подход к отбору языкового материала не освобождает автора от эпистемической ответственности за то, что сообщается в тексте. В книге А. Васькина обнаруживаются фрагменты генеритивного регистра, позволяющего автору формулировать «законы», по которым развиваются исторические события. Коммуникативная функция генеритивного регистра — «обобщение, осмысление информации, соотносящее ее с жизненным опытом, с универсальными законами мироустройства, <...> проецируя ее на общечеловеческое время за темпоральные рамки данного текста» [Золотова, Онипенко, Сидорова, 2004, с. 404]. В случае с текстом А. Васькина генеритивный регистр как бы освобождает автора от необходимости подкреплять и доказывать свою точку зрения, поскольку она сформулирована в виде универсального закона, не требующего верификации.

Обращая внимание читателя на то, что, по мнению автора, советские архитекторы не проявляли творческую самостоятельность и руководствовались исключительно директивами партийного руководства, А. Васькин констатирует: *Архитекторы готовы выполнить любую волю руководства, подстроиться в своей работе под метод «социалистического реализма». Особенно ухудшается в такой ситуации положение людей одаренных, не способных обмануть ни себя, ни зрителей. Чем больше талантливый художник фальшивит, тем зримее обозначаются в его произведениях черты вранья, тем ярче проступает в них тривиальный остов навязываемого ему стиля* (А. А. Васькин. 2009. С. 72). Генеритивный регистр, характеризующийся обобщенно-личными субъектами (*люди одаренные, не способные обмануть...; талантливый художник*) и предикатами несовершенного вида в форме настоящего времени, «незаметно» для читателя переходящих с узуального уровня обобщения на гномический (*ухудшается, фальшивит, обозначаются, проступает*), демонстрирует в данном случае, как автор от комментирования описанных им «реалий» советского государства переходит к декларированию нравственно-эстетического закона, основанного на одном конкретном историческом явлении. Таким образом, частная ситуация, связанная с принятием архитекторами творческих

решений при Сталине, позиционируется как проявление общей истины, не зависящей от времени и обстоятельств: в *такой ситуации* ухудшается положение одаренных людей. Пространственно-временной локализатор с указательным местоимением (*в такой ситуации*) как бы «сшивает» информативный регистр с генеритивным. Он служит звеном, соотносящим все оценочные смыслы, содержащиеся во фрагменте генеритивного регистра, не с некоей абстрактной ситуацией, а с конкретным историческим периодом: а) **советским** архитекторам был *навязан* определенный стиль работы; б) навязанный архитекторам стиль *тривиален*; в) подчиняясь навязанному стилю, архитекторы *фальшивили*; г) чем больше архитекторы *фальшивили*, тем очевиднее проступали в их работах черты *вранья*; д) одаренным архитекторам было трудно работать в рамках *навязанного стиля*.

3. Создание образа «несведущего» автора

Л. Данилкин в книге «Палаццо Мадамы: Воображаемый музей Ирины Антоновой» с первых страниц выстраивает образ автора, повествователя, выступающего «тем субъектом сознания, который непосредственно воплощен в тексте и с которым имеет дело читатель» [Падучева, 2010, с. 202]. Задача автора на этом этапе — расположить к себе читателя, поставить себя с ним в один ряд, отказаться от роли «всезнающего» автора, являющегося профессионалом в сфере деятельности выбранного героя или глубоко погруженным в нее, и представить автора «несведущего» — того, к которому вопросов со стороны адресата должно возникнуть меньше всего.

В теории идея обеспечить подобие объективности при рассмотрении столь «противоречивой» фигуры за счет «симплициссимуса» — автора, максимально удаленного от искусствоведческой среды, — не так уж и дурна; но книга про Антонову в исполнении человека, который вчера окончил НЕ ТОТ факультет, сегодня не отличит офорта с акватинтой от сухой иглы, завтра спутает, пожалуй, Тинторетто с Каналетто, а послезавтра, неизбежно, и Венецию с Винницей? Абсолютно постороннего, чьи познания в искусствоведении в лучшем случае аналогичны талантам рок-исполнителя, которые демонстрируют участники чемпионата по игре на воображаемой гитаре? (Л. Данилкин. 2026. С. 9–10).

Диктумный факт построен на модусной оценке: автору своя же идея *обеспечить подобие объективности* представляется *не так уж и дурна*. Важно заметить, что автор собирается предложить читателю именно *подобие объективности*, а не объективность. Однако даже создание

этого *подобия* оказывается невозможным — на что указывают модусные показатели, которые ослабляют иллокутивную силу высказывания: 1) модусный маркер *в теории* в значении ‘возможно’ отражает сомнение автора; 2) «*противоречивая*» *фигура* — оценка автора, говорящая читателю о существовании разных мнений относительно фигуры героини, что делает задачу биографа, состоящую в создании *подобия объективности*, сложнее; 3) конструкция *не так уж и дурна* подразумевает, что *идея* изначально дурна, но *не так уж (и)* эту категоричность смягчает.

Стоит обратить внимание и на диктумные факты, указывающие на ослабление утверждения: 1) автор обозначает, что *максимально удален от искусствоведческой среды*; 2) не имеет соответствующего образования: *окончил НЕ ТОТ факультет*; 3) называет себя *абсолютно посторонним* в этой сфере; 4) свои познания в искусствоведении с намеренной иронией и гиперболизацией сравнивает с *талантами рок-исполнителя, которые демонстрируют участники чемпионата по игре на воображаемой гитаре*.

В пунктах 2) и 3) мы наблюдаем конструирование автором позиции неопределенно-личных субъектов, оценивающих его знания как недостаточные для написания книги о жизни и деятельности выдающегося искусствоведа. Однако это намеренная авторская игра с читателем, так как тут же Л. Данилкин использует искусствоведческие термины (*офорт, акватинта, сухая игла*), которые не могут быть знакомы обывателю. Отдельно стоит заметить, что Л. Данилкин окончил филологический факультет МГУ, как и Ирина Антонова, чего биограф никак не мог не знать, поэтому выражение «НЕ ТОТ факультет» воспринимается как ирония не столько над автором, сколько над выбранной им героиней и над теми, кто осмелится подвергнуть сомнению его право писать биографию Антоновой.

Образ «несведущего» автора становится для Л. Данилкина удобным инструментом настройки читателя на то, что ошибки, неточности и недостоверные факты могут быть простительны биографу.

4. «Оправдание» ввода диктумного факта

Важнейшими составляющими образа автора научно-популярного исторического текста, как и автора любого исторического нарратива, являются тактики отбора диктумных фактов для включения в повествование, а также тактики обоснования, экспликации этого отбора. Они говорят не только и не столько о предмете речи, сколько о позиции говорящего. Продемонстрируем это на фрагменте из книги Л. Данилкина, в котором автор с помощью развернутой экспликации модус-

ного плана подводит читателя к мысли о необходимости упоминания некоторого диктумного факта, а затем на его основе строит вымышленный нарратив:

*...не факт вообще, что биографу следует фиксировать связанные с внешностью особенности персонажа — важно ли, что Ленин был лысым, а у Маркса была большая борода? — но в случае ИА, видимо, все же следует: это, безусловно, релевантная черта, свидетельствующая об уникальности ее организма. Надо сказать, что работоспособность ИА, ее непостижимая энергичность («она казалась космическим объектом») и цветущий вид <...> озадачивали сотрудников, которые разделились в этом отношении на три партии: первая объясняла себе ее вечнозеленое, «лавровое» пребывание в прекрасной форме «генетикой»; вторая — мистической «закалкой», полученной ИА в раннем детстве, когда она регулярно окуналась в целительный холод бассейнов и морских купален Германии; третья придерживалась мнения, что **все это обратная сторона и следствие как раз «вампиризма»** (Л. Данилкин. 2026. С. 334–335).*

В этом фрагменте Данилкин переходит от общего суждения о задачах биографа к мнению «третьих», т. е. фактически к трансляции слухов и домыслов. В модусной части автор сначала выражает сомнение (*не факт вообще*) относительно положения, что биографу *следует фиксировать связанные с внешностью особенности персонажа*. Модальный предикат (*следует*) выражает здесь деонтическую необходимость, при которой «агенса обязан совершить некоторое действие, если <...> есть моральные принципы или социальные установки, которые заставляют его так поступить» [Падучева, 2016]. Ввод в контекст рассуждения о долге биографа в генеритивном регистре, как и в анализируемом выше фрагменте текста А. Васькина (см. пункт 2), легитимизирует дальнейшие рассуждения автора, в данном случае — трансляцию слухов и домыслов. Деонтический предикат (*следует*) повторяется и далее, только уже применяется по отношению к выбранной биографом героине (*в случае ИА*), но здесь автор уже отмечает высокую вероятность (*видимо*) ранее обозначенного действия (*фиксировать*). От вероятности автор переходит к уверенности (*безусловно*) и вводит диктумный факт, построенный на его оценке (*это релевантная черта, свидетельствующая об уникальности ее организма*), для которого и выстраивалась вся эта градация модусных средств, ведущих от сомнения к убежденности автора, что, соответственно, рассчитано и на аналогичную реакцию адресата.

В следующем предложении модусный показатель (*надо сказать*), используемый для подтверждения предыдущей мысли, дает возможность автору ввести новых субъектов мнения (*озадачивали сотрудников*), разделяя их на три группы, тем самым создавая плюрализм мнений, за которым кроется конструирование автором вымышленного нарратива (*все это оборотная сторона и следствие как раз «вампиризма»*), что указывает на идеологическую маркированность данного научно-популярного текста, основанную на «избирательности, управляемой собственной ценностно-смысловой схемой субъекта» [Сидорова, 2026, с. 13].

5. Опора на ненадежный / неизвестный источник

В рамках приемов речевого воздействия на адресата исследователи выделяют прием апелляции к авторитетам и фонду общих знаний [Иссерс, 2009, с. 74], построенный с помощью ментальных модусных рамок: «всем известно, что...», «по мнению экспертов», «как отмечают историки» и т. п. «В таких случаях, как правило, не указываются имена „специалистов“, но «сомнительное, спорное утверждение, приписанное авторитетному субъекту» (пусть и обобщенному), «выглядит убедительно» [Там же]. Однако параллельно с вводом «чужого» мнения Л. Данилкин, несмотря на занятую в начале книги позицию «симплицистмуса», использует прием «реконструкции» мотивов действий субъектов истории, как и А. Васькин (см. пункт 1), проникает в ментальную сферу своей героини (*ИА всегда ощущала в себе, стремилась выдать, не нашла в себе сил расстаться, осознает*), скрываясь в данном случае за неопределенно-личным авторизатором:

И если ИА в самом деле, как говорят про нее, всегда ощущала в себе нереализованный потенциал великой актрисы — и стремилась выдать свой Музей за какой-то еще, то Итальянский дворик был готовым сценическим пространством, чтобы разыгрывать в нем обширный репертуар историй. Про могучую властительницу, которая не нашла в себе сил вовремя расстаться с властью и теперь, когда часы судьбы тикают все громче, осознает, что любой, кто окажется на ее троне, пока она жива, предаст ее — и примется мстить ей за унижения самым жестоким образом (Л. Данилкин. 2026. С. 117–118).

Помимо конструкций с неопределенно-личным авторизатором, для маскировки своего авторского голоса Л. Данилкин также использует конструкции с:

а) каузативно-авторизующей синтаксемой «согласно + дат. п»:

Согласно недостоверным источникам, всякий день, уже к обеду, когда первая кровавая жатва была собрана, площадка перед дверью в приемную оказывалась усеяна трупами и полутрупами; Белый пол был аналогом каприйской скалы, с которой сбрасывали в море тех, кто осмелился перечить или ослушаться императора Тиберия (Там же, с. 108);

б) каузативно-авторизующей синтаксемой «по + дат. п»:

Оказавшись в Кремле, она, по слухам, обвинила своих горе-благодетелей в намерении набить Музей сумками Louis Vuitton и вообще использовать его как место для своей коммерции — спутав, надо полагать, ее храм со своим ГУМом (Там же, с. 474).

Приведенные примеры показывают, что апелляция к ненадежному или неизвестному источнику дает возможность биографу выстраивать вымышленные нарративы с опорой на мнение некоторого модусного субъекта, проверить которое читатель не имеет возможности. В примере а) в роли такого модусного субъекта выступают *недостоверные источники*, на которые ссылается автор, чтобы дальше представить свою модусную позицию относительно того, как он видит взаимодействие Ирины Антоновой с сотрудниками: *кровавая жатва, трупы и полутрупы перед дверью в приемную*, а сама Ирина Антонова сравнивается с *императором Тиберием*, который казнит *тех, кто осмелился перечить или ослушаться*.

Пример б), напротив, представляет не позицию неопределенно-личных субъектов, а точку зрения самой Ирины Антоновой, которую автор конструирует с помощью каузативно-авторизующей синтаксемы *по слухам*: *набить; использовать для своей коммерции; спутав, надо полагать, со своим ГУМом* — используемые предикаты и притяжательное местоимение *свой* (по отношению к *горе-благодетелям*) указывают на то, что перед нами несобственно-прямая речь, выступающая как скрытая цитата, в которой мы должны услышать даже не просто модусную позицию, а интонацию Антоновой.

Заключение

Представленный анализ позволяет нам сделать вывод, что главной стратегией книг А. Васькина и Л. Данилкина является не трансляция нового знания в доступной и некатегоричной форме для неподготовленного читателя, что предполагает жанрово-стилистический канон научно-популярного текста, а подмена этого знания своим «письмом», воздвигаемым между читателем и действительностью [Сидорова, 2026, с. 16]. «Письмо», в понимании Р. Барта, это «опредметившаяся в языке идеологическая сетка» автора, который понуждает адресата «заме-

чать и оценивать лишь те аспекты действительности, которые эта сетка признает в качестве значимых» [Косиков, 1989, с. 15]. Такое «письмо», даже скрываясь за фигурой наивного повествователя, в действительности является «идеологически маркированным научпопом», где образ автора становится преградой между читателем и знаниями о изначально заявленной теме. Воздвигнутая преграда обладает «такой же принудительной силой, как и любое другое общественное установление», и только поняв «внутреннее устройство подавляющего механизма», эту преграду возможно будет преодолеть [Там же].

Библиографический список

Болсуновская Л. М. Способы выражения позиции автора в научном и научно-популярном дискурсах / Л. М. Болсуновская, Д. С. Найдина // Фундаментальные исследования. 2015. № 2–15. С. 3413–3416.

Былкова С. В. Хеджирование в научно-популярном тексте: мотивация, семантико-синтаксические особенности, прагматические функции // Балтийский гуманитарный журнал. № 7 (4 (25)). 2018. С. 21–25.

Варгина Е. И. Научный текст: функция воздействия : автореф. дис. ... докт. филол. наук. Санкт-Петербург, 2004. 31 с.

Воронцова Т. А. Стратегии и тактики презентации специальных знаний в научно-популярном дискурсе // Вестник ЧелГУ. 2013. № 37 (328). С. 26–29.

Гришечкина Г. Ю. Научно-популярная лингвистическая литература: аспекты изучения в русле функциональной стилистики // Вопросы когнитивной лингвистики. № 4. 2010. С. 130–136.

Зиновьева О. А. Архитектурное убранство Москвы как отображение сталинской политики в 1930–1950-е гг. (зримый образ — скрытый смысл) // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. № 4. 2005. С. 112–126.

Зиновьева О. А. Унаследованные политические технологии: монументальная пропаганда сталинской Москвы // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. № 1 (44). 2010. С. 9–23.

Золотова Г. А. Композиция и грамматика // Язык как творчество: сб. статей к 70-летию В. П. Григорьева. Москва: ИРЯ РАН, 1996. С. 284–296.

Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. Москва: ИРЯ РАН, 2004. 544 с.

Иссерс О. С. Речевое воздействие : учеб. пособие для студентов, обучающихся по специальности «Связи с общественностью». Москва: Флинта: Наука, 2009. 224 с.

Кожина М. Н. Стилистика русского языка. Москва: Флинта. Наука, 2011. 462 с.

Косиков Г. К. Ролан Барт — семиолог, литературовед / Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. Москва: Прогресс, 1989. С. 6–48.

Косиков Г. К. Идеология. Коннотация. Текст / Барт Р. «S/Z». Москва: Академический проект, 2009. С. 5–45.

Кузнецов С. О. Роль Сталина в организации конкурса на проектирование Дворца Советов (1931–1932 гг.) // *Architecture & Modern Information Technologies*. 2019. № 3 (48). С. 51–60. Электронный ресурс https://marhi.ru/AMIT/2019/3kvart19/PDF/04_kuznecov.pdf

Лазаревич Э. А. Искусство популяризации науки. Москва: Наука, 1978. 224 с.

Падучева Е. В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Языки славянской культуры, 2010. 480 с.

Падучева Е. В. Модальность, 2016. Электронный ресурс <http://rusgram.ru/%D0%9C%D0%BE%D0%B4%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C>

Сидорова М. Ю. Идеологически маркированный научно-популярный текст: лингвистические, стилистические и коммуникативные параметры // *Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология*. 2026. № 1. С. 5–19. <https://doi.org/10.5281/zenodo.18822748>

Соловьева Ю. О. Самопрезентация автора в тексте научно-популярной статьи правовой тематики (на материале статьи Н. Колоколова «Берегите карманы, сумки, чемоданы...») // *Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2022. № 3. С. 130–139.

Хомутова Т. Н., Петров С. Г. Научно-популярный текст: интегральная модель // *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика*. № 10 (2). 2013. С. 37–41.

Чернявская В. Е. Интерпретация научного текста: уч пособие. Изд. 4-е. Москва: ЛКИ, 2007. 128 с.

Список источников

Васькин А. А. Сталинские небоскребы: от Дворца Советов к высотным зданиям. Москва: Спутник+, 2009. 236 с.

Данилкин Л. Палаццо Мадамы: Воображаемый музей Ирины Антоновой. Москва: Альпина нон-фикшн, 2026. 584 с.

References

Bolsunovskaya L. M., Naydina D. S. Ways of expressing the author's position in scientific and popular scientific discourses. *Fundamentalnye Issledovaniya* = Fundamental Research, 2015, no. 2–15, pp. 3413–3416. (In Russian).

Bylkova S. V. Hedging in popular scientific texts: Motivation, semantic syntactic features, pragmatic functions. *Baltiyskiy Gumanitarnyy Zhurnal* = Baltic Humanitarian Journal, no. 7 (4 (25)), 2018, pp. 21–25. (In Russian).

Chernyavskaya V. E. Interpretation of scientific text: A textbook. 4th ed, Moscow, 2007. 128 p. (In Russian).

Grishechkina G. Yu. Popular scientific linguistic literature: Aspects of study within functional stylistics. *Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki* = Issues of Cognitive Linguistics, no. 4, 2010, pp. 130–136. (In Russian).

Issers O. S. Speech influence: A textbook for students majoring in Public Relations, Moscow, 2009. 224 p. (In Russian).

Khomutova T. N., Petrov S. G. Popular scientific text: An integral model. *Vestnik Yuzhno Uralskogo Gosudarstvennogo Universiteta* = South Ural State University Bulletin, ser. Linguistics, no. 10 (2), 2013, pp. 37–41. (In Russian).

Kosikov G. K. Roland Barthes as a semiologist and literary scholar. *Barthes R. Izbrannye raboty: Semiotika: Poetika* = Selected Works: Barthes R. Semiotics: Poetics, Moscow, 1989, pp. 6–48. (In Russian).

Kosikov G. K. Ideology. Connotation. Text. *Barthes R. S/Z* = Barthes R. S/Z, Moscow, 2009, pp. 5–45. (In Russian).

Kozhina M. N. Stylistics of the Russian language? Moscow, 2011. 462 p. (In Russian).

Kuznetsov S. O. Stalin's role in organizing the competition for the design of the Palace of Soviets (1931–1932). *Architecture and Modern Information Technologies*, no. 3 (48), 2019, pp. 51–60. (In Russian).

Lazarevich E. A. The art of popularizing science, Moscow, 1978, 224 p. (In Russian).

Paducheva E. V. Semantic studies: Semantics of time and aspect in the Russian language; Semantics of narrative, Moscow, 2010. 480 p. (In Russian).

Paducheva E. V. "Modality," 2016. Retrieved from: <http://rusgram.ru/%D0%9C%D0%BE%D0%B4%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C> (In Russian).

Sidorova M. Yu. Ideologically marked popular scientific text: Linguistic, stylistic, and communicative parameters. *Vestnik Donetskogo Natsionalnogo Universiteta* = Donetsk National University Bulletin, ser. D. Philology and

Psychology, 2026, no. 1, pp. 5–19. <https://doi.org/10.5281/zenodo.18822748> (In Russian).

Solovyova Yu. O. Self-presentation of the author in a popular scientific article on legal topics (based on N. Kolokolov's article "Protect your pockets, bags, and suitcases..."). *Vestnik Moskovskogo Universiteta* = Moscow University Bulletin, ser. 19, Linguistics and Intercultural Communication, 2022, no. 3, pp. 130–139. (In Russian).

Vargina E. I. Scientific text: The function of influence. Abstract of Doc. Philol. Diss. St. Petersburg, 2004. 31 pp. (In Russian).

Vorontsova T. A. Strategies and tactics of presenting specialized knowledge in popular scientific discourse. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* = Bulletin of Chelyabinsk State University, 2013, no. 37 (328), pp. 26–29. (In Russian).

Zinovieva O. A. Architectural decoration of Moscow as a reflection of Stalin's policy in the 1930s–1950s (visible image — hidden meaning). *Vestnik Moskovskogo Universiteta* = Moscow University Bulletin, ser. 19, Linguistics and Intercultural Communication, no. 4, 2005, pp. 112–126. (In Russian).

Zinovieva O. A. Inherited political technologies: Monumental propaganda in Stalin's Moscow. *Vestnik Rossijskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta* = Bulletin of the Russian State University for the Humanities, ser., Political Science. History. International Relations, no. 1 (44), 2010, pp. 9–23. (In Russian).

Zolotova G. A. Composition and grammar. *Yazyk kak tvorchestvo* = Language as Creativity: Collection of Articles for the 70th Anniversary of V.P. Grigoriev, Moscow, 1996, pp. 284–296. (In Russian).

Zolotova G. A., Onipenko N. K., Sidorova M. Yu. Communicative grammar of the Russian language, Moscow, 2004, 544 p. (In Russian).

List of Sources

Vas'kin A. A. Stalin's skyscrapers: From the Palace of Soviets to high-rise buildings, Moscow, 2009, 236 p. (In Russian).

Danilkin L. Madama's Palazzo: The Imaginary Museum of Irina Antonova, Moscow, 2026, 584 p. (In Russian).

ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСИЧЕСКОЙ СОЧЕТАЕМОСТИ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ С КОРНЕМ -ТЕАТР- В ГАЗЕТНОМ КОРПУСЕ

К.А. Ермолова

Ключевые слова: лексическая сочетаемость прилагательных, лексическая сочетаемость, лексическая сочетаемость прилагательного «театральный», лексическая сочетаемость прилагательного «театрализованный», полисемант

Keywords: lexical compatibility of adjectives, lexical compatibility, lexical compatibility of the adjective “theatrical”, lexical compatibility of the adjective “theatricalized”, polysemantic adjective

[https://doi.org/10.14258/filichel\(2026\)3-07](https://doi.org/10.14258/filichel(2026)3-07)

Введение
Проблема изучения лексической сочетаемости атрибутивных словосочетаний важна для понимания признаков, которые выражаются компонентами конкретного словообразовательного гнезда, в данном случае словообразовательного гнезда «Театр». Актуальность исследования обусловливается важностью соотнесения и понимания взаимовлияния структуры словосочетаний, их компонентного состава и значений компонентов, что отражает значимое для современной лингвистики понимание языка и номинации как сложного системного явления. Наблюдается недостаточное внимание к проблемам изучения лексической сочетаемости языковых единиц с корнем *-театр-* именно на материале газетных публикаций. Более того, акцент на том, как именно значения прилагательных «театральный» и «театрализованный» влияют на компонентный состав словосочетаний с их использованием, позволяет глубже понять особенности русской картины мира в контексте восприятия театрального искусства. Более того, на сегодняшний день в лингвистике значительное внимание уделяется проведению комплексного анализа языковых единиц, принимая во внимание их структуру (например, структура словосочетаний с учетом их компонентного состава) и выражаемое значение. Эта проблема успешно может быть решена при изучении особенностей лексической сочетаемости компонентов словосочетаний и их влияния на выражаемое значение.

Научная новизна работы состоит в том, что изучение сочетаемости лексем, непосредственно связанных с театром, театральным искусством, являющихся частью словообразовательного гнезда «Театр» в русском языке, отличается низкой степенью. Ранее в нашей статье «Сочетаемость прилагательных «театральный», «театрализованный»: структурные и семантические особенности (на материале Национального корпуса русского языка)» [Ермолова, 2025] была сделана попытка осмысления специфических особенностей лексической сочетаемости атрибутивных словосочетаний с компонентами «театральный» и «театрализованный», но полученные результаты требуют детализации и конкретизации. Проблематика лексической сочетаемости, атрибутивной сочетаемости рассматривается в научной литературе, но особенности их воплощения на материале словообразовательного гнезда «Театр» характеризуется недостаточностью внимания, несмотря на то что театр и театральное искусство важны для восприятия картины мира.

Цель исследования состоит в выявлении особенностей лексической сочетаемости прилагательных «театральный» и «театрализованный», принимая во внимание их значения в конкретных контекстах.

Задачи исследования включают в себя следующее:

- определить значения прилагательных «театральный» и «театрализованный»;
- охарактеризовать примеры использования словосочетаний с компонентами «театральный» и «театрализованный» с применением контекстуального метода анализа, выявить особенности сочетаемости указанных лексем.

Теоретическую базу работы составили исследования В. В. Виноградова, М. В. Воронец, И. А. Галлямовой, Н. А. Герасименко, И. М. Кобозевой, Н. З. Котеловой, В. В. Леденёвой, Т. В. Маркеловой, М. С. Миловой, В. В. Морковкина, Т. М. Фадеевой, А. С. Чупиной, Н. В. Юдиной.

Первостепенное значение для реализации лексической сочетаемости имеет семантическая структура слова. Как указывает В. В. Виноградов, «в языковой системе смысловая сущность слова не исчерпывается свойственными ему значениями. Слово по большей части заключает в себе указания на смежные ряды слов и значений. Оно насыщено отражениями других звеньев языковой системы, выражая отношение к другим словам, соотносительным или связанным с его значениями» [Виноградов, 1977, с. 165]. Семантика слова, наряду с его прагматическим и функциональным потенциалом, обуславливает специфику сочетаемости и механизмы ее ограничения в речи. Смысловая структура лек-

семь непосредственно влияет на лексическую валентность, выполняя комплементарную функцию [Чупина, 2024]. Как указывает И. М. Кобозева, процесс комбинирования языковых единиц обусловлен их внутренней смысловой структурой, которая и задает вектор для реализации лексической сочетаемости, в то время как «сочетаемость слова А — это информация о требованиях, которые предъявляет слово А к слову В, синтаксически связанному со словом А» [Кобозева, 2014, с. 146]. Н. З. Котелова отмечает, что сам феномен лексической сочетаемости, само это свойство лексических единиц показывает, что язык имеет системную природу. В основе сочетаемости при построении словосочетаний также лежат и свойственные языку синтаксические нормы, которые влияют на принципы создания словосочетаний [Котелова, 2021, с. 35]. В. В. Морковкин при этом подчеркивает, что при изучении потенциала лексической сочетаемости языковых единиц принимается во внимание и валентность как содержательно-синтаксический критерий, влияющий на формирование словосочетаний с той или иной лексемой [Морковкин, 1977, с. 66].

Вслед за Н. В. Юдиной для целей настоящего исследования лексическая сочетаемость трактуется как базовая лингвистическая категория, отражающая избирательность слов при их синтагматическом взаимодействии в структуре высказывания: «конкретная реализация данной способности слова, которая обнаруживает себя в дискурсивном употреблении и может быть выявлена и изучена на основе анализа конкретного языкового материала» [Юдина, 2006, с. 12]. Теоретическая важность указанного определения обусловлена тем, что оно позиционирует языковую единицу как центральный объект филологического осмысления, неразрывно связанный с лексико-семантической системой в целом. При этом актуализация лексической сочетаемости лексемы находится в прямой зависимости от ее семантики и функционально-стилистической маркированности.

Изучение лексической сочетаемости как лингвистической проблемы связано с тем, что учитываются и фиксируются реалии лексической системы языка, выражаемые в наличии потенциала у лексем создавать словосочетания с одними лексемами и не формировать словосочетания с другими, в том числе и в рамках общей синтаксической модели [Милованова, 2011, с. 4]. В. В. Леденева указывает на то, что язык обладает значительным потенциалом в обеспечении достижения прагматических целей высказывания с учетом позиции автора, его мнения, оценки ситуации, отношения к происходящим событиям: «Язык чутко реагирует созданием новых лексических единиц, развитием семантиче-

ской структуры слов, в том числе за счет оценочных значений, формированием неоднословных номинаций, устраняющих лакуны лексико-семантической системы» [Леденёва, 2012, с. 12]. Неоднословные номинации представляют собой словосочетания, изучение лексической сочетаемости и семантики которых отражает особенности построения словосочетаний в языке.

Согласно концепции М. В. Воронец, привлечение ресурсов корпусной лингвистики открывает широкие перспективы для описания и наглядного представления сочетаемостных свойств лексем. Инструменты компьютерно-текстового анализа оптимизируют процесс верификации имеющихся в языке моделей и обнаружения скрытых синтагматических закономерностей при построении словосочетаний. Корпусная методология позволяет наглядно показать специфику укорененных в языковой системе типов словосочетаний с конкретными выбираемыми для проведения исследования лексемами и определить спектр средств их выражения в рассматриваемых контекстах [Воронец, 2022].

Выражаемые словосочетаниями значения также соотносятся и с совокупностью семантических черт компонентов, в них входящих, что наиболее ярко проявляется в тех случаях, когда в них входят лексемы-полисеманты (таковым, например, является прилагательное «театральный»). Прослеживается идея о том, что значение компонентов обуславливает особенности значений словосочетаний и лексической сочетаемости их компонентов, влияя на валентность лексических единиц [Герасименко, 1999, с. 16]. С точки зрения Т. В. Маркеловой, при изучении особенностей лексической сочетаемости учитывается и коммуникативный контекст. Контекст как таковой важен в первую очередь для интерпретации значений полисемичных компонентов, входящих в состав словосочетаний, формирующих их значение, принимая во внимание особенности лексико-семантических полей, к которым интерпретируемые компоненты словосочетаний относятся [Маркелова, 2013, с. 11].

Атрибутивные словосочетания характеризуются следующими особенностями: состоят из прилагательного или причастия и существительного. Основной объем значения словосочетаний этой категории выражается атрибутивным компонентом, что указывает на важность интерпретации значения лексемы, принимая во внимание контекст, факт наличия полисемии. Атрибутив при этом является инструментом выражения дифференцирующе-идентифицирующих признаков феномена, обозначаемого посредством атрибутивного словосочетания [Галлямова, 2017, с. 115]. Более того, как подчеркивает Т. М. Фадеева, широко

ко распространены случаи использования атрибутивов в составе словосочетаний как инструмента выражения субъективной оценки, эмоций, прагматических целей автора текста, что отражает функциональные особенности атрибутивных словосочетаний в лексической системе языка и конкретных коммуникативных ситуациях [Фадеева, 2017, с. 301].

Практическая значимость работы обусловлена тем, что в исследовании подчеркивается влияние значения прилагательного на его лексическую сочетаемость: этот аспект важен для преподавания дисциплин «Лингвистика русского языка», «Лексикология русского языка».

Материал и методы исследования

Материалом исследования является газетный корпус Национального корпуса русского языка (далее — НКРЯ), всего было рассмотрено 150 языковых единиц — словосочетаний с компонентами «театрализовать» и «театрализоваться».

Методы исследования включают в себя структурный анализ словосочетаний с компонентами «театральный» и «театрализованный», метод контекстуального и семантического анализа для определения значений указанных прилагательных, метод корпусного анализа.

Методика и этапы исследования:

- обращение к инструментам НКРЯ с целью формирования корпуса примеров с использованием прилагательных «театральный» и «театрализованный»;
- определение значений словосочетаний, принимая во внимание контекст;
- группирование примеров по значениям;
- определение связей между семантикой, контекстами, прагматикой, моделями и компонентами словосочетаний с прилагательными «театральный» и «театрализованный», принимая во внимание их полисемию.

Результаты исследования

В первую очередь следует охарактеризовать более подробно значения прилагательных «театральный» и «театрализованный».

Согласно материалам МАС, прилагательное «театральный» имеет следующие значения:

- 1) 'связанный с театром, с деятельностью театра';
- 2) 'предназначенный для театра, сцены';

3) 'предназначенный для подготовки работников театра, актеров;
4) 'сложившийся в театре, относящийся к числу условных приемов, принятых в театре';

5) 'наигранный, не совсем естественный, аффектированный (переносное значение)' [МАС, 2026]. Тем самым прилагательное «театральный» является полисемантом, так как в системе его значений присутствует переносное значение, связанное с метафорическим осмыслением театральности и ее проявлений в поведении человека.

Необходимо рассмотреть особенности лексической сочетаемости этого прилагательного на основании газетного корпуса НКРЯ [Национальный корпус русского языка, 2026]. С точки зрения синтаксиса все приведенные словосочетания сформированы по структуре «прилагательное + существительное».

В таблице 1 представлены примеры словосочетаний с компонентом «театральный» с учетом их значений.

Таблица 1

**Семантико-функциональный анализ словосочетаний
с компонентом «театральный» в современном русском языке**

Значение	Примеры словосочетаний	Контексты
'Связанный с театром'	<i>Театральное училище, театральный деятель, театральный критик, театральный режиссер, театральная премия, театральный союз, театральный актер, театральная мастерская и др.</i>	Окончила Театральное училище им. Щукина (Скончалась актриса Валентина Малявина // Парламентская газета, 2021.11.10). «Мы этот вопрос обсуждали с председателем союза театральных деятелей Александром Калягиным», — говорил он (Театрам разрешили сдавать помещения в аренду без аукциона // Парламентская газета, 2021.06.11). Затем их переименовали в « Театральные мастерские при Государственном академическом Малом театре» (День 28 декабря в истории // Парламентская газета, 2020.12.28)

Значение	Примеры словосочетаний	Контексты
'Отвечающий требованиям театрального искусства'	<i>Театральная постановка, театральное искусство, театральный фестиваль, театральный спектакль, театральное представление, театральная премьера, театральная пьеса и др.</i>	Ежегодно Москва показывает сотни новых театральных премьер , концертов, кинопоказов («Абсолютно волонтеристская заливчатая история» // Коммерсант, 23.06.2020). Актеры неоднократно принимали участие в знаменитом Авиньонском театральном фестивале и Чеховском фестивале в Москве (Зеркало // Коммерсант, 29.06.2020). С 2002 г. Гаркалин преподавал в Российском институте театрального искусства — ГИТИС (Умер актер Валерий Гаркалин // Ведомости, 2021.11.20)
'Предназначенный для театра'	<i>Театральная сцена, театральный занавес, театральные подмостки, театральные декорации, театральная афиша и др.</i>	На театральную сцену впервые попал в 16 лет, когда устроился мимистом в Мариинский театр (Кто родился 27 июля // Парламентская газета, 2021.07.27). Имя Юна Фоссе в России не слишком известно: на наших театральных подмостках его пьеса появлялась лишь однажды — в Санкт-Петербурге (В Москве впервые поставили пьесу Юна Фоссе // Известия, 20.09.2017). Он весь, как театральная декорация , особенно в белые ночи (От Петербурга до самых до окраин: как пройдет Театральная олимпиада // Известия, 17.05.2019)
'Наигранный, показной'	<i>Театральный эффект, театральный жест и др.</i>	Возникает вопрос, к чему такие страсти и такие театральные эффекты (МВФ, папа и ФИФА // Известия, 03.06.2015). В условиях истощения резервов многие привычные театральные жесты власти начинают восприниматься как слишком широкие и дорогостоящие (Нарциссы и нефть // Ведомости, 2020.04.20)

Кроме того, при изучении особенностей словосочетаний с компонентом «театральный» были выявлены следующие закономерности.

Анализ смысловых и прагматических особенностей словосочетаний с компонентом-прилагательным «театральный» показывает, что словосочетания *театральное искусство*, *театральное творчество* сочетаются с такими категориями частей речи, как причастие, прилагательное, существительное, которые в конкретных контекстах употребления являются средством выражения положительных эмоций, оценок, коннотаций. Речь идет о применении таких контекстуально-обусловленных компонентов, как *классика*, *традиционный*, *оригинальный*, *самобытный*, *яркий*, *интересный* и т. д. Делается акцент на трансформационном гармонизирующем потенциале театра для отдельного человека и всего общества.

Например:

*На сцене театра состоялись первые постановки многих драматических произведений, ставших **классикой российского театрального искусства*** (День 30 августа в истории // Парламентская газета, 2021.08.30). *Президент отметил, что Борис Клюев принадлежал к «блистательной плеяде актеров — хранителей **легендарных традиций отечественного театрального искусства** и кинематографа»* (Путин выразил соболезнования в связи со смертью актера Бориса Клюева // Ведомости, 2020.09.02). *Премия присуждается театрам, а также творческим работникам за заслуги в развитии **профессионального театрального искусства*** (День 31 декабря в истории // Парламентская газета, 2019.12.31). *Одна из **вершин ее театрального творчества** — Катерина Измайлова в «Леди Макбет Мценского уезда»* (Умерла Наталья Гундарева // Vesti.ru, 15.05.2005).

Словосочетания *театральное искусство* и *театральное творчество* сочетаются с лексемами *живой*, *жизненный*, *существующий*, *жизнь*, *развитие*, что отражает восприятие театра как живого и постоянно развивающегося организма.

Например: *В 1929 г. перед зданием театра установили памятник этому драматургу, творчество которого стало важнейшим этапом в развитии русского национального **театрального искусства*** (Почему у Малого театра установили памятник Островскому // Парламентская газета, 2021.10.26). *Психологический театр Станиславского становится главным открытием во всей истории **театрального искусства**, это самый влиятельный метод в мире и по сей день — как и кинематографический метод Эйзенштейна* (Креативная индустрия вместо культуры // Ведомости, 2020.09.21). — *Мастро*, рассказывая о постановках Большого театра на нашем сайте, мы часто сталкиваемся с непониманием чита-

телями современного **театрального искусства** (Современный театр — это провокация, порождающая много мнений // lenta.ru, 10.04.2019).

Наличие в языке подобных примеров свидетельствует о взаимосвязи двух метафорических значений лексемы «театр»: театр как процесс (театр — модель реальной жизни, имеющей циклический характер и состоящей из рождения, развития, смерти) и театр как результат (продукт творческой деятельности человека), что выражается в том числе и в семантике словосочетаний, в состав которых входит прилагательное «театральный».

Кроме того, было выявлено, что прилагательное «театральный» является полисемантом. В переносном значении оно интерпретируется как средство выражения критики, негативной оценки описываемых действий и ситуаций, которые интерпретируются как фальшивые и наигранные, показные.

Например, в предложении *Когда ты последовательно излагаешь свои аргументы, спокойно, без **театральных эффектов**, то тебе верят, к тебе прислушиваются* (Sony будет меньше тратить на чипы // Ведомости, 2007.02.16), как следует из контекстуального анализа, словосочетание «театральный эффект» обозначает нарочито привлекающее внимание действие: прослеживается смысловое противопоставление понятий, выраженных лексемами «спокойно» и «театральный эффект». В предложении *Это красивый жест, и у питерцев достаточный отрыв от конкурентов, чтобы позволять себе подобные **театральные жесты*** (Дина Беляева. «Зенит» отложил чемпионство // РБК Daily, 23.04.2012) словосочетание «театральный жест» применяется для обозначения показных действий футбольной команды, направленных на привлечение внимания публики и прессы.

В свою очередь, прилагательное «театрализованный» имеет следующие значения:

1) переработанный для исполнения в театре, на сцене;

2) содержащий элементы драматического действия [МАС, 2026].

Иначе говоря, прилагательное «театрализованный» не имеет переносных значений, но при этом является полисемантом, оно применяется для обозначения событий, процессов, которые характеризуются театрализованностью, отражая восприятие феномена театрализованности в русской картине мира.

Следует обратиться к примерам словосочетаний с прилагательным «театрализованный» в НКРЯ (НКРЯ, 2026). С точки зрения синтаксиса все приведенные словосочетания сформированы по структуре «прилагательное + существительное».

В таблице 2 представлены примеры словосочетаний с компонентом «театрализованный» с учетом их значений.

Таблица 2

**Примеры словосочетаний с компонентом «театрализованный»
и их семантическая характеристика**

Значение	Примеры словосочетаний	Контексты
‘Переработанный для исполнения в театре, на сцене’	<i>Театрализованное представление, театрализованная мистерия, театрализованный мотив, театрализованный танец, театрализованный спектакль, театрализованное представление, театрализованное действие и др.</i>	В Мурманской области теперь разрешается проводить театрализованные представления на открытом воздухе (В Мурманской области разрешили уличные театры // Vesti.ru, 25.12.2020). С полудня и до полуночи их посетители станут участниками театрализованных действ и интерактивных представлений (Москва готовится к «Ночи искусств» // Vesti.ru, 03.11.2013). Театр эльфов будет ежедневно проводить на территории сказочного городка театрализованную постановку «Корпорация Нового года» (Куда сходить на новогодние праздники // Парламентская газета, 2018.12.30)
‘Содержащий элементы драматического действия’	<i>Театрализованное шествие, театрализованное шоу, театрализованная экскурсия, театрализованное гуляние, театрализованный карнавал, театрализованный парад, театрализованный концерт, театрализованная реконструкция и др.</i>	Затем торжественным маршем перед собравшимися прошла сводная рота и оркестр почетного караула военной комендатуры вооруженных сил страны, и состоялось праздничное театрализованное шествие (Тысячи белорусов приняли участие в праздновании Дня Победы // РИА Новости, 09.05.2017). В ее рамках пройдут театрализованные экскурсии , постановки и мастер-классы (Донская столица присоединится к акции «Ночь искусств» // Vesti.ru, 02.11.2016). Уникальной частью программы станет двухдневный театрализованный карнавал , костюмы к которому готовит театральный художник Венера Казарова (Опубликована программа празднования Дня города в Москве // Известия, 30.08.2019)

Необходимо рассмотреть контексты употребления словосочетаний с компонентом *театрализованный*.

Например, в значении «переработанный для исполнения в театре, на сцене» рассматриваемое прилагательное употребляется в следующем примере: *С полудня и до полуночи их посетители станут участниками театрализованных действий и интерактивных представлений* (Москва готовится к «Ночи искусств» // Vesti.ru, 03.11.2013), где, как следует из контекстуального анализа, словосочетание «театрализованное действие» обозначает зрелищное мероприятие или представление, организованное по законам театрального искусства для вовлечения публики.

В свою очередь, в значении «содержащий элементы драматического действия» данное прилагательное употребляется, например, в следующем контексте: *Уникальной частью программы станет двухдневный театрализованный карнавал, костюмы к которому готовит театральный художник Венера Казарова* (Опубликована программа празднования Дня города в Москве // Известия, 30.08.2019). Здесь словосочетание «театрализованный карнавал» обозначает массовое праздничное шествие или костюмированное представление, организованное с использованием приемов сценического искусства и драматургии.

В основе семантики словосочетаний с компонентом *театрализованный* лежит идея театрализации, т. е. приспособления того или иного феномена, процесса, ситуации, действия, события под требования театра, что обозначается понятием «театрализация». В значении прилагательного *театрализованный* как «переработанный для исполнения в театре, на сцене» подразумевается использование в составе словосочетаний компонентов, которые уже связаны так или иначе с постановками, культурой: *действие, мистерия, танец, постановка, представление* и т. д. В значении прилагательного *театрализованный* как «содержащий элементы драматического действия» подразумевается использование в составе словосочетаний лексем, которые связаны с феноменами, не относящимися к классической культуре, например, *реконструкция, экскурсия, гуляние, шествие, карнавал* и т. д.

Заключение

Итак, цель исследования достигнута, поскольку были определены особенности лексической сочетаемости «театральный» и «театрализованный» в выявленных при анализе НКРЯ контекстах.

Решение первой задачи позволило установить: наличие полисемии в значении прилагательного «театральный» является полисемантом, что влияет на выражаемую им совокупность смыслов, а также отража-

ет восприятие театральности как образа притворного, неискреннего и нарочито показного действия. В свою очередь, семантический анализ лексемы «театрализованный» указывает на то, что он связан с понятием театрализации и также является полисемантом.

Решение второй задачи показало, что по своему содержанию словосочетания с прилагательным «театральный» в своем прямом значении связаны с театральной сферой в ее широкой трактовке. Словосочетания с прилагательным «театральный» в переносном значении являются средством выражения оценки, характеристики ситуации, как правило, с выражением негативных коннотаций. Анализ значений особенностей словосочетаний с компонентом «театрализованный» показал, что они применяются для характеристики объектов, которые подверглись театрализации, т.е. применению методов театрализации к иным феноменам, с театром изначально не связанным.

Дальнейшие перспективы исследования связаны с рассмотрением лексической сочетаемости прочих типов лексем с корнем *-театр-*, принимая во внимание значения компонентов из ЛСП «Театр».

Библиографический список

Виноградов В. В. Лексикология и лексикография: Избранные труды. Москва: Наука, 1977. 310 с.

Воронец М. В. Проблема изучения лексической сочетаемости в аспекте корпусной лингвистики // Современный ученый. 2022. № 5. С. 59–66. Электронный ресурс <https://elibrary.ru/nxmnig>

Галлямова И. А. Атрибутивное словосочетание в предложении как выразитель вторичной предикативности // Вопросы науки и образования. 2017. № 6 (7). С. 113–116. EDN: YRVTMB.

Герасименко Н. А. Бисубстантивные предложения в современном русском языке: структура, семантика, функционирование : автореф. дис. ... д-ра филол. н. Москва, 1999. 39 с.

Ермолова К. А. Сочетаемость прилагательных «театральный», «театрализованный»: структурные и семантические особенности (на материале Национального корпуса русского языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2025. Т. 18. № 7. С. 2914–2920. Электронный ресурс <https://elibrary.ru/dhxqbk>

Кобозева И. М. Лингвистическая семантика. Москва: ЛЕНАНД, 2014. 349 с.

Котелова Н. З. Избранные работы. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2021. 275 с.

Леденёва В. В. О лексике современных коммуникативных сфер: семантический портрет слова телевидизация // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2012. № 6. С. 12–16. Электронный ресурс <https://elibrary.ru/item.asp?id=18650697>

Маркелова Т. В. Прагматика и семантика средств выражения оценки в русском языке. Москва: Московский гос. ун-т печати им. Ивана Федорова, 2013. 297 с.

МАС–Словарь русского языка: в 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; под ред. А. П. Евгеньевой. Москва: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. Электронный ресурс <http://feb-web.ru/feb/mas/>

Милованова М. С. Семантика противительности и средства ее выражения в русском языке: дис. ... докт. филол. наук. Москва, 2011. 418 с.

Морковкин В. В. Опыт идеографического описания лексики. Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1977. 166 с.

Фадеева Т. М. Специфика эпитетов, определяющих объект улыбка в художественном тексте // Русский язык в славянской межкультурной коммуникации. Москва: Московский государственный областной университет, 2017. С. 299–302. Электронный ресурс <https://elibrary.ru/yltgbx>

Чупина А. С. Особенности лексической сочетаемости слов в современной речевой практике // Социум. Наука. Образование. Иваново, 2024. С. 241–243. Электронный ресурс <https://elibrary.ru/jfwgew>

Юдина Н. В. Лексическая сочетаемость в когнитивном аспекте (на материале конструкции «прилагательное + существительное») : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Москва, 2006. 40 с.

Источник

НКРЯ — Национальный корпус русского языка. Электронный ресурс <https://ruscorpora.ru/>.

References

Chupina A. S. Features of lexical combinability of words in modern speech practice. *Sotsium. Nauka. Obrazovanie* = Society, Science. Education, 2024, pp. 241–243. Retrieved from: <https://elibrary.ru/jfwgew> (In Russian).

Ermolova K. A. Combinability of adjectives "theatrical", "theatricalized": structural and semantic features (based on the Russian National Corpus). *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* = Philology. Theory&Practice, 2025, vol. 18, no. 7, pp. 2914–2920. Retrieved from: <https://elibrary.ru/dhxqbk> (In Russian).

Fadeeva T. M. Specificity of epithets defining the object "smile" in a literary text. *Russkiy yazyk v slavyanskoy mezhkulturnoy kommunikatsii* = Russian Language in Slavic Intercultural Communication, 2017, pp. 299–302. Retrieved from: <https://elibrary.ru/yltgbx> (In Russian).

Gallyamova I. A. Attributive phrase in a sentence as an expression of secondary predicativity. *Voprosy nauki i obrazovaniya* = Issues of Science and Education, 2017, no. 6(7), pp. 113–116. EDN: YRVTMB. (In Russian).

Gerasimenko N. A. Bisubstantive sentences in the modern Russian language: structure, semantics, functioning. Abstract of Doc. Philol. Diss., 1999, 39 p. (In Russian).

Kobozeva I. M. Linguistic semantics, Moscow, 2014, 349 p. (In Russian).

Kotelova N. Z. Selected works, St. Petersburg, 2021, 275 p. (In Russian).

Ledeneva V. V. On the vocabulary of modern communicative spheres: a semantic portrait of the word "televizatsiya" (television). *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta* = Bulletin of the Moscow State Regional University, ser. Russian Philology, 2012, no. 6, pp. 12–16. Retrieved from: <https://elibrary.ru/psdlwz> (In Russian).

Markelova T. V. Pragmatics and semantics of evaluation expressions in the Russian language, Moscow, 2013, 297 p. (In Russian).

Dictionary of the Russian language: in 4 vols., ed. by A. P. Evgenyeva, Moscow, 1999. Retrieved from: <http://feb-web.ru/feb/mas/>. (In Russian).

Milovanova M. S. Semantics of adversativeness and means of its expression in the Russian language. Abstract of Doc. Philol. Diss., Moscow, 2011, 418 p. (In Russian).

Morkovkin V. V. Experience in ideographic description of vocabulary, Moscow, 1977, 166 p. (In Russian).

Vinogradov V. V. Lexicology and lexicography: Selected Works, Moscow, 1977, 310 p. (In Russian).

Voronets M. V. The problem of studying lexical combinability in the aspect of corpus linguistics. *Sovremennyy uchenyy* = Modern Scientist, 2022, no. 5, pp. 59–66. Retrieved from: <https://elibrary.ru/nxmng> (In Russian).

Yudina N. V. Lexical combinability in the cognitive aspect (based on the "adjective + noun" construction). Abstract of Doc. Philol. Diss., Moscow, 2006, 40 p. (In Russian).

Source

Russian National Corpus. Retrieved from: <https://ruscorpora.ru> (In Russian).

РОДСТВО, СЕМЬЯ И СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В РУССКОЙ ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКЕ ПЕРМСКОГО КРАЯ

Ю.В. Зверева

Ключевые слова: родство, семья, пермские говоры, этнолингвистика, семантико-мотивационный анализ, метафора

Keywords: kinship, family, Russian dialects of the Perm region, ethnolinguistics semantical and motivational analysis, metaphor

[https://doi.org/10.14258/filichel\(2026\)3–08](https://doi.org/10.14258/filichel(2026)3–08)

Введение
В русских говорах отмечено большое число слов, называющих разные виды родственных отношений: кровное, свойственное, духовное. В программе собирания сведений для «Лексического атласа русских народных говоров» представлен большой раздел «Семья; семейные отношения» (Программа, 1994). С. М. Толстая в работе «Категория родства в этнолингвистической перспективе» пишет о том, что лексика и терминология родства в славянских языках принадлежат к древнейшему общеславянскому фонду и демонстрируют не только сложность и разветвленность традиционной системы родственных связей, но и характерные для славян способы их осмысления [Толстая, 2009, с. 9]. Кроме того, как отмечают многие исследователи, эта лексико-семантическая группа в русском языке является основой для возникновения новых значений, относящихся к различным сферам человеческой жизни и материальному миру [Березович, 2009; Качинская, 2018].

Тематическая группа «Семья» на материале разных славянских языков рассматривалась в работах таких лингвистов, как Ф. П. Филин [Филин, 1948], О. Н. Трубачев [Трубачев, 1957]; русские термины родства, супружества и свойства описаны в монографии А. А. Бурыкина и В. А. Попова [Бурыкин, Попов, 2020]. Существует также большое количество исследований, выполненных на материале диалектов русского языка, среди последних — ряд работ И. Б. Качинской о терминах родства в архангельских говорах [Качинская, 2018; 2023]. На материале пермских говоров лексика родства рассматривалась в работе К. А. Федоровой [Федорова, 1964], номинации людей по отношению к браку в нашей статье [Зверева, 2013].

Методы и материалы исследования

Слова *семья* и *родственники* нередко используются как синонимы. В «Большом академическом словаре русского языка» *семья* определяется как «группа близких, кровных родственников (муж, жена, родители, дети и т.п.), живущих вместе» (БАС. Т. 25. С. 340), т.е. одно понятие толкуется через другое. В данной работе рассматриваются диалектные языковые единицы, которые имеют общее значение 'родственники', а также обозначения и характеристики семьи, семейного положения человека. Материалом исследования стали лексемы, фразеологизмы и паремии, извлеченные из существующих словарей пермских говоров, а также из картотеки «Словаря русских говоров севера Пермского края». В своей работе мы опирались на этнолингвистический подход, представители которого считают своей главной задачей «рассмотрение соотношения и связи языка и духовной культуры, языка и народного менталитета, языка и народного творчества, их взаимозависимости и разных видов их корреспонденции» [Толстой, 1995, с. 27]. Метод семантико-мотивационного анализа, предложенный в статье Е. Л. Березович, М. Э. Рут [Березович, Рут, 2000, с. 33], позволяет сделать выводы об этнокультурном содержании внутренней формы языковых единиц путем нахождения мотивационного признака, положенного в основу номинации.

Результаты исследования

1. Общие номинации родственников / неродных людей

Как отмечает И.Б. Качинская, «инвентарь терминов любой лексико-семантической группы в говорах гораздо богаче, чем в литературном языке, прежде всего за счет словообразовательной, но также и семантической деривации» [Качинская, 2016, с. 5]. Так, лексика пермских говоров, обозначающая кровное родство, включает большое количество синонимов с корнем *род-*, используемых для собирательного обозначения родственников: *порóда*: *На Саину **порóду** похожа* (Грудная Караг.) (СПГ. Вып. 2. С. 177); *прирóда*: *Наша **природа** вся жила тут, рядом, да потом разлетелись кто куда* (Соколово Вер.); *Природа большая была, да примерли все* (Юго-Камский Перм.; СПГ. Вып. 2. С. 214); *при́родня*: *Он мне ешо **природня** — сестрин сын* (Камгорт Черд.; КСРГ-СПК); *прирòдство*: *У кого **природство** поменьше, дак и гуляют меньше [на свадьбе]* (Пянтег Черд.; КСРГСПК); *прирòдь*: *Она мне своей приходится, **природь** моя* (Оськино Сол.; СПГ. Вып. 2. С. 214); *род-племéнь*:

У меня **род-племень** был мал, никто уж не остались (Таволожанка Юрл.; СРГКПО. С. 211); **рѳдненьки**: Сюда приехала. **Родненьки** приехали. Никого не стало (Соколово Вер; СПГ. Вып. 2. С. 296); **родня**: Роды, ну **родня**, родные ишо (Редикор Черд.; КСРГСПК); **родбвѳ**: От Ваниной **родовы**-то никого не осталось, сирота он (Брехово Сукс.); **Родова**-то теперь в Перми живѳт (Курашим Перм.; СПГ. Вып. 2. С. 296); **родствѳ**: **Родство** перед домом встречали их с сундуками, постелями. С ласковым приглашением встречали (Большой Букур Чайк.; СПГ. Вып. 2. С. 296); **рѳды**: **Роды** у его в той стороне; большие роды-то у нас (Жуланова Сол.); **Стара** я, из **родов**-от я одна осталася, все уж родные примерли, я последняя (Зуева Сол.; СПГ. Вып. 2. С. 296). Единичные обозначения родственников по крови также чаще всего включают корень *род-*: **прирѳдник**: **Природники** — дак это свои. У меня уж никого нет, сродственники все умерли. Природник — родственник по отцу, по матери, мои дети тоже природники (Сыпучи Краснов; КСРГСПК); **рѳдич**: **Родичи** у неё все померли. Сиротинушкой осталася (Верхнечусовские Городки Чус.; СПГ. Вып. 2. С. 295); **срѳдник**: Там у меня **сродники** жили, семья моя (Медведево Киш; СРГЮП. Вып. 3. С. 168); **срѳдственник**: Иванов день, Успенѳ в июле, Савватеев день в октябре — всѳ праздновали, не работали, **сродственники** приезжали на конях в гости. В Торговицах, например, **сродственники** есть — туда едут (Филипповка Сукс.; СРГЮП. Вып. 3. С. 169). С.М. Толстая отмечает, что общее обозначение понятия родства с помощью корня *род-* известно всем славянским языкам и связано с семантикой роста [Толстая, 2009, с. 10], во всех русских говорах существуют однокоренные лексемы со значением 'родня, родственники, семья'.

Довольно часто в пермских говорах для наименования родственников используется лексема с корнем *семеѳ-*: **односемеѳец**: Она нам своя, **односемеѳчи** мы, два братана — мой-от муж и ее муж — братаны, отцы-те у них вместе жили (Пянтег Черд.; КСРГСПК); **семеѳец**: Муж хворал, его в больницу положили, а **семеѳцы**-то мои не сказали, чем он хворал (Вильва Сол.; СПГ. Вып. 2. С. 329); **семеѳйник**: Я всех своих **семеѳников** люблю (Тими́на Юрл.; СРГКПО. С. 219); **семеѳйщик**: **Семеѳицики** — родственники (Тиунова Гайн.; КСРГСПК). Реже всего отмечаются слова с корнем *кров-*: **крѳвник**: **Кровники**, свои все по крови (Покча Черд.); Свой уж он, **крѳвник**-то, не чужой (Покча Черд.; КСРГСПК).

Обычно члены одной семьи, родственники жили вместе или недалеко друг от друга, поэтому у слов, обозначающих какое-либо место, пространство, в результате метонимического переноса может появляться значение 'группа близких родственников, живущих вместе; семья': дом: **Весь дом**, все работают (Акчим Краснов.) (КАС); **жи́тель-**

ство: Я вот сюда переехал. Вся наша семья, всё **жительство** и разошлось; наверху-то двое осталось (Осокино Сол.; СПГ. Вып. 1. С. 262); околóток: Весь наш **околóток** из Тесяка — и мать, и отец (Тесяк Окт.; СРГЮП. Вып. 2. С. 231). Отмеченное в пермских говорах слово **однодо́мец** относится не столько к живущим / жившим в одном доме, сколько к близким родственникам: Если одной матери да отца живут, а потом разошлись, так **однодомцы** (Камгорт Черд.); Здесь бы живёт брат, **однодомцы** в одном доме живут (Покча Черд.; КСРГСПК). О таком со вмещении предметного и семейного кода в словах *дом, двор, изба* пишет и И.Б. Качинская [Качинская, 2018, с. 99].

В роли терминов родства могут употребляться также притяжательные местоимения *мой (мои́шний)* и *свой (сво́йский)*: Баска девка. В маму сошла. Или на бабушку? А **мои** в отца сошли (Жигали Вер.; СПГ. Вып. 2. С. 551); **Мои́шных**-то звали на войну [о членах семьи] (Редикор Черд.; КСРГСПК); Ну, сродники — родня, **свои**, сродники они (Камгорт Черд.; КСРГСПК); **Свои**-то друг на друга ига уж не несут: **своя** кровь-то (Ощепково Ус.; СПГ. Вып. 1, с. 593]; У нас там **сво́йский** был, всё приезжал (Осинцево Сукс.; СРГЮП. Вып. 3. С. 88). Если субстантиваты с корнем *мой-* обычно обозначают самых близких родственников, то слова с корнем *свой-* могут относиться также к дальним и некровным родственникам. Так, отмеченная в пермских говорах лексема *при́сво́й* имеет значение ‘дальний родственник’: *Председатель мне присво́й — сват* (Тетерино Сол.); *Присво́й* далёка уж родня, но его тожé признают как за родню, пировать ли чё, дак звали (Берёзовка Ус.; СПГ. Вып. 2. С. 215). Кроме того, единицы с корнем *свой-* используются для обозначения приемного родства: *взять взасво́й, присво́ить* ‘удочерить’: Они **взяли взасво́й** ребеночка, кормили, поили, одедали как родного (Свало-ва Сол.); Чужие люди, а **присвоили** меня, приголубили (Ножовка Част.; СПГ. Вып. 2. С. 215); *при́сво́я* ‘приемная дочь’: Доцерь у меня есь, по матери я ей неродная, она мне **присво́я**, вроде падчерица (Мысагорт Черд.; КСРГСПК).

Во многих случаях слова с корнями *род-* и *свой-* выступают как синонимы, так, устойчивые сочетания *быть по-сво́йски* и *быть по роднё* имеют одно значение — ‘находиться в родстве’: Мы ещё маленько с Верой **по-сво́йски были**, моя бабушка да её дед брат и сестра были (Покровка Бер.; СРГЮП. Вып. 1. С. 90); **По-сво́йски** они **были**, она ему сноха была (Воскресенск Караг.; СПГ. Вып. 2. С. 180); Поп маленько **по родне был** моему мужу, дядя, убили его (Покровка Бер.; СРГЮП. Вып. 1. С. 90). Во фразеологизме *ни сво́ёго ни родно́го* ‘нет никаких родственников’: *Худо живу, нет не сво́ёго не родного* (Толстик Сол.; ФССПГ. С. 320) — с по-

мощью двойного отрицания перед близкими по значению словами подчеркивается отсутствие семейных связей.

На кровное родство также указывают определения *крóвный*, *роднóй* (*рóдный*), *родíмый*, *кореннóй*: **Кровные** — *это брат да сестра, да мати* (Покча Черд.); *Своему родному дитёнку не могла уноровить* (Пянтег Черд.; КСРГСПК); *В том доме жила мамочка родимая* (Платошино Перм.; СПГ. Вып. 2. С. 294); *Витя-то не коренной мне внучек, сын-от с ребенком уж взял Валу* (Таман Ус.; СПГ. Вып. 1. С. 417). Кроме того, прилагательное *мíлый* в сочетании со словом *ребенок* также может указывать на кровное родство: *Цетыре дощери, цетыре дитёнка милых* (Камгорт Черд.; КСРГСПК); *Милого ребёнка громом убило, а немилый, взятый, остался, вот ведь как* (Тюинск Окт.; СРГЮП. Вып. 2. С. 88).

Для обозначения людей, не связанных кровным родством, обычно использовали лексемы *чужой* и *сторонний* / *со стороны*: *В чужие люди ткала, соседям да чё* (Редикор Черд.; КСРГСПК); *Приведенец у их в семье живет: это робёнок принятой, мужику-то чужой, а ей — свой* (Верхнее Мошево Сол.; СПГ. Вып. 2. С. 202); *У нас вечер сторонние были, наглядеться не могли* (Б. Долды Черд.; КСРГСПК); *Позовут четыре человека со стороны, чтоб не родня хоронить-то* (Покровка Бер.; СРГЮП. Вып. 3. С. 186); *Когда со стороны [не родственники на свадьбе] пели, когда свои* (Покча Черд.; КСРГСПК). Это же значение ‘не связанный кровной связью’ имеют фразеологизмы *со стороны полёно*: *Называют свекровкой, а это ведь всё равно что со стороны полено* (Ножовка Част.; ФСПГ. С. 282) и *чужа́ на́чужо*: *Я им чужа начужо, у их родня, бабушка есь* (Аниковская Черд.; КСРГСПК); *чужа́я у́жна* ‘о человеке, принятом в семью со стороны’: *В дом возьмут человека, дак говорят — чужая ужна* (Попово-Останино Сол.; ФСПГ. С. 385); *Здись роздорят, дак говорят: «Чужая ужна»* (Половодово Сол.; КСРГСПК). При отрицании родственных связей также использовали субстантиват *несво́й*: *Другой раз в праздник наберутся и свои, и несвои — всякой наброд...* (Акчим Краснов.; АС. Вып. 3. С. 74).

Определение *неродной* в сочетании с терминами родства нередко указывает на искусственное (приемное) родство: *Дочь неродная робит в Кудымкаре* (Редикор Черд.); *Отцу неродной сын, приведенец, мать привела, у матери — пасынок* (Покча Черд.; КСРГСПК); *Многие сватались. Но ребят пожалела. Отец-то неродной, будет поноситься, не будет любить ребят* (Жуланова Сол.; СПГ. Вып. 2. С. 167).

2. Языковые единицы, характеризующие дальнейшее родство

В пермских говорах значение 'дальняя родня' чаще всего передается с помощью образных выражений, нередко такие единицы включают числительные: *деся́тое ко́лено*: Он еще мне **деся́тое колено** родня *какая-то будет* (Орел Ус.; СПГ. Вып. 1. С. 404), *деся́тое ко́лесо*: *Какая-то у меня узятя мать да кака-то, в обшом, деся́тое ко́лесо там, по ихней* [линии родства] *кака-то ишо немного своя* (Редикор Черд.; СРГСПК. Вып. 2. С. 199); *девя́тый плетёнь на́шего огоро́да*: Она нам не *шибко родня* — **девя́тый плетень нашего огоро́да** (Тюинск Окт.; СРГЮП. Вып. 2. С. 340); *се́дма́я вода́ на гу́щечке*: Больше нет **семой воды на гуши́шечке**, уехал (Акчим Краснов.; АС. Вып. 1. С. 138). Авторы книги о народной паремике Пермского края отмечают следующие устойчивые языковые единицы, характеризующие дальней родство и включающие числительные: *родня* — *от девятого бродня*; *от ноги девята кость, да ту брось*; *десята водина на дробине*; *родня из девятого плетня* (И.А. Подюков. 2014. С. 59). Интересно, что в состав устойчивых сочетаний чаще всего входят числительные *девя́тый* и *деся́тый*, которые подчеркивают отдаленность родства.

В образной основе таких выражений могут лежать различные культурные (номинативные, тематические) коды: соматический, пищевой, предметный, зоологический. В своей работе для анализа мотивации лексики определенной тематической группы мы будем использовать термин «тематический код». По словам Е.Л. Березович, тематикомотивационный аспект в этнолингвистике связан с установлением того, «с помощью каких тематических кодов выражаются те или иные идеи, в каких областях действительности отыскиваются мотивационные источники или наследники данных смыслов» [Березович, 2007, с. 33].

Как отмечают исследователи, термины родства могут быть мотивированы названиями частей тела, соматизмами [Качинская, 2018, с. 100–102]. На таком метафорическом переносе основаны фразеологизмы *деся́тое колено* и *от ноги девята кость*. Слово **ко́лено** регулярно используется в пермских говорах для обозначения родственных связей: *пе́рвое ко́лено, второ́е ко́лено* 'двоюродное родство': *Это братаны. Отцы у них браття, а они — второ́е ко́лено* (Акчим Краснов.; АС. Вып. 1. С. 87); *Осередний на фотке-то — братанник мне-ка. Дети дочери и дети сестры считаются как пе́рвое ко́лено братанники* (Жуланово Сол.; СПГ. Вып. 1. С. 54); *же́нское ко́лено* 'женская часть семьи, поколения': *Женско колено, а тут мужско колено* (Покча Черд.; КСРГСПК). Паремия *от ноги девята кость, да ту брось* включает соматизмы *нога* и *кость*. И.Б. Качинская отмечает номинации ноги и ее частей (*нога, колено,*

жопа, задница, стопа, ступня), которые используются в диалектных архангельских идиомах для обозначения родства [Качинская, 2018, с. 101].

Возможно, символической заменой конечности в образных выражениях выступают названия обуви или обмоток для ног. Так, паремия *родня — от девятого бродня* включает слово *бродень*, которое в пермских говорах имеет значение ‘мужская кожаная обувь без каблуков, с высокими голенищами’, ‘берестяная или лыковая обувь наподобие глубоких галош’ (ТСЛО. 2019. С. 277–278]. В севернорусских говорах отмечены фразеологизмы со словом *онучи* и *портянки*: *на одном солнце (солнышке) онучи (портянки) сушили* ‘о дальних родственниках’ (БСРП. 2008. С. 630; 631). Не исключено, что обувь в выражениях, характеризующих родство, относится к предметному коду, так, А.В. Тихомирова пишет о том, что дарение обуви невесте могло быть способом приобщения к другому роду, семье жениха [Тихомирова, 2013, с. 48].

Идиомы *деся́та води́на на дробі́не*, *седьмая вода на гуще́чке* возникли на базе пищевой метафоры, подобные единицы отмечены в других русских говорах и в общенародном языке: *девятая (десятая, седьмая) вода на киселе (на восьмой воде)*, *девятая водина на квасине*, *десятая (седьмая) водина на квасине (на киселине)*; *двоюродный кисель на троюродной воде* ‘о дальних родственниках’ (БСРП. 2008. С. 90; 91; 92; 285). Интересно, что в пермских говорах метафора связана с ситуацией цежения пива, браги, кваса и разведения напитка водой. В пермских говорах *дробі́на* и *гу́ща (гуще́чка)* имеют значение ‘густая, нерастворимая часть сусла’ (АС. Вып. 1. С. 222), которая получалась при приготовлении пива и браги. Вероятно, используется именно такое сравнение, поскольку в традиционной крестьянской кухне кисель был не напитком, а блюдом.

Отдаленность родства может подчеркиваться не только числительным, но и незначительностью, малоценностью предмета, который лежит в основе сравнения. На такой предметной метафоре строятся устойчивые единицы *десятое колесо*, *девятый плетень нашего огорода*, *двоюродное прясло из ихнего огорода*. Фразеологизм *десятое колесо* можно соотнести с общерусским *пятое колесо в телеге* ‘о ком-, чем-либо совершенно бесполезном, ненужном’. Выражения *родня — девятый плетень нашего огорода / родня из девятого плетня*, *двоюродное прясло из ихнего огорода* основаны на сравнении с какой-либо частью забора, ограждения: *плетень* ‘изгородь, сплетенная из прутьев и ветвей’ (БАС. Т. 17. С. 70), *прясло* ‘звено, часть изгороди от одного вбитого в землю столба, кола до другого; жердь в изгороди’ (БАС. Т. 21. С. 440). В русских народных говорах отмечены подобные паремии: *нашей городьбе*

двоюродная плетень, нашему забору двоюродный плетень, нашему забору двоюродный Яков, девятый кол изгороди, нашему (моему) огороду двоюродный плетень, моей тёще двоюродный плетень (БСРП. 2008. С. 156; 237; 299; 460; 663). С одной стороны, забор противопоставлен дому как символу домашнего очага и семьи, с другой стороны, ограждение служило границей между своей и чужой территорией, таким образом, в выражениях подчеркивается промежуточное положение дальних родственников, которые не являются абсолютно чужими, однако не входят в близкий круг.

Идея промежуточного положения, а также незначительности лежит в основе паремии *коро́ва сса́ла да бры́зги летёли: Да каки оне родня — так, коро́ва ссала да бры́зги летели* (Пож Юрл.; СРГКПО. 2011. С. 126). В русских говорах встречаются похожие устойчивые сочетания: *девятой (десятой) коровы пузырь (требух), дядиной коровы пузырь, от седьмой свиньи поросёнок, собаки из одного корыта лакали* 'о дальнем родственнике, отдаленном родстве' (БСРП. 2008. С. 316; 599); *девятой курице — десятое яичко* (ЧРДФ. 2004. С. 92). Во всех представленных паремиях проводится сравнение с домашними животными (коровой, свиньей, собакой, курицей), при этом они всегда имели ценность для сельских жителей. Однако включенные в выражения соматизмы *моча, пузырь, требух* связаны с идеей незначительности, малоценности какого-либо предмета.

Таким образом, в пермских говорах для обозначения дальнего родства используются в основном устойчивые сочетания и выражения. Они представляют собой региональные варианты широко распространенных в общерусском языке и народных говорах языковых единиц, поскольку имеют общее значение и схожую образную основу.

3. Номинации и характеристики семьи с точки зрения ее состава в пермских говорах

Для обозначения семьи в пермских говорах чаще всего используется само это слово и его дериваты *семейность, семейство, семейственность, семейица*: *Вот уже обзавелась тут семейностью* (Акчим Краснов.); *Болтаются всё ходит, это ей по душе, семейственность ей не надо* (Акчим Краснов.; КАС); *Такая семейство — семь детей скопилось* (Илаб Сол.; КСРГСПК); *Всё своими руками делали, всё сами, семейица ведь была* (Сыра Сукс.; СРГЮП. Вып. 3. С. 100]. Кроме того, отмечена в говорах лексема *фамиль / фамилия* в значении 'ряд поколений, род, семья, носящие одно наследственное наименование и имеющие одного предка': *Разрубили леса и стали жить: та фамиль, друга фамиль* (Поськи-

но Сол.; СПГ. Вып. 2. С. 490); *Бежали от крепостного права, от военной службы, селились здесь. Вот и получились две фамилии — Горшково да Усанины* (Акчим Краснов.; АС. Вып. 6. С. 90).

Как известно, традиционные семьи обычно включали большое число родственников, однако в записях второй половины XX в. обычно упоминаются нуклеарные семьи (дети и родители). Этнографы отмечают, что в конце 1950-х гг. русская сельская семья состояла в основном из 3–4 человек; в 60–70-е гг. XX в. большие по размеру семьи составляли пятую часть от их общего числа [Власова, 2005, с. 440–441]. Вероятно, это объясняет большое число языковых единиц со значением ‘многодетная семья’ в пермских говорах. Как правило, такие номинации имеют образный характер, метафорический перенос может осуществляться с использованием разных тематических кодов: антропоморфного, зоологического, растительного и предметного.

От терминов, обозначающих группу людей, образованы языковые единицы *артель*, *орда*, *старообрядная казарма*: *Артель-то у нас девять человек, семеро угланов ведь* (Черд.; КСРГСПК); *У Настасьи-то орда ведь. Много ребят. И все мал-мала мене* (Тис Сукс.; СПГ. Вып. 2. С. 47); *У-у, у нас детей-то было — целый притон; старообрядная казарма, беда людно жили* (Губдор Черд.; СПГ. Вып. 1. С. 372). Скорее всего, в определении «старообрядная» отражены особенности семейного уклада старообрядцев, которые долго придерживались традиции совместного проживания родителей и женатых братьев с семьями.

В обозначении большой, многодетной семьи часто используется зоологический код, слово *гнездо* может обозначать семью: *Летом хотели всем гнездом в город ехать, да так и не собрались* (Осокино Сол.); *Мальчик-то этот — их братик? — Нет, вот это две сестры, а он — из другого гнезда-то, другой дочери сын* (Усть-Егва Ильин.; СПГ. Вып. 1. С. 166). Нередко большая семья сравнивается с множеством насекомых, осиным гнездом или муравейником. Так, в пермских говорах отмечены фразеологизмы *осье гнездо*: *Плодистая? Это обида на бабу, плодистая, многодетная. Осье гнездо называли, много детей когда* (Акчим Краснов.; СРГСПК. Вып. 2, С. 37) и *как мураший кипят: Как мураши кипят — про большую семью, где много детей* (Акчим Краснов.; АС. Вып. 2. С. 42). Такие сравнения детей и насекомых распространены в русских говорах [Кривошапова, 2005], например, в говорах Иркутской области зафиксирован фразеологизм *народить кого как мух* ‘о множестве детей, родившихся в какой-либо (обычно бедной) семье’ (БСРП. 2008. С. 412). На основе зооморфной метафоры возникает значение ‘многодетная семья’ у слова *руно*: *Надо ведь руно-то этако кормить, угланов-то се-*

меро ведь их, подумать страшно (Черд.; КСРГСПК). В пермских говорах отмечены и другие значения лексемы: 'стая, косяк (о рыбе)'; 'рой (о пчелах)'; 'толпа' (СПГ. Вып. 2. 307).

Исследователи отмечают, что термины, традиционно используемые в ботанике, в метафорическом смысле могут употребляться и для обозначения родства, например, такие номинации, как *ветвь, плод, семя, куст* [Толстая, 2009, с. 11; Качинская, 2018, с. 82]. Растительный (ботанический) код реализуется в языковых единицах со значением 'многодетная, большая семья': *ро́ща: У меня восемь человек семья. Такая ро́ща. Мы вдвоём со старухой только поднимали. Потом дети выросли, у их рабочая сила появилась, они робить стали* (Ефремы Сол.; СПГ. Вып. 2. С. 301) и *шипичный куст: Коля-то невесту найдёт, девок-то — шипичный куст! Много — шипичный куст. Вобщё так про семью, не обязательно про девок* (Акчим Краснов.; АС. Вып. 2. С. 95). Метафорический перенос в обозначении большой семьи происходит с единицами, которые обозначают совокупность деревьев или же растения, состоящие из нескольких стеблей.

Реже в пермских говорах номинации большой семьи связаны с другими кодами. Так, у слова *борона́* развивается семантика 'большая семья': *У них цела борона детей* (Акчим Краснов.); *Семейны, надо разворачиваться, семья большая, с бороной такой* (Акчим Краснов.; АС. Вып. 1. С. 84]. Вероятно, сравнение с этим предметом основано на идее множественности, в архангельских говорах у слова *борона* зафиксировано значение 'большое количество, множество', при этом в основном используется в сочетании со словом «дети» (АОС. Вып. 2. С. 84). Это сельскохозяйственное орудие выглядело по-разному, но всегда имело много заостренных колышков или сучьев, которые разрыхляли почву, возможно, это стало основанием для переноса. Кроме того, для утяжеления деревянной бороны на нее могли садить детей, видимо, это также повлияло на возникновение значения 'многодетная семья' у лексемы. Возможно, метафора также связана с символическим значением, которым наделялась борона. М.М. Угрюмова отмечает, что представление о появлении в семье детей может ассоциироваться с севом, пахотой и земледелием [Угрюмова, 2017, с. 91–92].

В пермских говорах зафиксирована также лексема *плани́да*, одно из ее значений — 'многодетная семья': *Вот плани́ды-то скоко! Тресь её побери! Плани́да-то — когда робят много* (Дуброва Сол.; СПГ. Вып. 2. С. 102). В современном русском литературном языке существует похожее по форме слово *планета* — 'небесное тело, вращающееся вокруг Солнца и светящееся отраженным солнечным светом', которое заим-

ствовано из греческого языка (πλανήτης ἀστήρ — 'странствующая (изменяющая место стояния) звезда') (П.Я. Черных. Вып. 2. 1999. С. 38). Слово *планида* существовало в древнерусском языке, осталось оно в русских говорах. Так, в СРНГ у слова *планида* отмечается несколько значений: 1. 'планета'; 2. 'комета'; 3. 'сильный дождь, ветер, гроза и т.п., вызывающее бедствие'; 'несчастье, бедствие'. 4. 'многодетная семья'; 'дети, детвора' (СРНГ. Вып. 27. С. 80–81). Можно предположить, что последнее значение возникло в результате развития семантики: 'небесное тело' > 'погодные явления, вызывающие бедствия' > 'несчастья, бедствия' > 'непослушные дети' > 'многодетная семья'; 'дети'. Не исключено, что значение 'семья' является результатом развития значения 'судьба, удел', которое фиксировалось у слова *планида* в «Словаре русского языка XVIII века» (СРЯ XVIII в. Вып. 20. С. 5]. Такой перенос может быть связан с представлением о том, что семейные, родственные связи определяли будущее человека, влияли на всю его жизнь.

Только в пермских говорах встречается лексема *накопи́ло* 'большая семья': *У нас-то семьи — целое накопило, всё-то восемь человек* (Веслянка Кунг.) (СРГЮП. Вып. 2. С. 145), которая образована от глагола *накопить*. В пермских говорах отмечены языковые единицы *накопиться, скопиться* 'появиться, родиться (о детях)' (КСРГСПК) и *ребя́т копи́ть* 'рожать детей, создавать семью' (СРГЮП. Вып. 1. С. 409], глагол *накопить* 'обзавестись большим количеством детей, народить много детей' встречается в архангельских говорах (СРГС. Вып. 8. С. 76).

Таким образом, в языковых единицах со значением 'большая семья' в основном используются растительный (*ро́ща, шипичный куст*), животный (*гнездо, осье гнездо, руно*), предметный (*борона*) коды. Часто переносное значение 'многодетная семья' появляется у слов, в значении которых содержится идея множественности (людей, насекомых или других мелких существ, частей растений, деталей предметов). Большинство из перечисленных лексем являются общерусскими, зафиксированы во многих диалектах (*артель, гнездо, орда*), другие отмечаются также в архангельских говорах (*борона, осье гнездо*).

В пермских говорах нередко встречаются описательные выражения, характеризующие семью с большим количеством детей. В состав таких единиц входят слова, образованные от собирательных числительных: *мале́нко пятерё́нко, малё́нко семерё́нко, малё́нко восьмерё́нко, малё́нко девятерё́нко: Отец-от умер, нас оставил малё́нко восьмерё́нко, пятеро осталось нас дак* (Вильва Сол.); *Нас было малё́нко девятерё́нко, семеро у отца-то* (Вильва Сол.); *Малё́нко пятерё́нко вырастила — пятерых* (Обросиха Ильин.); *Малё́нко нас было семе-*

ренько, две дочери да пять сыновей (Тюлькино Сол.; ФСПГ. 2002. С. 207). Как видно из примеров, в некоторых случаях эти сочетания указывают на конкретное количество членов семьи, а в других обозначают большое число детей в семье.

Интересно, что в диалектных словарях XIX в. языковые единицы со значением 'большая, многодетная семья' встречаются относительно редко, например, в словаре В. Даля отмечены лексемы *арава* и *артель* (В. Даль. Вып. 1. С. 54; 62). На наш взгляд, это можно объяснить тем, что информанты, рассказывая о прошлом, обычно противопоставляют родительскую многодетную семью и современные, которые часто являются малочисленными. Возможно, эмоциональное отношение к этому факту и вызывает появление большого числа образных единиц со значением 'большая, многодетная семья'.

При традиционном укладе человек достаточно редко жил один, поэтому проживание в одиночестве, без семьи воспринималось как нарушение нормы. Человека без родственников называли *оди́ночка* / *оди́начка*: *Оди́начка* позовёт, днём лён потреплют, а вечером попляшут (Пыскор Ус.; СПГ. Вып. 2. С. 35) и *оди́натина*: *Оди́натин* на лесозаготовки не го- няли (Филина Караг.; СПГ. Вып. 2. С. 35), его семейное положение обозначали как *оди́нокий* / *оди́накий*, *безродный*, *бесплеменный*. Слово *один* входит также в состав фразеологизмов, которые характеризуют подобный социальный статус: *весь оди́н* / *вся одна́*: *Уже семьи нет, вся одна живу* (Семунин Сол.; СПГ. Вып. 2. С. 35); *на́одно одна́*: *Наодно одна живу* (Цыдва Черд.) (КСРГСПК); *оди́н (одна) на одно́*: *Остался он один на одно́: отец умер, мачеха ушла от его* (Лызиб Сол.; ФСПГ. 2002. С. 247); *Одна на одно́ живёт, никого нету* (Аниковская Черд.; КСРГСПК); *оди́н (одна́) собой (себе)*: *Плохо одному собой жить* (Югово Караг.); *Вот уж семьей год живу одна собой, мужик покинул меня, на гору ушел* (Кунья Добр.; СПГ. Вып. 2. С. 35); *Я пришла, он один себе был [жил один]* (Илаб Сол.; КСРГСПК); *оди́н-разъеди́н*: *Одна-разэдна* осталась, ни мужа, ни детей (Антуфьево Бард.; СРГЮП. Вып. 2. С. 224). Человека, у которого отсутствует семья, могут образно характеризовать с помощью фразеологизмов на основе двойного отрицания, в их состав входят слова, обозначающие родство (*ни своёго ни родно́го*) или местоимение *я* (*ни за мной ни передо мной*): *Худо живу, нет не своёго не родного* (Толстик Сол.); *Пришел я с госпиталя, а у меня ни своёго ни родного* (Колышкино Караг.; ФСПГ. 2002. С. 320); *Кругом я одна, не за мной не передо мной нету никого* (Пантюха Част.); *Робить не могу и помочки некому — у меня ведь не за мной не передо мной* (Ножовка Част.; ФСПГ. 2002. С. 216).

Как упоминалось выше, довольно часто семейное положение человека может обозначаться с помощью образных выражений на основе соматизмов. Обычно одинокий человек сравнивается с пальцем руки, как в общерусском фразеологизме *один как перст*. В пермских говорах встречаются его варианты: *(один) как куку́шка*, *(один) как пёрстик (пáльчик)*: *Живу я здесь как куку́шка*, *одна совсем, никого родных нету* (Воскресенское Караг.; ФСПГ. 2002. С. 188); *Один Николай у меня, как перстик* — *ни дочерей, ни тётки, ни дядек* (Губдор Краснов.); *Раньше с детьми жила, а теперь как пальчик одна живу* (Пянтег Черд.; ФСПГ. 2002. С. 263). Лексема *куку́шка* в пермских говорах имеет значение 'указательный палец' (СПГ. Вып. 1. С. 448), слова *перст* и *палец* могут обозначать как любой палец руки, так и только большой палец. Таким образом, как и во фразеологизме *один как перст*, сравнение связано с пальцем, который выделяется на руке, находится «в одиночестве».

Довольно часто в пермских говорах для характеристики бессемейного или лишившегося родных человека использовали образные средства, мотивированные сравнением с животным: *как бездо́мная куку́шка*: *Замуж не бывала, вот и живу, как кукушка бездомная* (Пянтег Черд.; СПГ. Вып. 1. С. 448); *как медве́дь (в берло́ге)*: *Живу один, как медведь, совсем никого нету* (Ананьино Чернуш.; СРГЮП. Вып. 2. С. 72); *Один старик там в лесу жил, как медве́дь в берло́ге* (Вильгорт Черд.; ФСПГ. 2002. С. 213); *как медве́дица*: *А я не такая, я не живу как медведица* (Сёмина Краснов.; ФСПГ. 2002. С. 213); *как пта́шка на острови́нке*: *Теперь вот одна живу, никого нету у меня, осталась как пташка на островинке*, *одна-разъедна* (Ефремы Сол.; СПГ. Вып. 2. С. 244); *как соко́лик*: *Один себе, как соколик, живёт* (Березовка Ус.; СПГ. Вып. 2. С. 35); *как за́яц на о́строве*: *Живу тут одна на пустом хуторе, как заяц на острове* (Корюкино Караг.; СПГ. Вып. 1. С. 320); *оди́нокий медве́дь* 'об одиноком мужчине': *Те, которые одинокие медведи, отдельно ото всех живут. В Кубе таких мужиков много* (Бедряж Чернуш.; СРГЮП. Вып. 2. С. 72). Как видно из примеров, бессемейный (или лишившийся семьи) человек может уподобляться дикому животному, которое из-за особенностей поведения или внешних обстоятельств остается в одиночестве. С одной стороны, такие сравнения прямо связаны с особенностями поведения животных, с другой стороны — подчеркивают неправильность такого положения человека. Если языковые единицы, характеризующие дальнейшее родство, нередко связаны с образами домашних животных, то отсутствие семейных связей, сиротство человека подобно существованию одиночных животных.

Растительный (фитоморфный) тематический код для характеристики одинокого человека также используется в пермских говорах, отмечены такие языковые единицы, как *богдánна вéточка*: *И осталась я как богдánна веточка* (Заполье Краснов.; ФСПГ. 2002. С. 46); *как пень берёзовый*: *Как пень берёзовой одна осталась, и делать-то уж ничё не могу* (Рябки Чернуш.; СРГЮП. Вып. 2. С. 298); *пíхта*: *Она така же несчастная пихта, как я, одна живёт* (Бычина Краснов.; СПГ. Вып. 2. С. 101). Сравнение человека с частью дерева (веткой, пнем) выражает идею оторванности, отчужденности от целого. На подобном сравнении основаны фразеологизмы, которые зафиксированы в русских говорах Тюменской области: *одна как головешка, одна как огорелый пень* (ФСРГТО. 2020. С. 197]. Уподобление одинокого человека пихте в пермских говорах, возможно, связано с внешним видом растения, кроме того, в Пермском крае оно менее распространено, чем другие хвойные деревья. Интересно, что в русских говорах одинокий человек может сравниваться с различными деревьями: *как горькая осина* (БСРП. 2008. С. 469), *как лесина таёжная* (БСРП. 2008. С. 344), *как рябина* (БСРП. 2008. С. 587), *как сосна в поле* (БСРП. 2008. С. 647). Вероятно, в таких образных выражениях важен не ботанический вид, а обособленность, единичность растения.

В образных оборотах со значением 'об одиноком, бессемейном человеке', построенных на предметном коде, актуализируется семантика ненужности, малоценности: *как брошенная рассо́ха*: *Муж умер, дети нету. Одна я как брошенная рассо́ха* (Усть-Зула Юрл.; СРГКПО. С. 209); *как у шу́бы рука́в*: *Мужики-те погинули, вот бабы-те и остались как у шу́бы рука́в* (Легаевка Чернуш.; СРГЮП. Вып. 2. С. 248). Человек в этих фразеологизмах сравнивается с непригодным для использования предметом: с задней частью сохи из дерева или рукавом от шу́бы. Отсутствие семейных, родственных связей может характеризоваться с помощью фразеологизма *ни до́му ни ло́му*: *Ни дому ни лому у меня нет, совсем одна я* (Лызиб Сол.); *Никитка-то совсем один живёт, ни дому ни лому у него* (Налевки Нытв.; СПГ. Вып. 1. С. 225). Этот оборот отмечен и в других русских говорах, однако чаще всего ему дается толкование 'об очень бедном человеке, не имеющем жилья, имущества' (БСРП. 2008. С. 196). Вероятно, дальнейшее развитие семантики фразеологизма в пермских говорах связано с тем, что плохое материальное положение (отсутствие дома) может быть связано с потерей близких родственников. Кроме того, это значение могло возникнуть на основе существующей в говорах семантической модели 'семья, кровные родственники' ↔ 'дом, жилище'.

Одиночество бессемейного человека может выражаться с помощью антропоморфных образов: как *каин*: *Я эть как каин*, одна живу, никого у меня не осталось (Яранина Черд.; СПГ. Вып. 1. С. 37); как *пустынник*: *Одна живёт, как пустынник* какой. *Умрёт, застынёт, и никто не узнаёт* (Пянтег Черд.; ФССП. 2002. С. 307); как *оплешинник*: *Я как оплешинник* живу. *Бабки-те все помирают и помирают* (Мараты Коч.; СПГ. Вып. 2. С. 44). Слово *оплешинник*, вероятно, образовано от диалектного *плешина* 'участок, лишенный растительности' (СГТ. 2007. С. 277) и обозначает человека, который живет уединенно, вдали от других. Источником номинаций одинокого человека могут служить наименования мифологических существ: *баба-яга*, *чертовка* 'о старой одинокой женщине': *Теперь одна тожно осталась, баба-яга. Доцерь на Капказе живёт, не выдаю её* (Акчим Краснов.; АС. Вып. 1. С. 45); *Я старая престарая чертовка*, живу (Акчим Краснов.; АС. Вып. 6. С. 186). В разных русских говорах отмечены фразеологизмы, основанные на подобной аналогии: *один как черт в болоте* 'об абсолютно одиноком человеке' (БСРП. 2008. С. 743), *как Яга Ягишина* 'об абсолютно одной, крайне одинокой женщине' (БСРП. 2008. С. 774)]. Сравнение с Каином, а также отрицательными фольклорными персонажами подчеркивает представление об одиноком человеке как об отвергнутом и проклятом. Таким образом, диалектные единицы, характеризующие одиночество человека, свидетельствуют о том, что в традиционном обществе такое семейное положение считалось отклонением от нормы.

Заключение

Таким образом, в пермских говорах существует большое число лексем, обозначающих совокупность родственников, семью, отдельных ее членов, а также единиц, которые характеризуют дальней родство, многодетную семью, одинокого человека. Слова с корнями *род-* и *кров-* могут обозначать любого кровного родственника, а лексемы, включающие корни *свой-* и *семей-*, могут относиться к людям, связанным не только кровным, но и социальным родством, свойством. На родство по крови также указывают определения *крóвный*, *родно́й* (*ро́дный*), *роды́мый*, *коренно́й*; отсутствие родства обычно характеризуется прилагательными *чужой*, *сторонний*.

В пермских говорах для обозначения дальнего родства, как правило, используются метафорические обороты. В образной основе таких выражений могут лежать различные тематические коды: соматический, пищевой, предметный, зоологический. Нередко эти языковые единицы включают числительные *девятый*, *десятый*, *седьмой*, что под-

черкивает отдаленность родства. Сравнение неблизких родственников с незначительными, малоиспользуемыми предметами также выполняет эту функцию.

В традиционном укладе важное значение имел социальный и семейный статус человека. В говорах представлены номинации семьи и характеристики семейного положения человека. Выделяются две лексико-семантические группы, которые имеют наибольшую наполненность: наименования и характеристики многодетной семьи и обозначения человека, не имеющего родственников. Языковые единицы, входящие в состав этих групп, нередко имеют образную природу. Метафорический перенос может осуществляться с использованием разных тематических кодов: антропоморфного, зоологического, растительного и предметного. Часто значение 'многодетная семья' появляется у слов, семантика которых связана с идеей множественности, совокупности (людей, насекомых, растений, деталей предметов). Образные единицы, называющие и характеризующие одинокого человека, нередко подчеркивают его обособленность от других, отвергнутость и ненужность.

Представленные в работе диалектные лексемы нередко встречаются в других русских говорах, фразеологизмы могут иметь синонимы и лексико-грамматические варианты. Образные единицы в основном образованы на основе распространенных в говорах тематических (культурных) кодов: антропоморфного, зоологического, растительного, предметного. Своеобразие рассмотренной лексико-семантической группы обусловлено использованием диалектной лексики, часть которой отмечена только в русских говорах Пермского края.

Сокращенные названия районов Пермского края

Бер. — Березовский; Вер. — Верещагинский; Гайн. — Гайнский; Добр. — Добрянский; Ильинск. — Ильинский; Караг. — Карагайский; Киш. — Кишертский; Коч. — Кочевский; Краснов. — Красновишерский; Кунг. — Кунгурский; Окт. — Октябрьский; Перм. — Пермский; Сол. — Соликамский; Сукс. — Суксунский; Ус. — Усольский; Чайк. — Чайковский; Част. — Частинский; Черд. — Чердынский; Чернуш. — Чернушинский; Чус. — Чусовский; Юрл. — Юрлинский.

Библиографический список

Березович Е. Л. Метафорические комплексы, составленные терминами родства, в славянских языках // Категория родства в языке и культуре / отв. ред. С. М. Толстая. Москва: Индрик, 2009. С. 257-278.

Березович Е. Л. Язык и традиционная культура: этнолингвистические исследования. Москва: Индрик, 2007. 599 с.

Березович Е. Л., Рут М. Э. Ономастологический портрет реалии как жанр лингвокультурологического описания // Известия Уральского государственного университета. Гуманитарные науки. Вып. 3. Филология. Екатеринбург, 2000. № 17. С. 33–38.

Бурыкин А. А., Попов В. А. Русская терминология родства и свойства: историческая динамика, аксиологические поля, коммуникативный дискурс : монография. Санкт-Петербург: Центр «Петербургское востоковедение», 2020. 320 с. <https://www.doi.org/10.25882/sfy9-xb39>

Власова И. В. Семейно-брачные отношения в 1917–1990-х годах // Русские / отв. ред. В. А. Александров, И. В. Власова, Н. С. Полищук. Москва: Наука, 2005. С. 436–456.

Зверева Ю. В. Наименования человека по отношению к браку в пермских говорах // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2013. № 1 (21). С. 28–36.

Качинская И. Б. Номинация семьи и родства в архангельских говорах // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2023. Т. 82. № 3. С. 77–85. <https://www.doi.org/10.31857/S160578800026318-5>

Качинская И. Б. Термины заместительного родства в архангельских говорах // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2016. № 4 (36). С. 5–12. <https://www.doi.org/10.17072/2037-6681-2016-4-5-12>

Качинская И. Б. Термины родства и языковая картина мира (по материалам архангельских говоров). Москва: Индрик, 2018. 285 с.

Качинская И. Б. Термины родства и языковая картина мира: сопряжение «семейного» и «телесного» регистров (по материалам архангельских говоров) // Севернорусские говоры. 2014. № 13. С. 165–177.

Кривошапова Ю. А. Домашние насекомые-паразиты в языке и фольклоре // Живая старина. 2005. № 4. С. 40–43.

Тихомирова А. В. Символика наименований одежды и обуви в русской диалектной лексике и фразеологии свадебного обряда // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2013. № 1 (21). С. 43–50.

Толстая С. М. Категория родства в этнолингвистической перспективе (вместо предисловия) // Категория родства в языке и культуре / отв. ред. С. М. Толстая. Москва: Индрик, 2009. С. 7–22.

Толстой Н. И. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике : изд. 2. Москва: Индрик, 1995. 512 с.

Трубачев О. Н. К этимологии некоторых древнейших славянских терминов родства // Вопросы языкознания. 1957. № 2. С. 86–95.

Угрюмова М. М. Детство как константа культуры / Т. Б. Банкова, М. М. Угрюмова, Н. А. Агапова. Константы русской народной культуры: языковые воплощения. Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2017. С. 65–128.

Федорова К. А. Термины родства в русских говорах на территории бывшей Чердынской земли // Вопросы фонетики, словообразования, лексики русского языка и методики его преподавания: труды 4-й зон. конф. кафедр русского языка вузов Урала. Пермь, 1964. Вып. 1. С. 85–92.

Филин Ф. П. О терминах родства и родственных отношениях в древнерусском литературном языке // Язык и мышление. XI. Москва ; Ленинград: «Наука», 1948. С. 329–346.

Список источников

АОС — Архангельский областной словарь / под ред. О. Г. Гецовой, Е. А. Нефедовой. Москва: Изд-во Моск. ун-та; Наука, 1980–2019. Вып. 1–20 (изд. продолжается).

АС—Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области (Акчимский словарь). Пермь. 1984–2011. Вып. 1–6.

БАС — Большой академический словарь русского языка / гл. ред. К. С. Горбачевич, А. С. Герд. М.; Санкт-Петербург: Наука, 2004–2024. Т. 1–28 (изд. продолжается).

БСРП — Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. Москва: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2008. 784 с

Даль — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1–4. Москва: Прогресс: Универс, 1994.

КАС — Картотека «Словаря говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области», хранящаяся на кафедре теоретического, прикладного и восточного языкознания ПГНИУ.

КСРГСПК — Картотека «Словаря русских говоров севера Пермского края», хранящаяся на кафедре теоретического, прикладного и восточного языкознания ПГНИУ.

Подюков И. А. К пиру едется, а к слову молвится. Народная паремия Пермского края / науч. ред. И. А. Подюков. Санкт-Петербург: Мататов, 2014. 176 с.

Программа собирания сведений для Лексического атласа русских народных говоров: Научно-методическое пособие, Санкт-Петербург: Институт лингвистических исследований РАН, 1994. 336 с.

СГРС–Словарь говоров Русского Севера / под ред. А. К. Матвеева, М. Э. Рут. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001–2025. Т. 1–8. (изд. продолжается).

СГТ — Полякова Е. Н. Словарь географических терминов в русской речи Пермского края. Пермь: Перм. гос. ун-т. 2007. 420 с.

СПГ — Словарь пермских говоров. Пермь: Кн. мир, 2000. Вып. 1: А–Н. 480 с. 2002. Вып. 2: О–Я. 576 с.

СРГКПО — Словарь русских говоров Коми-Пермяцкого округа. Пермь: Изд-во ПОНИЦАА, 2006. 272 с.

СРГСПК — Словарь русских говоров севера Пермского края / гл. ред. И. И. Русинова. Пермь, 2011–2021. Вып. 1–2: А–В. (изд. продолжается).

СРГЮП — Словарь русских говоров Южного Прикамья / И. А. Подюков (науч. ред.), С. М. Поздеева, Е. Н. Свалова, С. В. Хоробрых, А. В. Черных. Пермь: Изд-во Перм. гос. пед. унта, 2010–2012. Вып. 1–3.

СРНГ — Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. Москва ; Ленинград; Санкт-Петербург: Наука, 1965–2021. Вып. 1–52 (изд. продолжается).

СРЯXVIIIв. — Словарь русского языка XVIII века / АН СССР. Ин-т рус. яз.; гл. ред. Ю. С. Сорокин. Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1984–1991. Вып. 1–6; Санкт-Петербург: Наука. С.-Петербур. отд-ние, 1992–2025. Вып. 7–24 (изд. продолжается).

ТСЛО — Традиционный костюм народов Пермского края. Русские. Тематический словарь лексики одежды / Ю. В. Зверева, И. И. Русинова, А. В. Черных. Санкт-Петербург: Изд-во «Маматов», 2019. 432 с.

ФСПГ — Прокошева К. Н. Фразеологический словарь пермских говоров. Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2002. 432 с.

ФСРГТО — Багирова Е. П., Белякова С. М. Фразеологический словарь русских говоров Тюменской области. Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2020. 356 с.

Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. 1–2. Москва: Русский язык, 1999.

ЧРДФ — Алексеев М. А., Белоусова Т. П., Литвинникова О. И. Человек в русской диалектной фразеологии: словарь. Москва: ООО «ИТИ ТЕХНОЛОГИИ», 2004. 238 с.

References

Berezovich E. L. Metaphoric Complexes Consisting of Kinship Terms in Slavic Languages. *Kategoriia rodstva v iazyke i kul'ture* = The Category of Kinship in Language and Culture, Moscow, 2009, pp. 257–278. (In Russian).

Berezovich E. L. Language and Traditional Culture: Ethnolinguistic Studies, Moscow, 2007. 599 p. (In Russian).

Berezovich E. L., Rut M. E. Onomasiological portrait of reality as a genre of linguistic description. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta* = News of the Ural Federal University, ser. 17, Humanities and Arts, iss. 3, Yekaterinburg, 2000, pp. 33–38. (In Russian).

Burykin A. A., Popov V. A. Russian terminology of kinship and affinity. Historical dynamics, axiological fields. St. Petersburg, 2020, 320 p. <https://www.doi.org/10.25882/sfy9-xb39> (In Russian).

Fedorova K. A. Kinship terms in Russian dialects on the territory of the former Cherdyn land. *Voprosy fonetiki, slovoobrazovaniya, leksiki russkogo yazyka i metodiki ego prepodavaniya* = Problems of phonetics, derivation, lexis of the Russian language and its teaching methods, Perm, 1964, iss. 1, pp. 85–92. (In Russian).

Filin F. P. On the terms of kinship and family relations in the Old Russian literary language. *Yazyk i myshleniye* = Language and thinking, XI, Moscow-Leningrad, 1948, pp. 329–346. (In Russian).

Kachinskaya I. B. Kinship terms and the linguistic worldview (based on materials from Arkhangelsk dialects). Moscow, 2018, pp. 77–85. (In Russian).

Kachinskaya I. B. Kinship terms and linguistic worldview: the interlinking of the “familial” and “bodily” registers (a case study of Arkhangelsk dialects). *Severnorrusskiye govory* = Northern Russian Dialects, 2014, iss. 13, pp. 165–177. (In Russian).

Kachinskaya I. B. Nomination of family and kinship in Arkhangelsk dialects. *Izvestiya Rossiyskoy akademii nauk* = The bulletin of the Russian Academy of Sciences, Studies of literature and language, 2023, vol. 82, no. 3, pp. 77–85. <https://www.doi.org/10.31857/S160578800026318-5> (In Russian).

Kachinskaya I. B. The terms for adoptive parents and adoptive children in Arkhangelsk dialects. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* = Perm University Herald, Russian and Foreign Philology, 2016, iss. 4 (36), pp. 5–12. (In Russian).

Krivoshchapova Yu. A. Domestic insectparasites in language and folklore. *Zhivaya starina* = Living antiquity, 2005, no. 4, pp. 40–43. (In Russian).

Tikhomirova A. V. Symbolism of names of clothes and shoes in Russian dialectal lexis and phraseology of the wedding ritual. *Vestnik Permskogo universiteta* = Perm University Herald. Russian and Foreign Philology, 2013, iss. 1 (21), pp. 43–50. (In Russian).

Tolstaia S. M. Kinship category in the ethnolinguistic perspective: in lieu of a preface. *Kategoriia rodstva v yazyke i kul'ture* = The Category of Kinship in Language and Culture, Moscow, 2009, pp. 7–22. (In Russian).

Tolstoy N. I. Language and folk culture: Essays on Slavic mythology and ethnolinguistics, 2nd ed., Moscow, 1995, 512 p. (In Russian).

Trubachev O. N. On the etymology of the earliest Slavonic kinship terms. *Voprosy yazykoznaniya* = Topics in the study of language, 1957, no. 2, pp. 86–95. (In Russian).

Ugryumova M. M. Childhood as a cultural constant. *T. B. Bankova, M. M. Ugryumova, N. A. Agapova. Konstanty russkoy narodnoy kul'tury: yazykovye voploshcheniya* = Constants of Russian Folk Culture: Linguistic Embodiments, Tomsk, 2017, pp. C. 65–128. (In Russian).

Vlasova I. V. Family and marital relations in the 1917–1990^s. *Russkiye* = Russians, Moscow 2005, pp. 436–456. (In Russian).

Zvereva Yu. V. Man nomination in the aspect of marriage in Perm dialects. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* = Perm University Herald. Russian and Foreign Philology, 2013, iss. 1 (21), pp. 28–36. (In Russian).

List of Sources

Alekseenko M. A., Belousova T. P., Litvinnikova O. I. The Person in Russian Dialectal Phraseology: A Dictionary, Moscow, 2004.

Arkhangelsk Regional Dictionary, Moscow, 1980–2019.

Bagirowa E. P., Belyakova S. M. Phraseological Dictionary of Russian Dialects of the Tyumen Region, Tyumen, 2020.

Card index of the "Dictionary of the Dialect of the Village of Akchim, Krasnovishersky District, Perm Region", housed at the Department of Theoretical, Applied, and Oriental Linguistics, Perm State National Research University.

Card index of the "Dictionary of Russian Dialects of the Northern Perm Region", housed at the Department of Theoretical, Applied, and Oriental Linguistics at Perm State National Research University.

Chernykh P. Ya. Historical and Etymological Dictionary of the Modern Russian Language, Moscow, 1999.

Dal V. I. Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language, Moscow, 1994.

Dictionary of the Akchim Village Dialect, Krasnovishersky District, Perm Region (Akchim Dictionary), Perm, 1984–2011.

Dictionary of Russkogo Dialects, Yekaterinburg, 2001–2025.

Dictionary of Perm Dialects, Perm, 2000–2002.

Dictionary of Russian Dialects of the Komi-Permyak Okrug, Perm, 2006.

Dictionary of Russian Dialects of the Northern Perm Region, Perm, 2011–2021.

Dictionary of Russian Dialects of the Southern Kama Region, Perm, 2010–2012.

Dictionary of Russian Folk Dialects, Moscow; Leningrad; St. Petersburg, 1965–2021.

Dictionary of the Russian Language of the 18th Century, Leningrad; Moscow; St. Petersburg, 1984–2025.

Large Academic Dictionary of the Russian Language, Moscow, St. Petersburg, 2004–2024.

Mokienko V. M., Nikitina T. G. A Comprehensive Dictionary of Russian Proverbs, Moscow, 2008.

Polyakova E. N. Dictionary of Geographical Terms in Russian Speech of the Perm Region, Perm, 2007.

Program for collecting data for the Lexical Atlas of Russian Folk Dialects: A Scientific and Methodological Handbook, St. Petersburg, 1994.

Prokosheva K. N. Phraseological Dictionary of Perm Dialects, Perm, 2002.

"To the feast, to the word." Folk parodies of the Perm Region, ed. I. A. Podyukov, St. Petersburg, 2014.

Traditional Costume of the Peoples of the Perm Region. Russians, Thematic Dictionary of Clothing Vocabulary. St. Petersburg, 2019.

АНТОНИМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ КОМПАРАТИВНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В РОССИЙСКО-НЕМЕЦКИХ ДИАЛЕКТАХ

Л.И. Москалюк, О.С. Москалюк

Ключевые слова: диалекты российских немцев, диалектная фразеологическая антонимия, компаративные фразеологизмы, компоненты фразеологических антонимов, семантическая структура фразеологизмов

Keywords: dialects of Russian Germans, dialect phraseological antonymic, comparative phraseological units, components of dialect phraseological antonyms, semantic structure of phraseological units

[https://doi.org/10.14258/filichel\(2026\)3–09](https://doi.org/10.14258/filichel(2026)3–09)

Введение

Диалект как устная форма общения говорящих на этом диалекте характеризуется индивидуальностью, образностью, яркостью и эмоциональной насыщенностью. Это объясняется использованием большого количества выразительных средств, включая в том числе фразеологические средства выразительности, к которым относится и фразеологическая антонимия.

За основу исследования взяты диалектные фразеологизмы островных немецких говоров, носители которых проживают в настоящее время в Немецком национальном районе Алтайского края, где были зафиксированы примеры употребления исследуемых фразеологизмов.

В данном исследовании мы рассматриваем компаративные диалектные фразеологизмы, которые представляют собой двухкомпонентные единицы сравнительной семантики, первый компонент которых называет то, что сравнивается, а второй компонент — это сама сравнительная часть оборота. Обе части фразеологизма соединяются союзом или союзным словом, ср.: [Панкратова, 2005, с. 38–39]. В литературном немецком языке в большинстве устойчивых сравнений используется союз *wie*. Союз *als* встречается в подобных конструкциях в том случае, если в качестве первого компонента выступают прилагательные в сравнительной степени или в качестве второго компонента используют придаточные нереального сравнения. Остальные сравнительные союзы (*als ob*, *wie wenn*, *je ... desto*) употребляются редко. В диалектной речи каждый из союзов *wie* и *nem. os* могут использоваться, переда-

вая значения союзов лит. нем. *wie* (сравнение равенства) и *als* (сравнение неравенства). Кроме того, в диалектах российских немцев встречаются союзы *als wie wann, os wann, so ... so, je ... je*.

Материал и методы исследования

Материалом исследования послужил авторский корпус аудиозаписей носителей верхне- и нижненемецких диалектов, полученных при помощи интервью [Москалюк, Москвина, Трубавина, 2014], а также анкеты, содержащие диалектные фразеологизмы, собранные во время диалектологических экспедиций в села Немецкого национального района Алтайского края. Последняя экспедиция проводилась в 2025 г. В общей сложности исследуемый материал включает 205 фразеологизмов сравнения, отобранных методом сплошной выборки, 38 из них образуют антонимические пары, т.е. антонимия менее характерна для компаративных фразеологизмов, чем синонимия [Москалюк, 2024], но все же представлена достаточно широко. Для сопоставления с литературным немецким языком использовались фразеологические словари немецкого языка [DUDEN, 1992; Küpper, 1993; Röhrig, 2001].

Обращение к не подвергавшейся до сих пор подобному лингвистическому анализу устной речи российских немцев, проживающих в компактных поселениях Алтайского края, описание и анализ антонимических отношений фразеологизмов в речи немцев Сибири представляет научنو новым и актуальным.

В работе для определения особенностей антонимических отношений диалектных фразеологических единиц использовались такие частные методы языкознания, как метод фразеологического описания, метод контекстуального анализа, метод компонентного анализа, метод оппозиций, а также элементы метода лингвокультурологического анализа фактического материала. Это позволило описать структуру и семантику исследуемых фразеологизмов, определить их структурное, семантическое и экспрессивно-стилистическое своеобразие на основе употребления в диалектной речи, выявить компоненты, которые лежат в основе создания антонимических отношений фразеологических единиц, определить национально-специфические особенности исследуемых фразеологизмов.

Результаты исследования

Богатый словарный запас, который служит в диалекте для описания повседневных явлений окружающей действительности, несет в себе большую выразительную силу. Желание точно и метко выражать свои

мысли, стремление к образности и наглядности приводит к расширению в диалекте большого пласта эмоционально насыщенной лексики и фразеологии, которая является объектом исследования. Наш анализ сосредоточен на анализе диалектных сравнительных фразеологизмов, которые образуют антонимические пары. Под антонимами понимаются противоположные по значению лексические единицы, которые служат для обозначения противоположных предметов и явлений объективного мира [Новиков, 1973; Löbner, 2013, s. 236]. В антонимические отношения вступают слова, значения которых имеют общий интегральный признак, который их объединяет, и противоположные дифференциальные признаки, по которым они противопоставляются друг другу [Валгина, 2002, с. 14]. При этом антонимами считаются слова, относящиеся к одной и той же части речи. Подобные характеристики отмечаются и у фразеологических единиц, вступающих в антонимические отношения. Вслед за А.В. Куниным мы рассматриваем фразеологические антонимы как «... кореферентные фразеологизмы, относящиеся к одному грамматическому классу, частично совпадающие или полностью не совпадающие по лексическому составу, имеющие общий семантический компонент при наличии полярных значений и различающиеся или совпадающие в стилистическом отношении» [Кунин, 2005, с. 154].

Таким образом, в качестве обязательных признаков фразеологизмов-антонимов рассматриваются регулярная семантическая противопоставленность при наличии соотносительности значений и принадлежность к одной и той же частеречной парадигме. Это означает, что антонимами являются фразеологизмы, обозначающие логически совместимые понятия, имеющие в своих значениях общую часть, относительно которой противопоставлен ряд отличительных признаков [Миллер, 1990; Пестова, 2015; Мардиева, 2020]. Л.М. Готовцева также считает, что сложно говорить об антонимических отношениях фразеологизмов, если они не принадлежат одному лексико-грамматическому классу, и относит их в этом случае не к языковым, а к контекстуальным антонимам [Готовцева, 2019].

В значение фразеологических антонимов входит коннотативный компонент, который позволяет выразить позитивное или негативное отношение говорящего к предмету речи, к ситуации, передать в разной степени оценки, эмоции, стилистические характеристики [Скоморохова, Орлова, 2023, с. 69]. Фразеологические антонимы могут отличаться по степени выразительности, своей эмоционально-экспрессивной окраской, передавая различное отношение к описываемому явлению,

а могут иметь одинаковую эмоционально-экспрессивную окраску при употреблении внутри одного функционального стиля.

В антонимические отношения фразеологизмы вступают друг с другом благодаря наличию в их составе компонентов-антонимов. Компаративные фразеологизмы могут противопоставляться друг другу по первым компонентам двухкомпонентных единиц сравнительной семантики [Мардиева, 2017], которые называют то, что сравнивается, и по значению второго компонента — сравнительной части оборота, содержащего опорные слова фразеологического выражения.

Согласно нашим материалам фразеологические антонимы чаще всего встречаются среди двухкомпонентных адъективных единиц, которые обозначают качества, свойства, признаки предмета. Прилагательные, которые входят в состав адъективных компаративных фразеологизмов в качестве первого компонента, могут употребляться как в положительной степени, так и в сравнительной. Они образуют фразеологические выражения сравнения равенства и неравенства и служат основой для противопоставления, в то время как второй компонент выполняет функцию усиления признака, выраженного первым компонентом. Существительные в таких фразеологизмах стоят в форме единственного числа.

Например¹⁰: *bitter* ‘горький’ — *süß* ‘сладкий’,

внем.¹¹ *bitter wi Galle* ‘sehr bitter’. Букв. ‘горький как желчь’. Желчь — очень горькая на вкус, выделяемая печенью и накапливаемая в желчном пузыре жидкость, которая может вызывать неприятное чувство горечи во рту. Это ощущение послужило основанием для образования устойчивого сравнения с прямым и переносным значением:

1) ‘sehr herb (Geschmack)’; ‘горький на вкус’; 2) ‘hart, schmerzlich’; ‘приносящее много горя (событие)’.

Противоположный по значению сравнительный фразеологизм:

внем. *Sis wi Honig*: 1) ‘sehr süß’; ‘очень сладкий на вкус’; 2) *sehr angenehm*; ‘очень приятное (событие); как мед на душу’. Букв. сладкий как мед. Мед — сладкий, густой, вязкий продукт, вырабатываемый пчелами. Противопоставление этих антонимов-фразеологизмов наблюдается в пословице: *Rede is sis wi Honig un bitter wi Galle*, рус. яз.

¹⁰ Здесь и далее для сопоставления с литературным немецким языком использовались фразеологические словари немецкого языка: [DUDEN, 1992; Küpper, 1993; Röhrig, 2001].

¹¹ Здесь и далее в статье использованы следующие сокращения: букв. — буквально; внем. — верхненемецкий (диалект); диал. — диалект; лит. нем. — литературный немецкий (язык); ннем. — нижненемецкий (диалект); разг. — разговорный; рус. яз. — русский язык.

‘Язык сладкий, как мед, и горький, как полынь’. В немецком языке горечь сравнивается с желчью, а в русском с полынью. Когда говоришь другому что-то приятное, самому тоже становится приятно, а когда от твоих слов обидно другому, и тебе это не может доставить удовольствие. Но иногда люди ведут внешне сладкие, как мед, разговоры, которые подразумевают горькие, неприятные, как желчь, вещи. Фразеологические антонимы образованы по одной модели.

Другие примеры антонимов-фразеологизмов, образованных по этой же модели и выполняющих адъективную функцию, передают противоположные значения:

böse ‘злой’ — gutherzig / freundlich ‘дружелюбный / добрый’.

Основу для противопоставления образуют прилагательные, компоненты диалектных фразеологизмов *bes / doll — freindlich / frintlich*:

нем. *doll os en Boll / en Boa*; внем. *bes wi en Boll / en Bää* ‘sehr böse; ‘очень злой’; букв. ‘злой как бык / медведь’, ср.: рус. яз. ‘злой как собака / волк’. Существительные-зоонимы, приобретая метафорическое значение, используются во многих фразеологических выражениях для характеристики человека. Метафоризации часто подвергаются слова, которые служат для названия животных [Так, 1988, с. 15].

внем. *freindlich wi en Engel*, нем. *frintlich os en Enjel* ‘gutherzig’, ‘дружелюбный’ (о добрых людях). Букв. ‘добрый, как ангел’;

glatt ‘гладкий’ — *rauh* ‘шершавый’.

Основу для противопоставления образуют прилагательные, компоненты фразеологизмов *glatt — rauh*:

внем. *hat Händ glatt wi n Kinderpopo* / нем. *Hut os en Tjinjanoaschtje* — внем. *rauh / hart wi n Reibeise* / нем. *os n Riwisa*.

Фразеологизм *glatt wi n Kinderpopo / os en Tjinjanoaschtje* имеет значение ‘sehr glatt (über die Haut), очень гладкий’. Букв. ‘... как детская попа, попа маленького ребенка’.

Фразеологический синоним внем. *hat Händ glatt wi bei Pater*. Букв. ‘(руки) гладкие, как у попа’ подразумевает, что человек имеет такую гладкую кожу, как будто он никогда не работал физически.

Противоположное значение имеет фразеологизм:

внем. *rauh / hart wi n Reibeise* / нем. *hoat os n Riwisa* ‘sehr rauh; ‘шершавый, имеющий неровную поверхность, негладкий на ощупь (о коже)’, букв. ‘шершавый, шероховатый, как терка (о коже человека)’. Под солнцем, от тяжелой работы кожа твердеет, стягивается, грубеет на лице и руках, она становится шершавой (о тактильном восприятии). Неровная поверхность кухонного прибора терки *Reibeise / Riwisa*. служит

основанием для подобного сравнения и противопоставления гладкой коже ребенка.

В отличие от литературного языка диалект не имеет большого количества фразеологизмов, относящихся к тематическим группам, передающим положительные характеристики человека. Для диалекта свойственно уточнение языковых средств, служащих для выражения негативных качеств, черт характера. Поэтому при противопоставлении значений фразеологизмов положительная характеристика передается, как правило, одним-двумя фразеологическими выражениями, отрицательная целым рядом синонимов, например:

reich 'богатый' — arm 'бедный'.

Фразеологизм внем. *Geld wi Hei / Dreck hun*, ннем. *Jeld os Hei / Mist ha* употребляется для передачи значения 'sehr reich sein', 'быть очень богатым'. Букв.: 'иметь денег как сена, навоза', т.е. в изобилии, он передает сравнение ценного предмета денег *Geld* с обычным, широко распространенным в сельской местности, поэтому не имеющим большой ценности предметом — сеном *Hei*.

Противоположное значение передает компаративный фразеологизм внем. *arm wi e Kirchmaus*, ннем. *oam os ne Tjetjemus*, ср.: лит. нем. *arm wie eine Kirchenmaus* 'sehr arm; mittellos'; 'очень бедный, неимущий (человек)', букв. 'бедный как церковная мышь'. Фразеологическая единица разг.-диал. *arm wi e Kirchmaus*, *oam os ne Tjeatjemus* входит в ряд фразеологических синонимов, передающих социальные отношения в обществе: *arm wi Job / Lazarus* 'sehr arm'; 'очень бедный', библейские выражения. Букв. 'бедный как Йов / как Лазарь'.

Анализируемые антонимы-фразеологизмы имеют разговорную окраску, являясь стилистически нейтральными, они характеризуются сниженной экспрессией. Но, передавая эмотивную сниженность значения, фразеологические антонимы могут получать разные оттенки значений от фамильярного до пренебрежительно-грубого. Их стилистическая принадлежность определяется составом компонентов фразеологизма. Если слово со сниженной стилистической окраской является компонентом устойчивого сравнения, то и вся единица получает сниженную окраску:

fleißig 'прилежный' — faul 'ленивый'

внем. *fleißig wi n Biingl, wi n Umens*, ннем. *Flitich / pienich os ne Bi* 'sehr fleißig, arbeitsam, eifrig sein'; 'работающий, трудолюбивый, прилежный (человек)'. Букв. 'трудолюбивый как пчелка, как муравей', лит. нем. *fleißig wie eine Biene sein*, рус. яз. 'трудолюбивый как пчела';

faul wi d Kuh 'sehr faul sein, 'очень ленивый человек, лентяйка'. Букв. 'ленивая как корова'. Рассматриваемый антоним образует, в свою очередь, синонимический ряд, включающий стилистические синонимы:

внем. *faul wi dr Teifel*, ннем. *ful os de Diewel*, букв. 'ленивый как черт'; *faul wi Mist*, букв. 'ленивый как дерьмо'; *faul wi Luder*, букв. 'ленивая как сучка'.

С точки зрения структурно-грамматической характеристики фразеологические антонимы могут быть и структурно разнотипными.

К разноструктурным фразеологизмам-антонимам относятся наречные фразеологические обороты, обозначающие признак действия или признак признака:

vorsichtig 'осторожно' — ungeschickt 'неосторожно / неуклюже'

внем. (*geht*) *wi uf Eier*, ннем. (*zeit*) *os op raue Eia* 'vorsichtig (gehen), sehr behutsam, unsicher; vorsichtig (sein)'; 'осторожно ходить'; в широком смысле: 'осторожно (что-то делать)'. Букв. 'Ходить как по (сырым) яйцам'; Ловкий человек, действующий предусмотрительно, это человек, способный выйти из любой двигательной ситуации рационально и быстро;

внем. *Der machts ungeschickt wi n Bää*, ннем. *os n Boa*, букв. (Он все делает) 'неуклюже как медведь'. Неуклюже означает 'неловко, неповоротливо, нескладно (двигаться)'. Могучий зверь медведь внешне кажется неуклюжим и неповоротливым, наверное, этим объясняется значение большинства фразеологизмов с названием этого животного, например, *tanzt wie ein Bär, auf der Bärenhaut liegen* и др. Хотя этот стереотип не соответствует действительности, ведь медведи, несмотря на то что они выглядят неуклюжими, на самом деле очень ловкие;

schnell 'быстро' — медленно 'langsam'

внем. *wi em Handumdrehe* 'sehr schnell, sofort, unmittelbar darauf, 'очень быстро, мгновенно, мигом', рус. яз. 'не успеешь обернуться', букв. Как руку повернуть;

Синонимичные компаративные фразеологизмы со значением 'быстро':

внем. *wi e Kugel aus dem Gewehr*, ннем. *os e Kugel* 'sehr schnell, 'очень быстро'. Букв. 'как пуля из ружья'; внем. *wi mit Butter geschmiert*, ннем. *daut zeit os met Bota jeschmeat* 'sehr schnell', 'быстро, легко'. Букв. 'как намазанный маслом'; внем. *wi Brezelbacke — Das geht wi Brezelbacke bei dere* 'sehr schnell, einfach'; 'легко, быстро, просто'. Букв. 'Как приготовление кренделей'. Приготовление кренделей считалось легким и быстрым делом, они быстро подрумяниваются в печи; ннем. *wachj os ene*

Retz jerutscht. Букв. 'как в щель закатиться'; ннем. *schwind done os de Hunj fetje*. Букв. 'что-то делать быстро, как накормить собак'.

Противоположное значение 'медленно' выражает компаративный фразеологизм:

ннем. *Langsaum os de Middach*, внем. *langsam wie n Schillkrot* 'schwerfällig', 'очень медленно'. Букв.: 'медленно (двигаться) как в полдень / как черепаха'. Значение первого компонента фразеологизма *langsam* усилено сравнением с серединой дня, когда уже не хочется ничего делать, с черепахой, передавая медлительность совершения какого-то действия, ср.: рус. яз. 'медленно, неторопливо, как черепаха'. Последний фразеологизм заимствован из русского языка. В немецком языке медлительность действий сравнивается с улиткой, напр.: лит. нем. *wie eine Schnecke kriechen* 'очень медленно передвигаться'. Букв. 'ползти как улитка'.

Структурно разнотипные фразеологические антонимы в наших материалах чаще всего встречаются среди глагольных единиц. Глагольные фразеологические обороты обозначают действия, состояния, например:

sich fürchten 'бояться' — '*unerschrocken sein*', 'ничего не бояться'.

Значение 'очень сильно бояться' передается в российско-немецких говорах полными синонимами-фразеологизмами: внем. *Der furcht sich drvor wi der Teifel das Weihwasser* / *Kreiz*: 'etw. sehr fürchten', 'очень сильно бояться'. Букв. 'бояться, как черт святую воду / крест'. Эти фразеологические выражения относятся к одноструктурным синонимам, так как отличаются только одним компонентом *Kreiz* / *Weihwasser*, лежащим в основе создания в каждом случае нового образа.

Значение 'очень сильно бояться' может быть передано и разнотипными синонимви:

ннем. *Etj ha Angst un Bang os Has*. Букв. 'Он боится как заяц';

ннем. *He seht us, os wi wann he de Betjse voll ha / os wi wann ahm de Unabetjse zettre*. Букв. 'Он выглядит, как будто наложил полные штаны / как будто у него подштанники трясутся'.

Противоположное значение 'ничего не бояться' выражает компаративный фразеологизм:

внем. *springt wi n Tiger*, ннем. *os Tiea*. Букв. 'прыгает, сражается как тигр';

sich gut auskennen 'очень хорошо разбираться в чем-то' — *sich nicht auskennen* 'не разбираться'

внем. *di vrsteht so viil drvon, wi di Kuh vom Sonntag*, ннем. *Weet so vel os de ole Koh vom Sundach* 'sich nicht auskennen', 'не разбираться в чем-то,

не знать чего-либо'. Букв. 'Она разбирается в этом как корова в воскресных днях'.

Противоположное значение 'sehr gut beherrschen, können, verstehen'; 'знать очень хорошо, до мелочей, вдоль и поперек, во всех подробностях, как свои пять пальцев' выражают компаративные фразеологизмы:

нем. *He tjannt sech doumet ut, os ene ejenje Fur.*, Букв. 'Он разбирается (ориентируется) в этом как в своем кармане';

нем. *Dem tjan etj os min tjlina Finja.* Букв. 'я знаю его как свой мизинец'.

Анализируя семантические отношения антонимических пар, можно отметить, что среди них встречаются как комплементарные, так и контрарные антонимы. При передаче контрарных отношений фразеологические антонимы на шкале возможностей обозначают крайние точки полярной оси, при этом между антонимическими полюсами есть переходные промежуточные ступени. При комплементарных отношениях фразеологизмов-антонимов промежуточные ступени невозможны. Это обозначает, что значение одного фразеологизма отрицает значение другого, и наоборот [Knipf-Komljsi 2003, s. 157].

Комплементарные отношения передают фразеологические антонимы со значением

'gut leben'; 'жить хорошо, в довольстве' — 'sich durchhungern';

'плохо жить, голодать'

внем. *lebt wi di Made im Speck*, нем. *Fehlt sech os de Mod em Schmea* 'gut / in Wohlstand leben, im Überfluss leben; sehr behaglich'; 'жить в довольстве, в богатстве'. Букв. 'Живет / чувствует себя как моль в сале'. В русском языке закрепился другой образ: рус. яз. 'как сыр в масле кататься'.

Фразеологизмы-антонимы со значением 'плохо, тяжело жить, голодать' образуют синонимический ряд:

внем. *nackt und blo wi ein gerupter Hahn sin.* Букв. 'быть как общипанный петух, голый и голубой';

нем. *kratjt so os he haft nich det Solt operem Ei.* Букв. '(Живет), как будто у него нет даже соли посолить яйцо';

нем. *kratjt so os he piept operem latzten Loch.* Букв. '... как будто он пищит у последней дырки';

нем. *kratjt so os etj sie utjemaltje.* Букв. '... как полностью выдоена'.

Передача негативной и позитивной ситуации сравнительной частью членов антонимических пар является основанием для выделения в значениях фразеологизмов дифференциальных признаков. Оппозиция 'жить в полном довольстве' — 'жить бедно, голодать' основывается на логическом противопоставлении понятий 'в достатке' и 'бедно'.

Соответствующие дифференциальные признаки передают противоположность значений антонимических фразеологических единиц. В качестве интегрального семантического признака антонимической парадигмы выступает 'характеристика условий жизни человека'. Фразеологизмы имеют разную структурную организацию, антонимы используются в широком контексте;

'*hart, tüchtig arbeiten*'; 'трудиться, много работать' — '*faulenzten*'; 'мало работать, бездельничать'

Значение 'трудиться, много работать' передают фразеологизмы: внем. *schafft wi n Gaul/ wi n Jochochs*, ннем. *schauft os n Pied / en Os*. Букв. 'вкалывать как лошадь, как яремный бык'; '*übermäßig, intensiv, hart, angestrengt arbeiten*'; '*bis zur Erschöpfung arbeiten*'; 'работать напряженно, тяжело, не покладая рук, до изнеможения'. Диалектные синонимы рассматриваемого синонимического ряда со значением 'тяжело работать' отличаются только существительными *Gaul / Pied — Jochochs / Os*. Эти фразеологизмы имеют полные соответствия в немецком литературном языке и в русском языке: лит. нем. *arbeiten wie ein Pferd / Ochs*, рус. яз. 'работать как лошадь / как вол'. Сравнение человека с такими рабочими животными, как лошадь и вол, показывает, что он выполняет непосильную работу.

Напротив, сравнение человека с птичками передает значение 'ничего не делать, бездельничать':

внем. *der lebt wi n Vogel in Hanf*, ннем. *os en Voajel 'ohne Sorgen leben; sich nicht zu Tode schaffen*'; 'жить беззаботно, не трудясь'. Букв. 'жить как птица в конопле';

внем. *Geschafft hun di wi e Paar Rehrspatze* 'faulenzten'; 'бездельничать'. Букв. 'Работали как пара воробьев, т.е. никак'.

Фразеологические антонимы со значениями 'трудиться' и 'бездельничать' образуют комплементарные противоположности, они объединяются общим интегральным признаком 'способность работать как характеристика человека' и противопоставляются дифференциальными семантическими признаками их значений 'много', 'тяжело', 'усердно' и 'мало', 'не напрягаясь'. В значении второго члена антонимической пары представлен семантический признак отрицания 'не', который также является определяющим для установления антонимических отношений. Фразеологические антонимы относятся к разноструктурным по форме, они могут употребляться в широком контексте. Оба компонента антонимической парадигмы развивают синонимические отношения.

Контрарные антонимы, выражают полярные противоположности внутри одной сущности при наличии переходных звеньев, внутренней градации, например:

alt 'старый' — jung 'молодой'

внем. *alt wi dr Deeringre Wald* 'sehr alt', 'очень старый' (букв. 'старый, как Тюлингский лес'). Между рекой Верра и долиной реки Родах находится «зеленое сердце» Германии — горная гряда Тюрингский лес, покрытая древними лесами.

Фразеологизм образует синонимический ряд с компаративными фразеологизмами библейского происхождения:

внем., ннем. *Wi / os Maduselämmje* 'sehr alt', 'очень старый'. Букв. '(старый) как Мафусаил', ср.: лит. нем. *Methusalem*, рус. яз. 'Мафусал или Мафусаил' — в Библии, один из праотцов человечества, сын Еноха, потомок Сифа; был дедом Ноя. Он прославился своим долголетием, прожив 969 лет и став старейшим из людей:

внем. *wi in biblische Alter sei* 'sehr alt sein', 'быть очень старым'. Букв. 'быть как в библейском возрасте'.

Полярное значение передает антоним-фразеологизм:

внем. *wi ein junger Hund*, ннем. *flauta os en junga Hund* 'sehr jung', 'очень молодой, юный'. Букв. 'как щенок'. Когда говорят про зрелого опытного человека, то сравнивают его возраст с горами, с древним Тюрингским лесом, с древними библейскими персонажами, а сравнение со щенком символизирует молодость и глупость. Молодой щенок без остановки лает без причины, так как он глуп и лезет туда, куда не нужно. Ср.: рус. яз. 'старый волк, его не проведёшь — глупый щенок'.

Оба ряда антонимических сравнений передают общий семантический признак: возраст (Alter), дифференциальными полярными семантическими признаками являются: молодой — старый, благодаря которым фразеологизмы вступают в антонимические отношения;

dumm 'глупый' — klug 'умный'

внем. *dumm wi n Schof, dumm wi n Hingel, dumm wi ne Gans, dumm wi ne Kuh, dumm wi n Ochs*, ннем. *ful os en Os, en Esel* 'sehr dumm (über eine dumme Frau; ein dummes Mädchen, einen dummen, einfältigen, sturen Mann)'; 'очень глупая, глупый' (букв.: 'глупый / глупая как овца / как курица / как гусь / как корова / как бык / осел').

К синонимической группе относится компаративный фразеологизм, отличающийся от вышеназванных строением:

ннем. *he es os vom Topp jefolle* 'dumm sein', 'быть глупым'. Букв. 'Он как будто с горшка упал'.

К контрарным антонимам, передающим противоположное значение, характеризующее ум человека, относятся:

внем. *weis, klug wi Salomo / wi Gott*, нем. *kluek os Salomo* 'sehr klug', 'очень умный' (букв. 'Как Соломон / как бог'). Эти библейские выражения является общенемецкими;

geschwätzig 'болтливый' — *schweigsam* 'молчаливый'

Синонимический ряд разноструктурных синонимов со значением 'болтливый' представлен фразеологизмами:

внем. *Des is wi n Wassertreter* 'pausenlos reden'; 'много, без перерыва болтать' (букв. 'толочь воду в ступе');

ввнем. *schnawelt wi n Ent / schnautascht os ne Ent* 'pausenlos reden; 'много, без перерыва болтать' (букв. 'трещать как утка');

внем. *dere geht s Maul, als wie wann s mit Entefett gschmiert wär* 'eine geschwätzige Person; 'болтливая женщина' (букв. 'У нее рот как-будто утиным жиром намазан');

внем. *di hot e Maul wi n Endeschnauwel / n Endetresor / schnawelt wi n Entetresor* 'geschwätzig sein: 'много, без перерыва болтать'. Букв. 'У нее рот, как утиный клюв, у нее рот не закрывается, как у утки; трещит как утка'.

Болтливость ассоциируется в немецком языке с уткой (букв. трещит как утка), а в русском языке с сорокой: рус. яз. 'болтливая как сорока'.

Рассмотренные синонимы вступают в антонимические отношения с фразеологизмами:

внем. *Is stumm wi en Klotz / n Fisch*, нем. *os en Fesch* 'schweigsam, ganz stumm'; 'молчаливый, немой' (букв. 'немой как колода / как рыба'),

внем. *still wi n Grab* 'schweigsam; молчаливый'. Букв. 'Тихий, молчаливый как могила'.

Соответствующие пары образуют контрарные разноструктурные антонимы. Болтливость при этом соотносится с глупостью, а молчаливость с умом. Это отражается в поговорке: нем. *Lewe stomm os domt*. Букв. 'Лучше молчать, чем показать себя глупым'.

Первые однокорневые компоненты антонимичных компаративных фразеологизмов, вводящие сравнения, могут отличаться только наличием отрицания, переданного приставкой, прибавляемой к исходному слову:

gleich 'похожи' — *ungleich* 'непохожи'

внем. *Ungleich wi Tach un Nacht* 'ganz verschieden', 'очень сильно различаться' (букв. 'как день и ночь');

внем. *Ungleich wi Summa un Winta* 'ganz unterschiedlich', 'очень сильно отличаться' (букв. 'как лето и зима');

внем. *wi en Ei dem anere gleich / ähnlich is* 'ganz gleich / ähnlich sein; совершенно, очень сильно похожи' (о полном, обычно внешнем, сходстве лиц, предметов, явлений), ср.: рус. яз. 'похожи как две капли воды'. Синонимичный фразеологизм *Sie ware gleich/so ähnlich wi zwei Wassertrobe / jlitje sech os twee Wotadreppe*. Букв. 'Они были так похожи, как две капли воды', заимствован в диалект российских немцев из русского языка. В этом случае имеется в виду, что какое-то лицо, предмет, ситуация имеет полный аналог в виде другого лица, предмета, ситуации по определенному признаку.

Большая часть антонимов-фразеологизмов используется в диалектной речи в широком контексте, противопоставляясь друг другу, но компаративные фразеологизмы могут объединяться на основе антонимических отношений в поговорках, образуя более сложную структуру, когда два сравнительных оборота соединяются союзом *bald ... bald* или *sozными словами*:

внем. *bald wi n Härje, bald wi n Bärje* 'nicht fein spinnen', 'неровно прядет, то толсто, то тонко'. Букв. 'То как волосок, то как медведь';

внем. *Vorne wi n Engel, hinne wi n Bengel*. Букв. 'Впереди как ангел, сзади как озорник'. Так говорят об озорниках-мальчишках, которые внешне похожи на ангелов: ср.: нем. *Er ist ein Engel mit einem B davor*. Фразеологизм построен на игре слов: *der Engel* — ангел, *der Bengel* — озорник, *n Bengel* 'unerzogenes freches Kind, шалун, проказник, непоседа, сорви-голова'. Фразеологизм передает шутливо-ироническое отношение к мальчишкам-озорникам, которые выглядят как "ангелочки".

Ннем. *so veel mea Jeld, so veel wenje sittst dat*, букв. 'Чем больше денег, тем меньше ты их видишь'. Антонимичные отношения компонентов фразеологизма основываются на противопоставлении значений наречий *mea* — *wenje* 'больше — меньше'. У богатого человека деньги «рабotaют», чем он богаче, тем меньше у него наличных денег.

Фразеологизмы такого рода образуются благодаря противопоставлению отдельных компонентов фразеологического сочетания, при этом антонимические отношения этих компонентов способствуют созданию целостной характеристики описываемого предмета [Кунин, 1986, с. 184].

Наличие в семантической структуре одного и того же фразеологизма противоположных значений приводит к развитию энантиосемии:

des passt wi e Faust ufe Aag: 1) 'nicht zusammen passen', 'совсем не подходить', 2) 'zusammen passen', 'очень подходить' букв.: 'Подходит как кулак в глаз'. Второе значение, противоположное первому, развилось как ироническое на базе первого. Совмещение в семантической структуре фразеологизма антонимических значений довольно редкое явление.

Заключение

Антонимы-фразеологизмы не нашли такого широкого распространения в диалекте, как синонимы, но все же в количественном отношении занимают значительное место во фразеологическом фонде российско-немецких диалектов.

По своей структурной организации они характеризуются разнообразием формы и широкой вариативностью компонентного состава.

Фразеологические антонимы могут возникать как благодаря антонимии первых компонентов противопоставляемых фразеологизмов, так и благодаря антонимическим отношениям компонентов, выражающих сами сравнения в компаративных фразеологизмах.

Диалектные фразеологизмы могут вступать в антонимические отношения, совпадая или различаясь в стилистическом отношении. Стилистическую принадлежность антонимов-фразеологизмов определяет их компонентный состав. Компоненты устойчивого сравнения со сниженной стилистической окраской придают сниженную окраску всему фразеологизму. Абсолютное большинство анализируемых единиц имеет разговорную окраску с разной степенью ее оттенков от шутильной до грубой, передавая эмоционально-экспрессивную градацию оценочных значений фразеологизмов.

Библиографический список

Валгина Н. С., Розенталь Д. Э., Фомина М. И. Современный русский язык. Москва: Логос, 2002. 528 с.

Гак В. Г. Метафора: универсальное и специфическое // Метафора в языке и тексте. Москва: Наука, 1988. С. 11-26.

Готовцева Л. М. Антонимические отношения в якутской фразеологии // Филология: научные исследования. 2019. № 4. С. 50-56. <https://www.doi.org/10.7256/2454-0749.2019.4.30526>

Закирова Р. М. Структурная классификация антонимов в неродственных языках // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 5. Электронный ресурс <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=14468>

Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка. Дубна: Феникс, 2005. 488 с.

Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка. М.: Высшая школа. 1986. 336 с.

Мардиева Э. Р. Роль компонентов фразеологических единиц в реализации антонимических отношений // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 6 (72). Ч. 3. С. 135–137.

Мардиева Э. Р. Антонимические и синонимические парадигмы в диалектной фразеологии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. № 13 (12). С. 41–44.

Миллер Е. Н. Природа лексической и фразеологической антонимии. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1990. 221 с.

Москалюк Л. И., Москвина Т. Н., Трубавина Н. В. Текстовый корпус островных немецких говоров Алтайского края: основные направления и результаты исследований. Барнаул: АлтГПУ, 2014. 198 с.

Москалюк Л. И., Москалюк О. С. Синонимические отношения компаративных фразеологизмов в российско-немецких диалектах // Филология и человек. 2024. № 4. С. 83–94.

Новиков Л. А. Антонимия в русском языке (семантический анализ противоположности в лексике). Москва: МГУ, 1973. 290 с.

Панкратова С. М. Устойчивые сравнения в немецком языке // Лексикология и фразеология (романо-германский цикл): мат-лы XXXIV Международной филологической конференции, СПбГУ, 2005. Ч. 2. Вып. 4. С. 38–43.

Пестова М. С. Антонимия и полисемия фразеологических единиц // Когнитивные исследования языка. 2015. № 20. С. 877–882.

Скоморохова С. В., Орлова С. Л. Словесный комплекс-прототип как источник коннотативности фразеологизмов // Балтийский гуманитарный журнал. 2023. Т. 12. № 2 (43). С. 68–73.

DUDEN. Redewendungen und sprichwörtliche Redensarten. Idiomatisches Wörterbuch der deutschen Idiomatik. Bearb. V. G. Drosdowski und W. Scholze-Stubenrecht. Bd. 11. Mannheim, Leipzig u.a.: Dudenverlag, 1992. 864 s.

Küpper H. Wörterbuch der deutschen Umgangssprache. 1. Aufl. 5. Nachdr. Stuttgart-Dresden: Ernst Klett Verlag, 1993. 959 s.

Knipf-Komlosi E., Rada R. V., Bernath C. Aspekte des deutschen Wortschatzes. Budapest: Bolcsesz Konzorcium, 2006. 275 s.

Löbner S. Semantik. Eine Einführung. 2. Aufl. Berlin–New York: de Gruyter., 2013. 478 s.

Röhrich L. Lexikon der sprichwörtlichen Redensarten in 5 Bänden. Freiburg, Basel, Wien: Verlag Herder, 2001. 1910 s.

References

Valgina N. S., Rosenthal D. E. Fomina M. I. Modern Russian language, Moscow, 2002, 528 p. (In Russian).

Gak V. G. Metaphor: universal and specific. *Metafora v yazyke i tekste* = Metaphor in language and text, Moscow, 1988, 528 p. (In Russian).

Gotovtseva L. M. Antonymic relations in Yakut phraseology. *Filologiya: nauchnye issledovaniya* = Philology: scientific research, 2019, no. 4, pp. 50–56. (In Russian).

Zakirova R. M. Structural classification of antonyms in unrelated languages. *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya*. = Modern problems of science and education, 2014, no. 5. Retrieved from: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=14468>. (In Russian).

Kunin A. V. The course of phraseology of the modern English language, Dubna, 2005, 488 p. (In Russian).

Kunin A. V. The course of phraseology of the modern English language. Moscow, 1986, 336 p. (In Russian).

Mardieva E. R. The role of components of phraseological units in the implementation of antonymic relations. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* = Philological sciences. Questions of theory and practice, 2017, no. 6 (72), p. 3, pp. 135–137. (In Russian).

Mardieva E. R. Antonymic and synonymic paradigms in dialect phraseology. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* = Philological sciences. Questions of theory and practice, no. 13 (12), 2020. (In Russian).

Miller E. N. The nature of lexical and phraseological antonymy, Saratov, 1990, 221 p. (In Russian).

Moskalyuk L. I., Moskvina T. N., Trubavina N. V. Text case of island German dialects of the Altai Territory, Barnaul, 2014, 198 p. (In Russian).

Moskalyuk L. I., Moskalyuk O. S. Synonymic relations of comparative phraseological units in Russian-German dialects. *Filologiya i chelovek* = Philology & Human, 2024., no. 4, pp. 83–94. (In Russian).

Novikov L. A. Antonymy in the Russian language (semantic analysis of opposition in vocabulary), Moscow, 1973, 290 p. (In Russian).

Pankratova S. M. Fixed comparisons in the German language. *Leksikologiya i frazeologiya (romano-germanskiy tsikl)* = Lexicology and phraseology (Romano-Germanic cycle). Proceedings of the XXXIV international philological conference of St. Petersburg University, 2005, p. 2, iss. 4, pp. 38–43. (In Russian).

Pestova M. S. Synonymy as one of the phenomena of phraseological paradigmatics. *Vestnik Voronezh. gos. un-ta* = Vestnik Voronezh State University, 2016, no. 2, pp. 877–882. (In Russian).

Skomorokhova S. V., Orlova S. L. Verbal complex-prototype as a source of connotation of phraseological units. *Baltiyskiy gumanitarnyy zhurnal* = Baltic Humanitarian Journal, 2023, vol. 12, no. 2 (43), pp. 68–73. (In Russian).

DUDEN. Redewendungen und sprichwörtliche Redensarten. Idiomatisches Wörterbuch der deutschen Idiomatik. Bearb. V. G. Drosdowski und W. Scholze-Stubenrecht, bd. 11, Mannheim, Leipzig u.a., 1992, 864 s. (In German).

Küpper H. *Wörterbuch der deutschen Umgangssprache*, 1. Aufl. 5, Nachdr, Stuttgart-Dresden, 1993, 959 s. (In German).

Knipf-Komlosi E., Rada R. V., Bernath C. *Aspekte des deutschen Wortschatzes*, Budapest, 2006, 275 s. (In German).

Löbner S. *Semantik. Eine Einführung*, 2, Aufl., Berlin–New York, 2013. 478 s. (In German).

Röhrich L. *Lexikon der sprichwörtlichen Redensarten* in 5 Bänden, Freiburg, Basel, Wien, 2001, 1910 s. (In German).

ДОСЛОВНОСТЬ И РАССОГЛАСОВАННОСТЬ: ОГРАНИЧЕНИЯ МАШИННОГО ПЕРЕВОДА ТЕХНИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

А.И. Обухов, С.А. Осокина

Ключевые слова: машинный перевод, технический перевод, терминология, дословность, рассогласованность, сравнительный анализ

Keywords: machine translation, technical translation, terminology, literalism, inconsistency, comparative analysis

[https://doi.org/10.14258/filichel\(2026\)3–10](https://doi.org/10.14258/filichel(2026)3–10)

Введение
Процесс внедрения нейросетевых технологий в разные сферы человеческой жизни происходит все более активно. Данная тенденция затронула и сферу машинного перевода, вследствие чего в различных переводческих сервисах и инструментах возможно наблюдать переход от использования традиционных статистических или гибридных схем к использованию нейросетевых архитектур. Стремительно растет число автоматизированных инструментов перевода, внутренняя логика которых практически целиком опирается на работу с предварительно обученными большими языковыми моделями (Large Language Model). Такие инструменты показывают наиболее достоверные результаты при обработке общеупотребительной лексики и текстов общего назначения, однако при переходе к узкоспециализированным техническим текстам качество перевода существенно снижается.

А.О. Ушакова, обобщая работы отечественных исследователей технического перевода, выделяет следующие виды качества машинного технического перевода: «добротный, полноценный, словарный и интралингвистический» [Ушакова, 2017, с. 23]. По мнению Д.Р. Головки, основным недостатком машинного технического перевода «все еще является сравнительно низкое качество, количество допускаемых ошибок в грамматике и лексике, несвязность итогового текста» [Головки, 2020, с. 28]. При работе с технической документацией, которая требует особого внимания к точности и однозначности формулировок, зачастую недопустимы даже мельчайшие ошибки.

Объектом исследования в рамках данной работы являются особенности машинного перевода технической терминологии с английского

языка на русский. Предмет исследования — лингвистические ограничения, проявляющиеся в виде дословного перевода и терминологической рассогласованности при машинном переводе. Исследование проводится на материале инструкций по эксплуатации трубоукладочной техники на английском языке.

Цель исследования — выявление, классификация и сравнительный анализ ошибок машинного перевода технической терминологии, обусловленных дословностью и рассогласованностью, на материале систем SmartCAT, PROMT Translation Factory и Google Translate, а также определение необходимых мер по минимизации допущения данных ошибок для повышения пригодности машинного перевода в технической документации.

Изучение проблем машинного перевода технической терминологии с применением систем искусственного интеллекта представляет собой актуальное направление исследований, поскольку постоянное развитие систем машинного перевода требует обновления содержания их научного лингвистического изучения. Особое внимание уделяется проблеме типологизации ошибок машинного перевода. Как отмечает А. В. Гребенюк, единого подхода к построению типологии на данный момент нет, а существующие классификации значительно зависят от вида текста, языковой пары и используемой системы, что делает оптимальным не универсальный, а таргетированный подход [Гребенюк, 2024, с. 10]. Данный тезис подтверждается на практике: например, при переводе с использованием систем Reverso, Systran и Microsoft Azure в паре языков арабский — английский возникают устойчивые проблемы с передачей терминологии, идиоматикой и стилистикой [Bououden, 2025, p. 59], а системы DeepL, Яндекс.Переводчик и Google Translate сталкиваются с трудностями в области синтаксиса и лексики при работе с различными парами языков [Бакуменко, Таджибова, 2025, с. 55].

Качество автоматизированного перевода напрямую зависит от типа переводимого текста. Сравнительный анализ переводов при помощи Google Translate показал, что качество перевода технических текстов на 18,57% выше, чем качество перевода художественных текстов [Zhang, 2025, p. 747]. Однако если при переводе художественных текстов основные ошибки связаны с сохранением индивидуального авторского стиля [Маник, 2025, с. 62], то для технических текстов основной проблемой остается перевод узкоспециальной терминологии [Калинина, Коцюбинская, 2025, с. 41]. Отметим, что для технических текстов важно не просто подобрать соответствующий эквивалент в тексте перевода, что требует наличия специальных узкопрофильных знаний у переводчика [Vlasenko, Tolmacheva, 2020, p. 127], но и последовательно употреблять одни и те же

термины на протяжении всего текста перевода — придерживаться принципа согласованности терминологии, или терминологической консистентности (от англ. terminology consistency) [Saliyeva, Sharafova, 2023; Karriyeva, Garriyeva, 2025]. Однако исследование применения систем машинного перевода DeepL и Google Translate показывает, что несогласованное использование терминологии входит в пятерку наиболее частотных ошибок [Šorak, 2024, p. 5]. Google Translate демонстрирует рассогласованность даже при переводе интернациональных технических терминов с латинскими и греческими корнями, которые, как правило, имеют устойчивые эквиваленты в разных языках [Al-Jarf, 2021]. Похожие результаты дает и сравнительный анализ профессиональных CAT-систем (от англ. computer assisted translation) [Kostenko, Lapshina, 2024].

Как подчеркивают В.И. Озюменко и Т.В. Ларина, машинный перевод на основе систем искусственного интеллекта по-прежнему игнорирует социокультурный контекст, не различает переносные значения, недостаточно адекватно интерпретирует фразеологизмы, что делает постредактирование переводного текста абсолютно необходимым [Озюменко, Ларина, 2025, с. 126]. Исследователи из Германии продемонстрировали метод «дообучения» системы машинного перевода с помощью анализа постредактирования, выполненного человеком. Этот метод позволяет модели самой научиться выбирать правильный перевод многозначного термина, основываясь на контексте. В результате снижается потребность во вмешательстве человека и повышается согласованность перевода [Berger, 2025, p. 608].

Проведенный анализ научной литературы показывает, что проблемы дословности и терминологической рассогласованности машинного перевода требуют дальнейшего изучения для выработки более рациональных подходов к повышению эффективности работы переводчика.

Материал и методы исследования

Материалом для анализа послужили тексты инструкций по эксплуатации трубоукладочной техники, характеризующейся высокой плотностью узкоспециальных терминов, аббревиатур и стандартизированных формулировок. Выбор данного материала обусловлен его репрезентативностью: инструкции к тяжелой строительной технике содержат все основные типы терминологических трудностей, с которыми сталкивается переводчик технических текстов. Объем проанализированного материала — 51 460 печатных знаков.

Для проведения исследования были задействованы три переводческие системы на основе машинного перевода: SmartCAT, PROMT

Translation Factory и Google Translate. Выбор систем обусловлен их популярностью и различиями в подходах к обработке терминологии. В частности, SmartCAT представляет собой облачную CAT-среду, объединяющую нейросетевой машинный перевод с пользовательскими терминологическими базами и памятью переводов. PROMT Translation Factory — это корпоративная система гибридного перевода, сочетающая правила, статистические модели и нейросети и поддерживающая загрузку отраслевых профилей и глоссариев в целях соблюдения терминологических стандартов предприятия. Google Translate — общедоступный облачный сервис нейронного машинного перевода, обученный на огромных массивах данных, не предусматривающий пользовательской настройки терминологии и опирающийся на вероятностное предсказание перевода, исходя из широкого контекста. Сравнительный анализ переводов, выполненных несколькими системами, позволяет выявить как общие закономерности, так и специфические недостатки каждой из платформ при работе с технической лексикой.

Ход исследования включает следующие этапы:

- 1) отбор фрагментов текстов, характеризующихся наиболее интенсивным содержанием технических терминов;
- 2) перевод отобранных фрагментов в трех системах с использованием машинного перевода: SmartCAT, PROMT Translation Factory и Google Translate;
- 3) анализ адекватности полученных переводов (установление соответствия с текстом оригинала);
- 4) сравнительный анализ полученных переводов с целью выявления и классификации ошибок, связанных с дословностью и рассогласованностью терминологии.

Для выполнения обозначенных работ использовались следующие методы: метод сплошной выборки для отбора материала с максимальной плотностью технической терминологии; экспериментальный метод, заключающийся в обработке отобранного материала системами машинного перевода; метод сопоставительного анализа, использовавшийся для оценки адекватности полученных переводов; метод классификации и типологизации для группирования выявленных ошибок перевода.

Результаты и обсуждение

В ходе исследования были выявлены и проанализированы следующие группы технических терминов и словосочетаний: наименования компонентов и узлов машины (*track, boom, winch, counterweight, filler cap,*

equalizer bar, final drive, front idler), действия и процессы (*mount, neutral, sound the horn, to tighten hose connections, obtain*), техника безопасности (*tip, do not watch, warning devices, do not attempt to tighten personal injury, severe burns*), числовые параметры и технические характеристики (*normal voltage, ambient temperature range, refill capacities, TBN — total base number*).

В результате проведенного анализа разработана следующая типология наиболее часто встречающихся ошибок систем машинного перевода при работе с узкоспециальными техническими текстами (мы отдаем предпочтение термину «типология», а не «классификация», поскольку выявленные типы ошибок являются пересекающимися множествами, а не изолированными классами):

1. Дословный перевод. Суть ошибок данного типа состоит в прямой передаче формальной структуры выражения на иностранном языке без учета его реального значения в определенном контексте, что приводит к подстановке неуместных эквивалентов. Например, выражение *Electrical Storm Injury Prevention* имеет значение *Предотвращение поражения электрическим током во время грозы*, однако в переводе, выполненном системой Google Translate, каждое слово переведено по отдельности, в силу чего перевод является буквальным и лишенным смысла: *Электрооборудование Шторм Профилактика травм*. Другим примером является перевод фразы *The machine can tip when you work on hills, banks, and slopes*, выполненный PROMT Translation Factory: *Машина может давать чаевые при работе на холмах, берегах и склонах*. В данном случае глагол *to tip*, имеющий первоначальное значение *опрокидываться*, переводится его вторым, сленговым значением *давать чаевые*. Предложение *Do not watch the relief valve to see if grease or oil is escaping* SmartCAT переводит так: *Не следите за предохранительным клапаном, чтобы проверить, не вытекает ли смазка или масло*. Дословный перевод *Do not watch* — *Не следите* искажает смысл исходной фразы, состоящий в предостережении о возможном попадании жидкости в глаза в целях соблюдения техники безопасности.

2. Нераспознавание лексических омонимов. Данную ошибку можно считать особым случаем буквального перевода, при котором автоматизированные системы не способны распознать по контексту омонимичное употребление слова. Так, выражение *Table 1*, фигурирующее в качестве подписи к таблице, обозначает *Таблица 1*, однако система Google Translate перевела данную подпись как *Стол 1* (не распознаны слова-омонимы *table* — *стол* и *table* — *таблица*).

3. Терминологическая рассогласованность. Данный вид ошибки представляет собой передачу одного и того же технического термина разными вариантами перевода на протяжении всего текста. Например, система SmartCAT переводит термин *track* вариантами *направляющая* и *гусеницы* в разных абзацах одного текста, хотя на протяжении всего текста данное слово должно обозначать часть ходовой системы трубоукладчика — *гусеницы*. Система PROMT Translation Factory предлагает такие варианты перевода этого же термина, как *дорожка* и *трасса*, либо полностью пропускает данный термин при переводе. Google Translate предоставляет такие переводы, как *гусеница* и *гусеничная лента*.

Наибольшее количество вариантов рассогласованного перевода имеет слово *machine* — *машина* / *оборудование* / *станок* / *транспортное средство* — данные варианты были предложены системой Google Translate.

4. Смысловые искажения. Подмена исходного сообщения на иное по смыслу высказывание, возникающая из-за неверно распознанных синтаксических связей, омонимических грамматических структур или игнорирования контекстуальных ограничений. Примеры: *Care must be taken to ensure that fluids are contained during inspection...* — *Необходимо следить за тем, чтобы в нем не содержались жидкости* (SmartCAT) — в оригинале речь идет о недопущении протекания жидкостей, при переводе смысл был изменен; *Never straddle a wire cable* — *Никогда не прокладывайте проволочный кабель* (PROMT Translation Factory), *Никогда не садитесь верхом на проволочный кабель* (SmartCAT) — *straddle* в данном случае означает «перешагивать», при переводе произошла смысловая замена.

5. Грамматические ошибки. Системы машинного перевода допускают ошибки при работе с падежными формами, порядком слов, согласованием, управлением, что затрудняет понимание текста и может создавать двусмысленность или делать высказывание совершенно непонятным. Примеры: *Do not attempt to tighten hose connections when the coolant is hot* — *Делать не пытаться к затянуть шланг связи когда охлаждающая жидкость является горячий* (Google Translate); *Install the filler cap* — *Установить тот наполнитель кепка* (Google Translate).

6. Стилистическое несоответствие подобранных лексических единиц и конструкций научно-техническому стилю, например: *This proceeding is a work cycle sound exposure level* — *Этот процесс является уровнем звукового воздействия рабочего цикла* (SmartCAT / PROMT Translation Factory).

Подчеркнем, что выделенные типы ошибок представляют собой пересекающиеся классы и во многом объясняются дословностью перевода, причиной чего, на наш взгляд, является автоматическое разделение целостного текста на строки в системах автоматизированного перевода и отдельная обработка системой каждой строки в отрыве от предыдущего контекста.

Соответственно, такие виды ошибок, как дословность и терминологическая рассогласованность, являются базой для возникновения более частных лексических, грамматических и стилистических ошибок. Буквализм и нарушение терминологической консистентности следует признать не просто наиболее частотными, но и системными видами ошибок автоматизированного перевода. Проведенный анализ показывает, что дословность проявляется практически в каждом предложении преимущественно у Google Translate, а рассогласованность встречается даже у профессиональных систем машинного перевода SmartCAT и PROMT Translation Factory, обученных на специализированных текстах и глоссариях. Данные ошибки выступают первопричиной образования смысловых искажений и грамматических сбоев и поэтому представляют наибольшую опасность при работе с технической документацией.

Для систем машинного перевода, не имеющих в своей базе данных словарь специализированной технической терминологии, характерно стремление к дословному переводу. Система PROMT Translation Factory, функционирующая локально (без доступа к терминологическим базам в сети Интернет), при работе с технической терминологией прибегает к поиску ближайших эквивалентов в общем словаре, при этом контекст может не учитываться в процессе перевода. С.И. Гальченко в своих трудах объясняет, что «причиной недочетов в части передачи исходного содержания может быть не только непонимание или недостаточное понимание этого текста программой, но и просто неудачный подбор переводческого соответствия» [Гальченко, 2013, с. 105].

Анализ ошибок терминологической рассогласованности позволил идентифицировать два подтипа: внутренняя рассогласованность и внешняя (или межсистемная) рассогласованность.

Внутренняя рассогласованность представляет собой системную ошибку, при которой один и тот же технический термин передается разными вариантами внутри текста перевода, выполненного одной автоматизированной системой. Примером внутренней рассогласованности служит перевод выражения *operator's station* системой SmartCAT, которая в разных частях текста использует варианты *пост оператора* и *ка-*

бина оператора, при этом имеется в виду одно и то же место расположения оператора трубоукладчика, которое должно иметь одинаковое название на протяжении всего текста во избежание путаницы. Стандарты написания технической документации требуют использования единообразной терминологии на протяжении всего текста инструкции (в частности, ГОСТ Р 2.105–2019 «Единая система конструкторской документации. Общие требования к текстовым документам»), соответственно, такого же единообразия необходимо добиваться и в тексте перевода. В данном случае для корректного перевода обозначения *operator's station* необходим дополнительный анализ исходного текста, включая содержащиеся в нем рисунки и схемы, чтобы понять, имеется ли в виду внешний по отношению к трубоукладчику пост оператора или кабина оператора как составная неотъемлемая часть трубоукладчика.

Внешняя, или межсистемная, рассогласованность представляет собой перевод одного термина разными вариантами, предлагаемыми разными системами машинного перевода. Так, упомянутую выше номинацию *operator's station* система Google Translate переводит вариантами *рабочее место оператора / кабина / станок*, а PROMT предлагает калькированный перевод *станция оператора*. Межсистемная рассогласованность при переводе технической терминологии свидетельствует о различиях в базах данных, на материале которых происходит обучение разных систем перевода, в результате чего каждая система обнаруживает недостаточность сведений для глубокого анализа контекста употребления термина и предлагает свои варианты перевода. Это касается и перевода не только общетехнических слов, таких как *operator* или *machine*, но и более узких технических терминов. Например, термин *capacity* в предложении *do not overload the machine beyond capacity* переводится системой SmartCAT словом *грузоподъёмность* (и это корректный в данном контексте выбор термина для перевода), системой Google Translate — *возможности* (отметим, что в контексте «в пределах возможностей» такой вариант также можно признать корректным, хотя он и является обобщенным), а системой PROMT Translation Factory — *ёмкость* (неточный калькированный перевод, так как подразумевается максимально допустимая масса груза, которую может поднять трубоукладчик, а не объем груза).

Проделанный анализ позволяет составить базу терминов, используемых в текстах по эксплуатации трубоукладочной техники, которые наиболее часто получают рассогласованные варианты перевода (табл. 1).

Таблица 1

**Минимальная база терминов, обнаруживающих внутреннюю
и межсистемную рассогласованность в машинном переводе**

Исходный термин	Google Translate	SmartCAT	PROMT Translation Factory	Рекомендуемый перевод для текстов по эксплуатации трубокладочной техники
<i>Machine</i>	Машина / оборудование / станок / транспортное средство	Машина / станок / тренажер	Машина	Машина
<i>Capacity</i>	Возможности	Грузоподъемность	Ёмкость	Грузоподъемность
<i>Track</i>	Гусеницы / гусеничная лента	Направляющая / гусеницы	Дорожка / трасса	Гусеницы
<i>Final drive</i>	Финал водить машину	Конечная передача / плавная передача	Бортовая передача	Бортовая передача
<i>Tip</i>	Опрокидываться	Опрокидываться	Давать чаевые / опрокидываться	Опрокидываться
<i>Visual aids</i>	Наглядные пособия	Наглядные пособия / визуальные средства	Визуальные средства	Средства визуального контроля
<i>Proceeding</i>	Процедура	Процесс	Процесс	Процедура
<i>Lift operation</i>	Подъемная операция	Эксплуатация лифта	Операция подъема	Операция подъема
<i>Grouser</i>	Грунтозацеп	Грунтозацеп	Почвозацеп	Почвозацеп
<i>Coolant</i>	Охлаждающая жидкость / охлаждающее вещество	Охлаждающая жидкость	Охлаждающая жидкость / хладагент	Охлаждающая жидкость
<i>Front idler</i>	Передний холостяк	Передний направляющий ролик	Натяжное колесо	Натяжное колесо
<i>Equalizer bar</i>	Эквалайзер бар	Выравнивающая планка	Уравнительная балка	Балансирная балка

В таблице 1 приведено только 12 терминов, при переводе которых наиболее часто допускались ошибки рассогласованности в разных системах машинного перевода, однако таких терминов в исследуемом материале гораздо больше. Они распределены в таблице от наиболее ча-

сто встречающихся в текстах технической документации и обладающих более общим значением к более узким терминологическим единицам, связанным с трубоукладочной техникой. Полагаем, что анализ подобных терминологических баз имеет практическую ценность для разработки отраслевых глоссариев по переводу технических текстов конкретной отраслевой направленности.

Не менее важным с практической точки зрения является и статистический анализ встречаемости выявленных типов ошибок. Ниже представлено распределение ошибок по типам в процентном соотношении от общего числа ошибок для каждой системы, а также среднее количество ошибок в процентах для всех трех систем (табл. 2).

Таблица 2

Процентное соотношение разных типов ошибок

№ п/п	Тип ошибки	Система машинного перевода			Среднее по трем системам
		Google Translate	PROMT Translation Factory	SmartCAT	
1	Дословность	65	30	35	43
2	Терминологическая рассогласованность (внутренняя / межсистемная)	20 (15/5)	25 (15/10)	30 (20/10)	25 (17/8)
3	Смысловые искажения	5	15	10	10
4	Грамматические и синтаксические ошибки	8	5	5	6
5	Стилистическое несоответствие	2	25	20	16

Как видно из представленной таблицы, дословность и терминологическая рассогласованность являются наиболее частыми ошибками, допускаемыми при машинном переводе. Появление подобных ошибок в переводах технических текстов недопустимо, поскольку может повлечь неправильную эксплуатацию оборудования и нарушение техники безопасности, поэтому необходимо их устранение посредством постредактирования и использования глоссариев.

Заключение

Приведенные примеры отражают основные проблемы машинного перевода технической терминологии и позволяют сделать определенные выводы.

При машинном переводе технической терминологии все три используемые системы продемонстрировали склонность к дословному переводу и неспособность поддерживать терминологическую согласованность на протяжении всего текста. На выбор способа перевода терминологической лексики влияет значимость лексической единицы в тексте, а также стиль изложения, которого придерживается автор, однако в случае машинного перевода этот выбор часто оказывается случайным или контекстно-независимым.

Наиболее серьезной проблемой является внутренняя рассогласованность, когда одна и та же система переводит идентичные термины по-разному в пределах одного текста. Это может вводить в заблуждение пользователя инструкции и создавать ложное впечатление, что речь идет о разных узлах или процессах. Вероятнее всего, причиной ее возникновения является особенность работы систем машинного перевода — такие системы делят текст на фрагменты и переводят их изолированно друг от друга, что приводит к неоднозначности выбора конечного варианта перевода.

С целью минимизации описанных в работе проблем необходимо составление специальных глоссариев и их загрузка в систему машинного перевода, что позволит не допустить использование более чем одного варианта перевода одного и того же термина. Также необходимо проводить работы по постредактированию с предварительной проверкой согласованности терминов и заменой некорректных вариантов перевода.

Использование систем машинного перевода для работы с техническими текстами — это вполне допустимая практика, если требуется понимание общего содержания, однако для достижения профессионального качества, необходимого в технической документации, обязательным является постредактирование, сфокусированное в первую очередь на устранении дословности и терминологической рассогласованности. Без этого документация будет считаться непригодной для использования в профессиональной сфере.

Библиографический список

Бакуменко Я. Д., Таджибова А. Н. Современные проблемы и решения в области машинного перевода // Успехи кибернетики. 2025. Т. 6. Вып. 2. С. 47–59. Электронный ресурс <https://m.mathnet.ru/php/archive.phtml?wshow=paper&jrnid=uk&paperid=216>

Гальченко С. И. Особенности машинного перевода в российской компьютерной индустрии // Актуальные проблемы социально-гуманитарного и научно-технического знания. 2013. № 1–2 (1). С. 104–106.

Головко Д. Р. Особенности и виды машинного перевода // Вестник Московского информационно-технологического университета — Московского архитектурно-строительного института. 2020. № 4. С. 24–30.

Гребенюк А. В. Проблема типологии ошибок машинного перевода: стремление к универсальности vs таргетированность // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. 2024. Т. 17. № 2. С. 7–25. <https://doi.org/10.55959/MSU2074-6636-22-2024-17-2-7-25>

Калинина С. В., Коцюбинская Л. В. Онтология как инструмент терминологической оптимизации машинного перевода лексики нефтегазовой отрасли // Terra Linguistica. 2025. Т. 16. № 2. С. 41–55.

Маник С. А., Харламова В. А. Современные системы машинного перевода и их роль в передаче авторского стиля (на материале романа В. Набокова «Ада, или Отрада») // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 4. С. 54–64. <https://doi.org/10.46726/H.2025.4.7>

Озюменко В. И., Ларина Т. В. Искусственный интеллект в переводе: сильные и слабые стороны // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2025. № 1. Электронный ресурс <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-v-perevode-silnye-i-slabye-storony>

Ушакова А. О. Специфика технического перевода // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики 2017. № 4. Электронный ресурс <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-tehnicheskogo-perevoda>

Al-Jarf R. S. An Investigation of Google's English-Arabic Translation of Technical Terms // Eurasian Arabic Studies. 2021. № 14. С. 16–37.

Berger N., Eschbach-Dymanus J., Exel M., Huck M., Riezler S. Learning to Translate Ambiguous Terminology by Preference Optimization on Post-Edits // arXiv.org. 2025. 04 Jul. <https://doi.org/10.48550/arXiv.2507.03580>. Электронный ресурс <https://arxiv.org/abs/2507.03580>

Bououden R. Evaluating Arabic-English Neural Machine Translation: Challenges Across Different Text Types // Journal of Languages and Translation. 2025. Vol. 5. № 3. Pp. 59–73. Электронный ресурс <https://asjpcerist.dz/en/article/281750>

Karriyeva Ja. B., Garriyeva N. M. The Issues of Lexical Equivalence in Technical Translation // Современные проблемы филологии и методики преподавания языков: вопросы теории и практики : сборник научных трудов IX Международной научно-практической конференции. Елабуга, 2025. С. 162–166.

Kostenko E. V., Lapshina S. N. Using CAT Programs to Translate Technical Texts // Иностранный язык в сфере профессиональной коммуникации в условиях реальной и виртуальной среды : сб. мат-ов Междунар. конф. преподавателей, студентов и аспирантов (Екатеринбург, 18 апреля 2024 г.). Екатеринбург: Издательский Дом «Ажур», 2024. С. 521–528. Электронный ресурс https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/133714/1/978-5-91256-647-9_2024_067.pdf

Saliyeva Z. I., Sharafova D. Z. Translation of Technical Documents: Problems and Solutions in the English-Uzbek Context // Вестник науки и образования. 2023. № 12–2 (143). Pp. 29–32.

Šorak V. From terminological inconsistencies to major mistranslations: A qualitative analysis of NMT errors in public health communication // AI-Linguistica. Linguistic Studies on AI-Generated Texts and Discourses. 2024. Vol. 1. № 1. <https://doi.org/10.62408/ai-ling.v1i1.15>.

Vlasenko N. I., Tolmacheva I. A. Translation Features of Technical Texts (Examples of Economic Texts) // Russian Linguistic Bulletin. 2020. № 4 (24). Pp. 126–128.

Zhang Z., Syed Abdullah S. N., Redzuan Abdullah M. A., Duan W. Evaluating Google Neural Machine Translation from Chinese to English: technical vs. literary texts // GEMA Online Journal of Language Studies. 2025. Vol. 25, № 3. Pp. 732–754. <https://doi.org/10.17576/gema-2025-2503-09>.

References

Al-Jarf R. S. An Investigation of Google's English-Arabic Translation of Technical Terms. *Eurasian Arabic Studies*, 2021, no. 14, pp. 16–37.

Bakumenko Ya. D., Tadzhibova A. N. Modern problems and solutions in the field of machine translation. *Uspekhi kibernetiki* = Advances in Cybernetics, 2025, vol. 6, iss. 2, pp. 47–59. Retrieved from: <https://m.mathnet.ru/php/archive.phtml?wshow=paper&jrnid=uk&paperid=216> (In Russian).

Berger N., Eschbach-Dymanus J., Exel M., Huck M., Riezler S. Learning to Translate Ambiguous Terminology by Preference Optimization on Post-Edits. arXiv.org. 2025. 04 Jul. <https://doi.org/10.48550/arXiv.2507.03580>. Retrieved from: <https://arxiv.org/abs/2507.03580>

Bououden R. Evaluating Arabic-English Neural Machine Translation: Challenges Across Different Text Types. *Journal of Languages and Translation*, 2025, vol. 5, no. 3, pp. 59–73. Retrieved from: <https://asjp.cerist.dz/en/article/281750>

Gal'chenko S. I. Features of machine translation in the Russian computer industry. *Aktual'nye problemy sotsial'no-gumanitarnogo i nauchno-*

tekhnicheskogo znaniya = Actual problems of socio-humanitarian and scientific-technical knowledge, 2013, no. 1–2 (1), pp. 104–106. (In Russian).

Golovko D. R. Features and types of machine translation. *Vestnik Moskovskogo informatsionno-tekhnologicheskogo universiteta — Moskovskogo arkhitekturno-stroitel'nogo instituta* = Bulletin of the Moscow Information Technology University — Moscow Architectural and Construction Institute, 2020, no. 4, pp. 24–30. (In Russian).

Grebenyuk A. V. The problem of typology of machine translation errors: striving for universality vs targeting. *Vestnik Moskovskogo universiteta* = Bulletin of Moscow University, ser. 22. Theory of Translation, 2024, vol. 17, no. 2, pp. 7–25. <https://doi.org/10.55959/MSU2074-6636-22-2024-17-2-7-25> (In Russian).

Kalinina S. V., Kotsyubinskaya L. Ontology as a Tool for Mashine Translation Terminological Optimization of Oil And Gas Industry Lexis. *Terra Linguistica*, 2025, vol. 16, no. 2, pp. 41–55. (In Russian).

Karriyeva Ja. B., Garriyeva N. M. The Issues of Lexical Equivalence in Technical Translation. *Sovremennyye problemy filologii i metodiki prepodavaniya yazykov: voprosy teorii i praktiki* = Modern problems of philology and methods of teaching languages: issues of theory and practice: coll of scientific papers of the IX International Scientific and Practical Conference, Yelabuga, 2025, pp. 162–166. (In Russian).

Kostenko E. V., Lapshina S. N. Using CAT Programs to Translate Technical Texts. *Inostranny yazyk v sfere professional'noy kommunikatsii v usloviyakh real'noy i virtual'noy sredy* = A Foreign Language in the Field of Professional Communication in a Real and Virtual Environment. International conference, Ekaterinburg, 2024, pp. 521–528. (In English).

Manik S. A., Kharlamova V. A. Modern machine translation systems and their role in conveying the author's style (based on V. Nabokov's novel "Ada, or Ardor"). *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta* = Bulletin of Ivanovo State University, ser. Humanities, 2025, iss. 4, pp. 54–64. <https://doi.org/10.46726/H.2025.4.7> (In Russian).

Ozyumenko V. I., Larina T. V. Artificial intelligence in translation: strengths and weaknesses. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta* = Bulletin of Volgograd State University, ser. 2, Linguistics, 2025, no. 1. Retrieved from: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-v-perevode-silnye-i-slabye-storony> (accessed 12.05.2026) (In Russian).

Saliyeva Z. I., Sharafova D. Z. Translation of Technical Documents: Problems and Solutions in the English-Uzbek Context. *Vestnik nauki i obrazovaniya* = Bulletin of Science and Education, 2023, no. 12–2 (143), pp. 29–32. (In English).

Šorak V. From terminological inconsistencies to major mistranslations: A qualitative analysis of NMT errors in public health communication. *AI-Linguistica. Linguistic Studies on AI-Generated Texts and Discourses*, 2024, vol. 1, no. 1. <https://doi.org/0.62408/ai-ling.v1i1.15>

Ushakova A. O. Specifics of technical translation. *Vestnik Permskogo natsionalnogo issledovatel'skogo politehnicheskogo universiteta. Problemy yazykoznaniya i pedagogiki* = Bulletin of Perm National Research Polytechnic University. Problems of linguistics and pedagogy, 2017, no. 4. Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-tehnicheskogo-perevoda> (In Russian)

Vlasenko N. I., Tolmacheva I. A. Translation Features of Technical Texts (Examples of Economic Texts). *Russian Linguistic Bulletin*, 2020, no. 4 (24), pp. 126–128. (In English).

Zhang Z., Syed Abdullah S.N., Redzuan Abdullah M.A., Duan W. Evaluating Google Neural Machine Translation from Chinese to English: technical vs. literary texts. *GEMA Online Journal of Language Studies*, 2025, vol. 25, no. 3, pp. 732–754. <https://doi.org/10.17576/gema-2025-2503-09>

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

ПОЭТИЧЕСКИЙ ТЕКСТ КАК ИСТОЧНИК ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫХ ВКЛЮЧЕНИЙ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ПЕСЕННОМ ДИСКУРСЕ (НА ПРИМЕРЕ СТИХОТВОРЕНИЯ Р. ФРОСТА «NOTHING GOLD CAN STAY»)

Т.А. Болатов

Ключевые слова: интертекстуальность, интертекстуальный потенциал, паратекстуальность, поэтический текст, песенный дискурс

Keywords: intertextuality, intertextual potential, paratextuality, poetic text, song discourse

[https://doi.org/10.14258/filichel\(2026\)3-11](https://doi.org/10.14258/filichel(2026)3-11)

Введение
Интертекстуальная природа художественного текста продолжает оставаться одним из актуальных направлений научного поиска, будучи предметом изысканий исследователей, работающих в целом ряде гуманитарных областей, включая культурологию, семиотику, литературоведение и языкознание. Особое внимание на сегодняшний день уделяется культурной обусловленности, функциональной направленности, а также когнитивным механизмам, лежащим в основе восприятия и декодирования реципиентом интертекстуальных включений.

В научной литературе существует множество подходов к изучению феномена интертекстуальности, границы между которыми (как в теоретических посылах, так и в методологии) в определенной степени размыты. Так, А.В. Кремнева считает целесообразным выделять структурно-семиотический, культурно-семиотический, семиотико-герменевтический, синергетический, коммуникативный и этнопсихолингвистический подходы [Кремнева, 2017, с. 106].

Структурно-семиотическим подходом руководствовались ученые-постструктуралисты, стоявшие у истоков теории интертекстуальности (Ю. Кристева, М. Фуко, Р. Барт). Данный подход предполагает представ-

ление о тексте как «диалоге сознаний», и, соответственно, центр внимания смещается с автора на сам текст. Как известно, именно этот сдвиг послужил причиной создания и развития Р. Бартом концепции смерти автора [Барт, 1989, с. 384–391].

Культурно-семиотический подход, разработанный Ю.М. Лотманом, предполагает рассмотрение интертекстуальности в контексте некоей культурной памяти, формирующей культурное пространство и влияющей на актуализацию значимости тех или иных текстов в разные эпохи [Лотман, 2000, с. 478].

Согласно же семиотико-герменевтическому подходу, предложенному М. Риффатером, ключевую роль в интертекстуальности играет не автор, а читатель, который устанавливает связи между текстами через призму собственного восприятия. Интертекстуальность, таким образом, реализуется не столько в тексте как таковом, сколько в процессе его восприятия. Этот подход подвергается критике, поскольку он делает интертекстуальность результатом субъективных интерпретаций и в значительной степени ограничивает ее рамками читательского опыта [Comragnon, 2004, pp. 78–82].

С позиций синергетики текст рассматривается в качестве открытой и самоорганизующейся энергетической системы. Следовательно, интертекстуальность понимается исследователями как механизм саморазвития текста и порождения новых смыслов за счет взаимодействия с другими текстами [Кузьмина, 1999, с. 29].

Этнопсихолингвистический подход предполагает изучение интертекстуальности с точки зрения национального мировосприятия и культурной памяти [Шиньев, 2010, с. 81].

Наиболее релевантным в рамках данной работы является коммуникативный подход, в фокусе которого находится взаимодействие адресанта и адресата и роль интертекстуальных включений в процессе коммуникации. Эффективность функционирования межтекстовых связей зависит как от авторской интенции, так и от способности реципиента распознавать и интерпретировать эти связи на основе своего когнитивного опыта [Кошарная, Григорьянова, 2019, с. 20].

В последние годы особенно возрос интерес к изучению проявлений интертекстуальности в песенных произведениях различных жанров. Исследователи все активнее обращаются к анализу разнообразных форм межтекстового взаимодействия в данном типе дискурса. Так, например, М.А. Климова и И.В. Муфазалова рассматривают специфику использования прецедентных феноменов в русскоязычных рэп-текстах, а К.С. Дандерфер проводит анализ функционального потенциала ин-

тертекstem на материале англоязычной поп-музыки, подтверждая тезис о том, что интертекстуальные включения играют важную роль в семантическом обогащении и формировании сюжета песенных произведений [Климова, Муфазалова, 2021; Дандерфер, 2024].

Среди способов реализации интертекста в музыкальном дискурсе ученые отмечают метатекстуальную игру, цитаты и аллюзии, которые дают автору возможность вести «диалог культур», а также открыто или имплицитно выражать свою позицию и воздействовать на общественные взгляды своего времени [Абрамичева, Петраков, 2021, с. 242].

Ключевая особенность музыкально-поэтического дискурса, отличающая его от общепоэтического, заключается в том, что из-за особенностей своей структуры он должен восприниматься аудиально, а не визуально. В рамках музыкально-поэтического дискурса интерпретация сообщения происходит в более широком контексте, включающем музыкальные и вербальные элементы, что требует от слушателя не чтения текста, а его восприятия на слух. Расширение горизонтов для интерпретации и раскрытие глубинных смыслов, заложенных автором в песенный текст посредством создания межтекстовых связей, приносит реципиенту эмоциональное и эстетическое удовлетворение.

«Nothing Gold Can Stay» считается одним из знаковых произведений в творчестве американского поэта Роберта Фроста. Афористический характер стихотворения — малый объем (трехстопный ямб, восемь строк) и смысловая целостность обуславливают его принадлежность к жанру гномы [Пинковский, Камолов, 2019, с. 314–315]. Основная тема и художественный замысел произведения связаны с идеей скоротечности человеческой жизни. Через метафоризацию природных явлений и эпитет «*gold*» (*золотой, золотистый*), который, в свою очередь, выступает метафорой красоты и гармонии, автор рассуждает о недолговечности всего прекрасного. Важными особенностями «Nothing Gold Can Stay» являются концентрированность авторской мысли и гномическая форма, которые отчасти обуславливают его высокий интертекстуальный потенциал и, соответственно, широкое использование в музыкальных композициях в качестве претекста.

Данное исследование выполнено в рамках коммуникативного подхода. Цель работы заключается в рассмотрении особенностей реализации интертекстуального потенциала стихотворения Роберта Фроста «Nothing Gold Can Stay» в современном англоязычном песенном дискурсе. Обозначенная цель предполагает решение следующих задач:

1) сформировать корпус англоязычных песенных текстов, содержащих интертекстуальные отсылки к стихотворению Р. Фроста «Nothing Gold Can Stay»;

2) описать способы вербализации исследуемых интертекстуальных элементов;

3) выявить функциональный потенциал рассматриваемых языковых единиц.

Методы и материалы исследования

Для достижения обозначенной цели были применены обзорно-аналитический и описательно-функциональный методы, а также элементы компонентного и герменевтического анализа.

Отбор практического материала проводился методом контролируемого отбора при помощи интернет-ресурса Genius.com. Был создан корпус из 30 песенных текстов, содержащих разного рода интертекстуальные элементы, источником которых послужило произведение Р. Фроста. В анализируемый корпус вошли тексты композиций таких англоязычных исполнителей, как: *First Aid Kit, Stevie Wonder, Lana Del Rey, Young the Giant, Juniper, Anarbor, Edu Falaschi, Wollko, Current Joys, After the Burial, All Time Low, Oliver Francis, The 1999, The Bouncing Souls, Dave & Friends, Myles Cameron, Alex Parker, The Flatliners, The Getaway Plan, Winterforever, The Mountain Goats, Jay Diem, MC Lars, Seven Places, Winona and the Riders, The Movement, Woodkid, Kesha, Light the Torch, Bodysnatcher*¹².

Результаты исследования

Предварительный анализ практического материала обнаружил наличие паратекстуальных связей между рассмотренными песенными текстами и стихотворением Р. Фроста. Под паратекстуальностью (по Ж. Женетту) понимается отношение художественного произведения к совокупности его околотекстовых элементов (заглавию, послесловию, эпиграфу и т.д.) [Проворова, 2022, с. 242]. Заглавия песен американской группы *Seven Places* и канадского коллектива *Jay Diem* в точности воспроизводят название фростовского стихотворения. Согласно классификации И.Р. Гальперина, «название-цитата» представляет собой одну из форм заглавия, которая отличается особым соотношением концептуально-фактуальной информации [Гальперин, 2006, с. 134]. Можно предположить, что авторы англоязычных песенных текстов

¹² <https://genius.com/>

прибегают к данному приему, поскольку интертекстуальная номинация в определенной степени модифицирует восприятие песни, способствуя формированию ассоциативных связей у реципиента (обладателя соответствующей когнитивной базы) еще до начала непосредственно прослушивания композиции.

Наряду с полным заимствованием заглавия поэты-песенники также используют его грамматические вариации. Так, композиции американских исполнителей *Myles Cameron* и *After the Burial* носят название «*Nothing Gold*», а песни *Stevie Wonder*, *First Aid Kit* и *Kesha* озаглавлены «*Stay Gold*». Как видим, эпитет *gold*, с помощью которого создается наиболее узнаваемый метафорический образ стихотворения, воспроизводится во всех приведенных примерах.

Модификация оригинального названия через использование повелительного наклонения также представляет интерес, поскольку таким образом авторы анализируемых песенных текстов вступают в паратекстуальный диалог с поэтом. Опровергая содержащийся в тексте стихотворения тезис о недолговечности прекрасного и призывая метафорическое «золотое» остаться, авторы выражают свое нежелание мириться с подобным положением вещей.

Сохранение ключевых лексем (*stay*, *gold*), выступающих своего рода «интертекстуальными мостиками», обеспечивает узнаваемость потенциальным слушателем отсылки к «*Nothing Gold Can Stay*», в то время как изменение грамматического наклонения модифицирует последующее восприятие песни, усиливая позитивную коннотацию семантической составляющей текста.

Подобный эффект наблюдается также на внутритекстовом уровне. Так, несмотря на достаточно трагическое содержание фровстовского стихотворения, англоязычные авторы-песенники включают его элементы в свои тексты для создания позитивного окраса, оспаривая умозаключение поэта посредством противительного союза *but*.

This ink is still flowing liquid gold

But they say no gold can stay

But you got me forever (*Alex Parker. ... And The Trees Are Green*)

(Эти чернила все еще текут жидким золотом,

Но говорят, золотое не может остаться,

Но я с тобой навсегда)¹³.

¹³ Здесь и далее цитаты из анализируемых песен даются в прозаическом переводе, выполненном автором статьи. — **Т.Б.**

<...>

*Oh, I was told, I was told****That nothing gold can stay******But*** *your clothes and the way that you talk**Is forever green anyway (Myles Cameron. Nothing Gold)**(О, мне сказали, мне сказали,**Что золотое не может остаться,**Но твоя одежда и то, как ты говоришь,**Все равно будут вечно зелеными)*

<...>

*I heard someone say****That nothing gold can stay******But*** *there's a love in all our souls**And it shines like gold (The Bouncing Souls. The Gold Song)**(Я слышал, как кто-то сказал,**Что золотое не может остаться,**Но наши души наполнены любовью,**И она блестит, как золото)*

Обращение к хорошо знакомому для аудитории произведению, содержащему своего рода общеизвестную истину, формирует у слушателя определенные ожидания. Через контраст между исходным утверждением Фроста (в тексте-доноре) и диаметрально противоположной позицией лирического героя песни (в тексте-реципиенте) авторы добиваются усиления эмоционального воздействия на слушателя.

Создание позитивной коннотации может осуществляться также на лексическом уровне посредством замены отрицательного местоимения *nothing* на неопределенное *everything*, которое подкрепляется модальным сдвигом (*can* — *will*), что делает аллюзивное высказывание более убедительным и категоричным.

*After this fades we falter and discover****That everything gold will stay*** *(The Getaway Plan. Oceans Between Us)**(Когда все померкнет, мы вдруг осознаем,**Что все золотое останется навсегда)*

Представляют интерес также выявленные в ходе анализа эмпирического материала примеры цитирования с атрибуцией. Поэты-песенники прибегают к атрибуции с целью упростить процесс декодирования инородных включений реципиентом. Таким образом, ссылка на авто-

ра источника заимствования выполняет функцию некоего «семиотического ключа» к интертексту. Например:

Frost say nothing gold can stay

I guess you can't measure how much a soul can weigh (The Movement. Golden)

(Фрост говорит, что золотое не может остаться

Полагаю, душу не измерить на весах)

<...>

Frost say Eden — ya know it sank to grief

Don't mean to offend you but it's not my belief (Там же)

(Фрост говорит, Эдем, знаешь ли, погрузился в печаль

Не хочу тебя обидеть, но я так не считаю)

Отметим также случаи так называемой «двойной интертекстуальности», под которой понимается использование «двойной, последовательной отсылки на следующие друг за другом источники референции» [Дреева, Болатов, 2023, с. 43], т.е. случаи, когда автор заимствует элементы, уже являющиеся интертекстуальными включениями в тексте-доноре. Содержащаяся в «Nothing Gold Can Stay» интертекстема — библейская аллюзия на миф об Эдемском саде «*Eden sank to grief*» (Эдемский сад погрузился в печаль), в свою очередь, заимствуется авторами песенных текстов:

Now I miss your smiles

Shining like the sea

Eden sank to grief so dawn goes down (Edu Falaschi. In Sorrow)

(Теперь мне не хватает твоих улыбок,

Сияющих, как море

Эдем погрузился в печаль, и наступает рассвет)

<...>

Eden sank to grief

But sharing an apple's the sweetest relief (Wollko. How Marigolds Grow)

(Эдем погрузился в печаль,

Но поделиться яблоком — самое сладкое облегчение)

Последний приведенный фрагмент представляет собой пример развернутой аллюзии, где исходный аллюзивный компонент получает развитие. Опираясь на прецедентную отсылку в стихотворении Фроста (*Eden sank to grief*), автор вводит в песенный текст дополнительный

элемент, расширяющий аллюзию на библейскую историю о грехопадении — образ запретного плода (*sharing an apple*).

В результате использования «двойной интертекстуальности» поэты-песенники добиваются создания дополнительного уровня смысловой референции, который способствует активации прецедентных знаний слушателя.

Заключение

Как свидетельствуют результаты исследования, поэтический текст, принадлежащий к классическому литературному канону, находит отражение в современной популярной культуре, трансформируясь и подвергаясь реинтерпретации.

Произведение Р. Фроста «Nothing Gold Can Stay» активно используется авторами англоязычных песенных текстов в качестве источника интер- и паратекстуальных включений. Паратекстуальные связи реализуются через полное заимствование названия стихотворения («название-цитата»), а также — значительно чаще — через использование его сокращенных и грамматически трансформированных вариантов с сохранением центральных лексем. Интертекстуальные заимствования на уровне заглавия способствуют активации ассоциативных связей у реципиента еще до непосредственного прослушивания песни, оказывая влияние на ее последующее восприятие.

По итогам исследования обнаружена тенденция англоязычных поэтов-песенников включать в свои произведения элементы «Nothing Gold Can Stay» для создания позитивной коннотации. Данный эффект реализуется с помощью лексико-грамматических средств и возникает за счет противопоставления основной идеи стихотворения Фроста и позиции лирического героя песни.

Установлено, что англоязычные авторы прибегают к использованию «двойной интертекстуальности» в качестве инструмента расширения семантического потенциала песни. Также отмечается включение в композиции атрибутированных цитат, способствующих облегчению распознавания межтекстовых элементов реципиентом.

Библиографический список

Абрамичева Е. Н., Петраков А. А. Реализация интертекста в современном рок-дискурсе (на материале английского и испанского языков) // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2021. Т. 31. № 2. С. 236–245.

Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / пер. с фр. ; сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. Москва: Прогресс, 1989. 616 с.

Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / изд. 4-е, стереотипное. Москва: КомКнига, 2006. 144 с.

Дандерфер К. С. Функциональные особенности интертекстуальных включений в песенном дискурсе (на материале творчества Lana Del Rey) // Филология, иностранные языки и медиакоммуникации : Материалы симпозиума в рамках XIX (LI) Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, Кемерово, 25 апреля 2024 г. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2024. С. 279–283.

Дреева Д. М., Болатов Т. А. Интертекстуальность как характерная черта идиостиля автора песенного текста // Современный ученый. 2023. № 1. С. 41–45.

Климова М. А., Муфазалова И. В. (Потенциально) прецедентные феномены в рэп-баттлах // Коммуникативные исследования. 2021. Т. 8. № 4. С. 790–809.

Кошарная С. А., Григорьянова Т. Интертекстуальность как дискурсивный феномен (от Горация до В. Сорокина) // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2019. № 1. С. 13–26.

Кремнева А. В. Основные направления интертекстуальных исследований и возможные перспективы дальнейшего изучения проблемы межтекстового взаимодействия // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2017. № 3 (116). С. 105–116.

Кузьмина Н. А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. Екатеринбург ; Омск: Изд-во Урал. ун-та, 1999. 268 с.

Лотман Ю. М. Семиосфера. Санкт-Петербург: Искусство-СПБ, 2000. 704 с.

Пинковский В. И., Камолов М. М. Переводы стихотворения Р. Фроста «Nothing Gold Can Stay» на русский язык // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. № 10. С. 314–319.

Проворова А. В. Паратекстуальность как организующий элемент художественного текста (на материале романа Д. Митчелла Ghostwritten) // Современная филология. Социальная и национальная вариативность языка и литературы : мат-лы VII Международного научного конгресса, Симферополь, 7–9 апреля 2022 г. Симферополь: ООО «Издательство Типография „Ариал“», 2022. С. 241–245.

Шиньев Е. П. Интертекстуальность как механизм культурного взаимодействия и социокультурный феномен // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2010. № 1. С. 81–88.

Compagnon A. *Literature, Theory, and Common Sense*. Princeton: Princeton University Press, 2004. 224 p.

Источники

After the Burial. Nothing Gold. Электронный ресурс <https://genius.com/After-the-burial-nothing-gold-lyrics>

Alex Parker. ...And The Trees Are Green. Электронный ресурс <https://genius.com/Alex-parker-and-the-trees-are-green-lyrics>

Edu Falaschi. In Sorrow. Электронный ресурс <https://genius.com/Edu-falaschi-in-sorrow-lyrics>

First Aid Kit. Stay Gold. Электронный ресурс <https://genius.com/First-aid-kit-stay-gold-lyrics>

Jay Diem. Nothing Gold Can Stay. Электронный ресурс <https://genius.com/Jay-diem-nothing-gold-can-stay-lyrics>

Kesha. Stay Gold. Электронный ресурс <https://genius.com/Kesha-stay-gold-lyrics>

Myles Cameron. Nothing Gold. Электронный ресурс <https://genius.com/Myles-cameron-nothing-gold-lyrics>

Seven Places. Nothing Gold Can Stay. Электронный ресурс <https://genius.com/Seven-places-nothing-gold-can-stay-lyrics>

Stevie Wonder. Stay Gold. Электронный ресурс <https://genius.com/Stevie-wonder-stay-gold-lyrics>

The Bouncing Souls. The Gold Song. Электронный ресурс <https://genius.com/The-bouncing-souls-the-gold-song-lyrics>

The Getaway Plan. Oceans Between Us. Электронный ресурс <https://genius.com/The-getaway-plan-oceans-between-us-lyrics>

The Movement. Golden. Электронный ресурс <https://genius.com/The-movement-golden-ft-elliott-martin-lyrics>

Wollko. How Marigolds Grow. Электронный ресурс <https://genius.com/Wollko-how-marigolds-grow-lyrics>

References

Abramicheva E. N., Petrakov A. A. Intertextuality Implementation in Modern English and Spanish Rock-song Discourse. *Vestnik Udmurtskogo Universiteta* = Bulletin of Udmurt University, 2021, vol. 31, no. 2, pp. 236–245. (In Russian).

Barthes R. *Selected Works: Semiotics: Poetics*, Moscow, 1989, 616 p. (In Russian).

Compagnon A. *Literature, Theory, and Common Sense*, Princeton, 2004, 224 p.

Danderfer K. S. Functional Features of Intertextual Elements in Song Discourse (based on the works of Lana Del Rey). *Filologiya, inostrannye yazyki i mediakommunikatsii* = Philology, Foreign Languages and Media Communications: Symposium Proceedings, Kemerovo, April 25, 2024, pp. 279–283. (In Russian).

Dreeva D. M., Bolatov T. A. Intertextuality as an Idiostylistic Feature of a Lyricist. *Sovremennyy uchenyy* = Modern Scientist, 2023, no. 1, pp. 41–45. (In Russian).

Gal'perin I. R. Text as an Object of Linguistic Research, Moscow, 2006, iss. 4, 144 p. (In Russian).

Klimova M. A., Mufazalova I. V. (Potentially) Precedent Phenomena in Rap Battles. *Kommunikativnye issledovaniya* = Communication Research, 2021, vol. 8, no. 4, pp. 790–809. (In Russian).

Kosharnaya S. A., Grigor'yanova T. Intertextuality as a Discursive Phenomenon (from Horace to V. Sorokin). *Nauchnyy rezul'tat. Voprosy teoreticheskoy i prikladnoy lingvistiki* = Scientific Result. Issues of Theoretical and Applied Linguistics, 2019, no. 1, pp. 13–26. (In Russian).

Kremneva A. V. Main Directions of Intertextual Research and Prospects of Further Research of Intertextual Interaction. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* = Bulletin of the Volgograd State Pedagogical University. 2017, no. 3 (116), pp. 105–116. (In Russian).

Kuz'mina N. A. Intertext and its Role in the Processes of Evolution of Poetic Language, Ekaterinburg; Omsk, 1999, 268 p. (In Russian).

Lotman Yu. M. Semiosphere, St. Petersburg, 2000, 704 p. (In Russian).

Pinkovskiy V. I., Kamolov M. M. The Russian Translations of R. Frost's Poem "Nothing Gold Can Stay". *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* = Philological sciences, Issues of theory and practice, 2019, vol. 12, no. 10, pp. 314–319. (In Russian).

Provorova A. V. Paratextuality as an Organizing Element of a Literary Text (based on D. Mitchell's novel Ghostwritten). *Sovremennaya filologiya. Sotsial'naya i natsional'naya variativnost' yazyka i literatury* = Modern Philology. Social and National Variation of the Language and Literature: Conference Proceedings, Simferopol', April 07–19, 2022, pp. 241–245. (In Russian).

Shin'ev E. P. Intertextuality as a Mechanism of Cultural Interaction and a Sociocultural Phenomenon. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov* = Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia, 2010, no. 1, pp. 81–88. (In Russian).

ЗАИМСТВОВАНИЕ КАК СПОСОБ ПОПОЛНЕНИЯ ОНОМАСТИКОНА (НА МАТЕРИАЛЕ СОРТОВЫХ НАЗВАНИЙ ТОМАТОВ)

Ли Тун

Ключевые слова: агронейминг, способы имяобразования, заимствование, иноязычные названия, прагмафитонимы

Keywords: agronaming, methods of name formation, borrowing, foreign-language names, pragmaphytonyms

[https://doi.org/10.14258/filichel\(2026\)3–12](https://doi.org/10.14258/filichel(2026)3–12)

Введение

В лингвистике до сих пор нет единого мнения ни о способах создания имен собственных (далее — ИС), ни о представлении сути каждого из них, что обусловлено во многом разнородностью проприального материала, привлекаемого к анализу. В частности, заимствованием чаще называют использование в качестве ИС иноязычных лексических средств — любых, освоенных и неосвоенных (*Иероглиф, Аджика, Laguna, Coffee, Поляна Хаус*) [Позднякова, 2020, с. 88], либо только варваризмов (*Комильфо, Рич, Nautilus, Super Star*) [Романова, 2007, с. 207], т.е., по сути, речь идет о вовлечении в имятворчество неисконных лексических средств, которые превращаются в онимы усилиями российских номинаторов. Как правило, такой материал изучается в аспекте использования иноязычной лексики в ИС (форма и семантика единиц, причины привлечения к номинации), что вынесено в названия ряда работ [Бутакова, 2013; Емельянова, 2016].

Гораздо реже в исследованиях представлено более узкое понимание этого термина, подразумевающее «пополнение класса онимов» за счет восприятия «**готовых имен** чужого языка» [Суперанская, 2007, с. 71], «иноязычных **имен**» [Подольская, 1990, с. 43]. Во избежание смешения с трансонимизацией предлагаем дополнить первое, четче сформулированное, определение уточнением — *для данной категории объектов номинации (этого типа номинантов)*. Очевидно, что в таком случае приход чужого ИС является следствием введения в инокультурный обиход некой реалии, им поименованной [Иванова, 1973, с. 7; Хоанг, 2018, с. 94], что характеризует некоторые группы имен периферийных зон ономастикона, в том числе **томатонимов** как одной из разновидностей **праг-**

мафитонимов — селекционных названий. При таком понимании заимствования в центр внимания лингвистов выдвигаются проблемы функционирования иноязычных ИС, их адаптации в русскоязычном культурном пространстве, что и определяет цель настоящего исследования.

Материал и методика анализа

Основной источник настоящего исследования — Государственный реестр сортов и гибридов сельскохозяйственных растений, допущенных к использованию, где на 31.05.2024 зафиксировано 3714 культиваров томатов (от англ. *cultivated varieties* — культивируемые разновидности), 18,7% из которых выведены на рынок иностранными компаниями [Госреестр, 2024]. Общая картотека работы, дополненная названиями из материалов других интернет-ресурсов (десятков каталогов агрофирм и частных коллекционеров, форумов любителей-огородников), составляет более 7,6 тысячи наименований.

Значительная часть томатонимов (около четверти от выявленных названий) представлена в источниках номинативными вариантами, в том числе на разных языках: *Бабушкин(о)* / *Granny's*, *Midnight in Moscow* / *Московские ночи*, *White Oxheart* / *Couer de boeuf blanc* / *Weisses Ochsenherz* / *Белое бычье сердце*, что при отсутствии данных о происхождении культивара в ряде случаев серьезным образом затрудняет определение у них первичного (оригинального) имени. Поэтому основное внимание при отборе ИС уделялось наиболее авторитетным материалам. Это прежде всего Госреестр — 696 названий (все переданы кириллицей), где указан разработчик культивара, а также сайты некоторых коллекционеров, с разной полнотой отражающие требуемую для данного анализа информацию. Например: «Американский сорт *Атомный виноград (гроздь) Брэда (Brad's Atomic Grape)*»¹⁴; «Оригинальное название: *Gold Dust*, читается как Голд Даст, дословный перевод — *Золотая пыль*»¹⁵; «*Pearls of Wisdom* — *Жемчужины Мудрости*. Сорт польского селекционера Анны Янковски, второе название *Kozula 130*»¹⁶ и др. Из этих источников было отобрано еще около 300 наименований — сознательное ограничение числа привлекаемых наименований зарубежных сортов обусловлено задачами диссертационной работы, предполагающими исследование прежде всего ресурсов русского языка в селекционном агронейминге.

¹⁴ myazina.ru

¹⁵ ekzotomat46.ru

¹⁶ pomidom.ru

Объект описания в статье — онимы зарубежных сортов и гибридов, в работе они приводятся в той форме, в которой зафиксированы в материалах: *Hillbilly*, *Ox Dessert*, *Кардия*, *Шокостар*, *Алмаз*. Наименования российских сортов (*Киндер*, *Leprechaun Кузюа* (*Лепрекон Кузюа*), *Тойс*) привлекались для верификации результатов освоения иноязычных ИС. Предмет анализа — заимствование как способ пополнения ономастического селекционными названиями томатов, что предполагает выявление форм(ы) функционирования иностранных ИС в культурном пространстве России, способов их адаптации принимающим языком. Основной метод исследования — описательно-сопоставительный, представленный приемами лингвистического наблюдения, интерпретации, классификации, обобщения, статистических подсчетов. В основе анализа лежат положения теории переводоведческой ономастики (ономастического переводоведения) [Ермолович, 2005, 2001; Спачиль, 2021].

Результаты исследования

Как показал материал, в номинации зарубежных культиваров используются разные языки: преимущественно английский (*Romanian*, *Lovers Lunch*), но также итальянский (*Cilieginio a Grappolo*, *Maglia Rosa*), французский (*Bonne Fee*, *Coeur de Surpriz*), немецкий (*Himmelstürmer*, *Märchenengel*), испанский (*Pera Naranja*), румынский (*Bucalate rosii*), сербский (*Медено срце*), болгарский (*Чесновы*), польский (*Злоты дэич*), маори (*Wherokowkai*) и некоторые другие. Функционирование подобных ИС в новой культурной среде, как правило, сопровождается разнообразными адаптационными процессами, «подгоняющими» варваризмы под систему принимающего языка.

По мнению Н.В. Подольской, при восприятии иностранных ИС может происходить «прямое заимствование, калькирование и гибридизация, в результате которой возникает ИС-гибрид, состоящее из элементов двух и более языков» [Подольская, 1990, с. 43]. Реализация этих способов происходит с помощью действия различных принципов «пересечения межъязыковых барьеров» (графического, фонетического подобию, благозвучия, учета национально-языковой принадлежности имени и исторических традиций и др.) [Ермолович, 2001, с. 15–32] и соответствующим им приемам адаптации (транскрипции, транслитерации, транспозиции, калькирования, трансплантации, функциональной аналогии и др.) [Мезенко, 2022, с. 72–73].

Так, собственно заимствование, при котором иностранные названия не подвергаются никаким преобразованиям, — явление исключительное, и практически всегда у такого ИС в других источниках можно об-

наружить варианты в той или иной видоизмененной форме, говорящей о шагах приспособления имени к системе русского языка. Так, *Yellow Stuffer*¹⁷ соответствуют *Еллоу Стаффер*¹⁸, *Желтый стаффер*¹⁹, *Фаршировочный желтый*²⁰. При формально-семантических преобразованиях чужезычных ИС ведущими признаются первые, см.: «Особенность имен и названий ... состоит в том, что при передаче их на другом языке они в основном сохраняют свой первоначальный звуковой облик» [Мезенко, 2022, с. 72].

Перевод на кириллицу (графическая адаптация) иноязычных ИС может осуществляться с опорой на произношение либо на написание последних. К сожалению, определение принципа кириллизации в нашем материале существенно затруднено рядом обстоятельств, главным из которых является отсутствие сведений об оригинальной форме ИС в основном источнике. Тем не менее можно утверждать, что оформление большинства названий зарубежных культиваров, в том числе в Госреестре, соответствует транскрипции, предполагающей сохранение звучания исходного имени: *Амиго*, *Биоранж*, *Боунтис*, *Голд Раиш*, *Дженери*, *Кинг*, *Компетишин*, *Лакшери*, *Шерами*, *Шоко Биг*, *Эдвайзер* и проч. При совпадении произношения с написанием отдельных слов в некоторых языках, особенно в случаях с интернационализмами, можно говорить и о транслитерации в передаче ИС кириллицей: *Амариллис*, *Колибри*, *Мазстро*, *Метро*, *Нектарин*, *Реактор* и др. Так, побуквенное соответствие выявляется у названий французских сортов *Генерал* (ср. [зепекал]), *Джипаулия* (Jiraulia), *Джокер* (joker [dʒoke]), *Капорал* (сарога), японского *Фуджи* (Fuji ['fju:ɕɕi]), английского *Авант* (ср. [э'vənt]) и др. Наиболее последовательно транслитерация наблюдается при передаче:

а) топонимов и антропонимов: *Бельмонте Куор* (Belmonte Cuore), *Колорадо* (Colorado), *Сейнт Анна* (['æпə]), *Платон* ([platɔ̃]), *Неифан* (Neifan) и др.;

б) слов с затемненной внутренней формой: *Фероковкай*, *Поззано*, *Ауэрмуом Ангуэ* (*Auerthuom Argue*);

в) названий инициально-нумеративного типа: *ЗСО*, *БНТФ*, *ТТ 754*, *АДВ 12076*, *НУН 09085*.

¹⁷ pomidom.ru

¹⁸ 1000-tomatov.ru

¹⁹ nashsad-shop.ru

²⁰ sortseeds.ru

Неполное соответствие фонемного и графемного составов языковых систем ведет к сосуществованию в практике коммуникации разных вариантов адаптируемых названий типа *Беби / Бэби / Бэйби Тайгер, Хайнц / Хайнз 3402* (<Heinz), *Пом Свит Канди / Кэнди, Пери Наранха / Наранья, Маунтин Мейджик / Пинк Мэджик* и др. Особенно это заметно в случаях частотно употребляемой лексики в названиях: *Пинк харт, Беркли Тай Дай Хаат / Хаарц, Дабл Хат* и др. Наиболее регулярно являются случаи непоследовательной передачи:

1) йотации гласных (*Балкони ело, Елоу мими — Йелоу Ривер, Йелорита, Акойя — Каяамбэ, Гарцфоер — Сноу файер, Моуа Noire: Моя Нуар — Мойя Чёрный*);

2) твердости согласных через Э (*Бэлластар — Белларива, Рэд Фэнтази, Рэджэнт — Ред карпет, Пико дэ Анэто — Паскаль де Пикарди* и др.);

3) мягкости Л (*Альгамбра, Альтиус — Албрис, Албаросса — Розальба, Альмандин — Алмандин, Блю Р20 — Блу Киз, Бленни — Миллэнниум, Гандольф — Инка Голд*);

4) удвоения согласных (*Сантти Йеллоу — Бэйби Йелоу, Поззано — Поззано, Фуззи Вуззи — Фузи Вузи (Fuzzy Wuzzy), Пинк хани (Pink Honey) — Ханни мун (Honey Moon), Чери / Черри блосэм, Оранж бул (bull) — Страйт болл (boll), Чероки / Черокки (Cherokee)*²¹;

5) [æ], [ə] (*Портленд — Шетланд, Хандред енд таузендс, Альянс — Элегро, Адванс — Эпрон, Эдвенчер* и др.);

6) З/С (их смешение) (*Вишневый от Зуси / Зузи / Зузы / Суси < Suzanna, Suza; Сейдер — Зейдер, Бэлла Роса — Белла роза, Маглия Рос/за*);

7) морфемы *-tion* [f(ə)n] (*Пинк Импрэшин, Фаундейшн — Пинк Традишен*).

Эти случаи противоречат требованиям переводоведческой ономастики, рекомендующим, в частности, употреблять Э только в начале слова и после гласных, сохранять в русском соответствии требуемое оригинальным написанием удвоение согласных [Ермолович, 2001, с. 136]. Не соответствует современным тенденциям в ономатологии и калькирование ИС, что признается не только лингвистами [Мезенко, 2022, с. 73], но и любительским агросообществом²². При этом в сфере селекционного нейминга перевод онимов весьма распространен, что

²¹ Подобные случаи могут быть рассмотрены и как межязыковые ошибки.

²² «Если по-правильному, то и мы должны называть томат так же, как он звучит. Нелзя его переводить ... Иногда один и тот же сорт продают как разные сорта, потому что каждый по-своему его перевел» (vc.com).

составляет, вероятно, одну из особенностей этих названий, обращенных к широкому кругу пользователей.

Так, переводными являются названия *Винный кувшин* (*Wine Jug*, США), *Заржавевшая душа* (*Sārūsējusi dvēsele*, Латвия), *Итальянский гигант миссис Бот* (*Mrs. Bot's Italian Giant*, Италия), *Оаксаканская драгоценность* (*Oaxacan Jewel*, Мексика), *Большой полосатый кабан* (*Large Barred Boar*, США), *Розовая страсть* (*Pink Passion*, Австралия и США), *Убеждение* (*Persuasion*, США) и др. Предположительно, кальками являются такие топонимы, как *Бурани*, *Садик*, *Оранжевый шар*, *Пламя*, *Ягуар*, *Яки* (Нидерланды), *Боцман*, *Памятный* (Франция), *Миллионер* (Италия), *Архар* (США), *Минерал* (Турция) и др., поскольку данный факт соответствует требованию Устава UPOV (от фр. «Union Internationale pour la protection des obtentions végétales») декларировать культивар под одним и тем же названием во всех государствах Союза [Правила].

Материал показал, что значительная часть ИС функционирует в России в разных, но преимущественно близких вариантах перевода: *Pork chop*: *Свинная отбивная / котлета*, *Amethyst Jewel*: *Аметистовая драгоценность / А. сокровище*, *Blue Fire*: *Синий огонь / пожар*, *Chocolate Stripes*: *Полосатый шоколад / Шоколадные полосы*, *White Giant*: *Белый гигант / великан*, *Crushed Heart*: *Влюбленное / Разбитое / Раздробленное / Дробленое / Раздавленное / Раненое сердце* и др. То же наблюдается в случае осложнения калькирования транспозицией, когда при переводе используется национальный вариант имени-прототипа, напр. *Sausu Mary*: *Дерзкая / Модная М(е/э/а)ри* > *Дерзкая Маиша*, *Woolly Kate Yellow*: *Шерстяная Кейт желтая* > *Бархатная Катя в жёлтом*.

Как и в случае с формальной стороной названий, в передаче их семантики также наблюдаются ошибки. Например, ошибочным сближением с российским именником объясняются названия *Черный Рома* (< *Black Roma*, т.е. Рим черный) и *Рябой Роман* (< *Speckled Roman*, т.е. Крапчатый / Пестрый римский). Пословное калькирование вместо подбора функционального эквивалента²³ породило названия *Пень мира* (*Stump of the World* = Пуп земли), *Девичьи слезы / Слезы девственницы* (*Момини сълзи* = Ландыши), *Сладкий клык / зуб* (*Sweet tooth* = Сладко-ежка, Сладстена). В нарушение всякой логики *Boar's Tooth* превратился в *Коготь кабана*, а *Jiraulia* (*Джипаулия*), названный в честь садовни-

²³ Преобразующий, уподобляющий перевод, соответствующий приему функциональной замены [Спачиль, 2021, с. 87].

ка по имени Жан Поль (т.е. *Жанполия*), у некоторых коллекционеров почему-то представлен как *Убей себя*²⁴.

Сопоставление разноязычных ИС выявило два противоположных по результатам перевода процесса: с одной стороны, наблюдается опущение лексического компонента оригинального имени при калькировании (*Marsha's Starfighter Beefsteak* > *Бифштекс Марши*, *Amethyst Jewel* > *Аметист*, *Red Charcoal* > *Красный уголь*), *Girl Girl's Weird Thing* > *Странная Вещь Девушки*), с другой — появление в переводном варианте дополнительной семантики (*Английский выставочный* < *Exhibition*, *Стыдливый Румянец* < *Blush*)²⁵. Третий процесс — гибридизация, при которой сохраняется число компонентов имени, но переводятся не все из них: *Делишес Гигант*, *Абрика Зебра*, *Белый / Большой черный Оксхарт*, *Желтый стаффер*, *Весенний нуар* (*Spring Noire*), *Биг лига* (*Big League*) и др. Языковые гибриды увеличивают число номинативных вариантов у исходного ИС: например, *Bosque blue bumblebee* известен не только как *Синий лесной шмель* (исп. *Bosque* — лес), но и как *Боске синий шмель*, *Синий шмель боско*, *Баскью блю шмель*.

По нашим данным, перевод томатонимов характеризуется разной степенью точности — с позиций семантики, стилистики, грамматики. Так, более удачными являются названия *Королева красоты*, а не *Королевская красота* (*Beauty Queen*), особенно при наличии сорта *Король красоты* (*Beauty King*), *Орехово-золотистый*, а не *Орешник золотой* (*Hazel Gold* — крупноплодный томат), *Желто-голубой*, а не *Голубой и жёлтый алмаз* (*Diamond Blue and Yellow*), *Бархатно-красный / Красный бархат*, но не *Красный вельвет* (*Velvet Red* — плоды и растение с опушением). Удачной представляется и корректировка притяжательной формы (*Сержант Пеннер* < *Sgt Pepper's*, *Регина жёлтая* < *Regina's Yellow*), числа ИС, так как форма мн. ч. акцентирует внимание на характеристике плодов, но не сорте в целом, что важнее для потребителей: *Бурракерские любимцы* < *Burracker's Favorite*, *Корзиночки из деревни Гарфаньяна* < *Canestrino Della Garfagnana*, *Алисины Грёзы* < *Alice's Dream* и др.

Заключение

Проведенный анализ подтвердил сложности преодоления иноязычными ИС межъязыковых границ в целом, особенно в части перевода,

²⁴ demetra-semena27.ru, semenatomatov.ru и др.

²⁵ В ономастическом переводоведении называются приемами «опущения» и «лексических добавлений» [Мустафина, 2018, с. 154].

что предоставляет лингвистам интересный материал для исследования и дает основания для ряда выводов.

1. Заимствование как способ расширения ономастического состава воспринимающего языка есть восприятие готовых названий, приходящих вместе с поименованными ими реалиями, в данном случае — зарубежными сортами томатов. Оно реализуется в процессах прямого заимствования (с приспособлением к графической и фонетической системам языка-реципиента), калькирования (в сопровождении транспозиции, функциональной аналогии, грамматической адаптации, опущения и др.), гибридизации.

2. Указанные процессы являются, вероятно, универсальными способами включения иностранных ИС в чужие коммуникативные условия, что подтверждается русским материалом. Напр., для англоязычных потребителей семена российских томатов предлагаются под названиями *Lunnyj kamen'*, *Dyadya Stepa*, *Aunt Shura*, *Green evening of Mordovia*, *Big xata* (*Биг хата*) и др.

3. Адаптация чужезычных онимов — процесс диахронический, многоаспектно проявляющийся; фактор времени обуславливает их «обрастание» вариантами, которые постепенно могут восприниматься уже как имена новых продуктов селекции (*Break O' Day* > *Брикодей / Рассвет* > *Брикадель красная / малиновый, Брикодейки минусинские*).

4. Сознательное ограничение числа привлекаемых наименований зарубежных сортов позволяет квалифицировать долю данного способа пополнения томатонимов (1000 из 7 600, т.е. около 15%) как весьма приблизительную, так как ресурсы позволяют существенно увеличить сегмент подобных названий. При этом заимствование не только серьезным образом расширяет данное ономастическое подпространство, но и влияет на российский агронейминг иноязычными моделями и образами номинации.

Библиографический список

Бутакова Е. С. Эргонимы иноязычного происхождения в коммуникативном пространстве города : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2013. 26 с.

Емельянова А. Ф. Иноязычные названия в коммерческой эргонимии г. Уфы // Современные исследования социальных проблем. 2016. № 3–3 (27). Электронный ресурс https://elibrary.ru/download/elibrary_26718644_45532205.pdf

Ермолович Д. И. Имена собственные на стыке языков и культур. Москва: Р. Валент, 2001. 200 с.

Ермолович Д. И. Основания переводоведческой ономастики : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Москва, 2005. 48 с.

Иванова Р. Я. Названия сортов винограда в современном русском языке (к проблеме номинации) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пенза, 1973. 26 с.

Мезенко А. Теория имени собственного : учеб. пособие / А. Мезенко, В. Генкин, А. Деревяго. Витебск: Изд-во ВГУ им. П.М. Машерова, 2022. 202 с.

Мустафина А. К., Боброва Н. В. Прагматика перевода названий фильмов и зависимость привлекательности фильма от его названия // Наука и производство Урала, 2018. Вып. 14. Электронный ресурс https://elibrary.ru/download/elibrary_35453041_13324410.pdf

Подольская Н. В. Проблемы ономастического словообразования (К постановке вопроса) // Вопросы языкознания. 1990. № 3. Электронный ресурс <https://vja.ruslang.ru/ru/archive/1990-3/40-53?ysclid=mq0hm5nnpy585788031>

Позднякова Е. Ю. Принципы и способы номинации коммерческих объектов городского пространства // Коммуникативные исследования. 2020. № 1. [https://doi.org/10.24147/2413-6182.2020.7\(1\).77-98](https://doi.org/10.24147/2413-6182.2020.7(1).77-98)

Правила по присвоению названия селекционному достижению, 1994–1997. Электронный ресурс <https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1743302182&tld=ru&lang=ru&name=Pravila-po-proisvoeniyu-nazvaniya-selektionnogo-dostizheniya.pdf&text>

Романова Т. П. Система способов словообразования рекламных собственных имен // Вестник Самарского государственного университета. 2007. № 5/2 (55). С. 205–214.

Спачиль О. В. Имя собственное в литературном переводе: учеб. пособие. Краснодар : Кубанский гос. ун-т, 2021. 172 с.

Суперанская А. В. Теория и методика ономастических исследований / А. В. Суперанская, В. Э. Сталтмане, Н. В. Подольская, А. Х. Султанов. Москва: ЛКИ, 2007. 256 с.

Хоанг Т. Х. Ч. Ресторанный нейминг: структурно-семантический и коммуникативно-прагматический аспекты : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2018. 270 с.

Источник

Государственный реестр сортов и гибридов сельскохозяйственных растений, допущенных к использованию, 1943–2024 гг. Электронный ресурс <https://www.gosreestr.ru>

References

Butakova E. S. Ergonyms of foreign origin in the communicative space of the city. Abstract of Philol. Cand. Diss., Tomsk, 2013, 26 p. (In Russian).

Emelyanova A. F. Foreign-language names in commercial ergonymy of Ufa. *Sovremennye issledovaniya sotsialnykh problem* = Modern Studies of Social Issues, 2016, no. 3–3 (27). Retrieved from: https://elibrary.ru/download/elibrary_26718644_45532205.pdf (In Russian).

Ermolovich D. I. Proper Names at the intersection of Languages and Cultures. Moscow, 2001, 200 p. (In Russian).

Ermolovich D. I. Foundations of Translation Studies Onomastics: Abstract of Philol. Doct. Diss. Moscow, 2005, 48 p. (In Russian)

Ivanova R. Ya. Names of grape varieties in modern Russian (on the problem of nomination). Abstract of Philol. Cand. Diss, Penza, 1973, 26 p. (In Russian).

Mezenko A., Genkin V., Derevyago A. Theory of Proper Names, Vitebsk, 2022. 202 p. (In Russian) Mustafina A.K., Bobrova N.V. Pragmatics of Translating Film Titles and the Dependence of a Film's Attractiveness on Its Title. *Nauka i proizvodstvo Urala* = Science and Production of the Urals, 2018, iss. 14. Retrieved from: https://elibrary.ru/download/elibrary_35453041_13324410.pdf (In Russian).

Podolskaya N. V. Problems of onomastic word formation (On the formulation of the problem). *Voprosy yazykoznaniya* = Topics in Linguistics, 1990, no. 3. Retrieved from: <https://vja.ruslang.ru/ru/archive/1990-3/40-53?ysclid=mq0hm5nnpy585788031> (In Russian).

Pozdnyakova E. Yu. Principles and Methods of Naming Commercial Objects in Urban Space. *Kommunikativnye issledovaniya* = Communication Studies. 2020. no. 1. [https://doi.org/10.24147/2413-6182.2020.7\(1\).77-98](https://doi.org/10.24147/2413-6182.2020.7(1).77-98) (In Russian).

Rules for Naming a Breeding Achievement, 1994–1997. Retrieved from: <https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1743302182&tld=ru&lang=ru&name=Pravila-po-proisvoeniyu-nazvaniya-seleksionnogo-dostizheniya.pdf&text> (In Russian).

Romanova T. P. The System of Word-Formation Methods in Advertising Proper Names. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta* = Bulletin of Samara State University, 2007, no. 5/2 (55), pp. 205–214. (In Russian).

Spachil O. V. Proper Names in Literary Translation: A Textbook, Krasnodar, 2021, 172 p. (In Russian).

Superanskaya A. V., Stalmane V. E., Podolskaya N. V., Sultanov A. Kh. Theory and methods of onomastic research, Moscow, 2007, 256 p. (In Russian).

Hoang T.H.Ch. Restaurant naming: structural-semantic and communicative-pragmatic aspects. Thesis of Cand. Philol. Diss., Tomsk, 2018, 270 p. (In Russian).

Source

State Register of Varieties and Hybrids of Agricultural Plants Admitted for Usage (National List, 1943–2024). Retrieved from: <https://www.gosreestrfr.ru> (multiple requests to the site). (In Russian).

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ГАЗЕТНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ НЕМЕЦКИХ СРЕДНЕСПЕЦИАЛЬНЫХ ПРОФЕССИЙ

Н.В. Кожанова

Ключевые слова: наименования лиц по профессии, обозначение профессий, государственно признанные среднеспециальные профессии, семантическая трансформация, расширение семантического объема

Keywords: professional denominations, names of professions, state-recognized secondary specialized professions, semantic transformation, semantic volume extension

[https://doi.org/10.14258/filichel\(2026\)3–13](https://doi.org/10.14258/filichel(2026)3–13)

Введение
С самых древних времен, когда человек научился использовать, кроме жестов и мимики, свою речь для обмена информацией друг с другом, язык не прекращает развиваться. Он постоянно находится в динамике, претерпевает временами значительные изменения. Особенно это заметно в такой части языка, как лексика. Многочисленные лексические единицы зеркально отражают процессы, происходящие в обществе, определяют общественные отношения и изменения, которые происходят под влиянием лексических инноваций и преобразований в языке [Михеева, 2005].

Лексический состав языка характеризуется постоянным движением, непрерывным совершенствованием, моментальным реагированием на все изменения, происходящие в окружающей действительности. Соответственно, он развивается вместе с жизнью общества, все время пополняясь новыми словами, новыми значениями существующих лексических единиц и их новыми сочетаниями, что является непосредственным свидетельством того, что язык представляет собой развивающуюся, жизнеспособную систему, стремящуюся к выражению обширных человеческих знаний и достижений общества [Хромачева, Ларинов, 2022]. В данном контексте следует упомянуть, что при всей своей взаимосвязанности, взаимообусловленности, язык и общество, которое является пользователем языка, оба имеют свои собственные, отдельные законы жизнеобеспечения [Валгина, 2001].

Важной частью языковой картины мира являются представления о человеке и его жизнедеятельности, в которой одну из главных ролей играет его трудовая деятельность. Собственно, обозначениям лица отводится центральное место в номинативном инвентаре языка, их количество в любом словаре может насчитывать десятки, а иногда и сотни тысяч единиц. Из этих обозначений лица значительную часть составляют наименования лиц по профессии, что обусловлено тем, что подобные наименования обозначают человека по такому значимому социальному признаку, как место и роль в общественной жизни. Обозначения лиц по профессии представляют собой разнообразную по структуре и семантическим особенностям часть наименований языка, которая включает обширную группу лексических единиц с длительной историей, связанную разными своими сторонами и признаками со многими другими явлениями языка [Ляпкина, 2009]. Для данной группы характерна наибольшая среди всего состава лексических единиц языка изменчивость и склонность к появлению многочисленных новообразований, что обусловлено ее зависимостью от развития общества.

Функционирование в языке многочисленных наименований лиц по профессии дает богатый материал для исследований специалистами в области языка. В трудах ученых рассматриваются самые разнообразные аспекты наименований лиц по профессии. Различными характеристиками наименований лиц по профессии занимались такие лингвисты, как Д.Н. Шмелев, Л.А. Шкатова, А.И. Моисеев и др., анализ немецких и английских обозначений лиц по профессиональному признаку проводили в своих работах М.Н. Халилова, Т.С. Давыдова, М.Е. Федотова и др.

Немецкий язык, как и любой другой язык, непрерывно изменяет и обновляет свой словарный состав в сфере профессиональной деятельности. Это происходит под влиянием как внешних, так и внутренних причин. Внешними факторами, как уже было указано выше, являются процессы, происходящие в жизни общества. Практически все существенные изменения лексического состава языка происходят в периоды значительных общественных перемен [Годжаева, 2014]. Стоит отметить, что современное общество отличает серьезное ускорение темпа жизни, развитие средств массовой информации и увеличение объемов перерабатываемой информации [Сиваева, 2018]. Все важные изменения в лексической группе обозначений лиц по профессиональному признаку последних несколько десятилетий происходят в результате развития науки и техники как в своей стране, так и в других, что оказывает существенное воздействие на профессиональную деятельность

человека, изменения в экономике, в том числе ведение бизнеса на международном уровне, появление новых, развитие или расширение существующих профессиональных сфер, влияние одного языка на номинативные нормы другого языка [Фуфаева, Згировская, 2024].

В качестве внутренних причин изменений, происходящих в группе обозначений лиц по профессии, можно назвать такие, например, как потребность в современных, более престижных наименованиях существующих профессий, необходимость использования номинаций, которые более четко описывают набор действий для выполнения задач в профессиональных обязанностях человека данной конкретной профессии, т.е. происходит специализация профессиональной производственной деятельности, а также введение в употребление более подходящих номинаций вследствие изменений в законодательстве профессиональной сферы.

Таким образом, внешние факторы оказывают влияние на процессы, которые происходят внутри лексической подсистемы языка и направлены на совершенствование системы обозначений. Они приводят в действие механизм, который стремится предоставить уже известному понятию более подходящее для данного состояния языковой системы обозначение, соответствующее тем или иным тенденциям в ее современном развитии [Ляпкина, 2009].

В течение нескольких последних десятилетий немецкий язык пополнился значительным количеством лексических единиц, обозначающих лиц по профессии, другие лексические единицы получили новые значения, третьи прекращают свое существование за ненадобностью. Актуальность настоящего исследования обусловлена выявлением особенностей функционирования современных обозначений лиц по профессии со среднеспециальным образованием, которые популярны среди молодежи и представляют собой обширную лексическую группу, которая постоянно находится в динамическом развитии и при этом строго регулируется законодательно.

Научная новизна предлагаемого исследования заключается в попытке анализа данной лексической группы с точки зрения семантической трансформации современных наименований, представленных в списке профессий, которые подверглись изменениям за последние четыре года.

Целью является рассмотрение их семантических параметров, так как эти знания необходимы для понимания реалий и процессов, происходящих в группе обозначений человека в его профессиональной деятельности. Для достижения поставленной цели в процессе исследования были решены следующие задачи: проанализирован список обозна-

чений среднеспециальных профессий за последние четыре года по их семантическим характеристикам; выявлены их закономерности и особенности в современных реалиях.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, чтобы внести определенный вклад в изучение функционирования обозначений среднеспециальных профессий в современном немецком языке, а также в современных реалиях сферы профессиональной деятельности человека.

Практическая значимость определяется тем, что результаты проведенного исследования могут быть использованы в профессиональной сфере для правильного понимания современных немецких обозначений профессий в связи с официальным изменением их содержания и обозначения, своевременной корректировки их использования, а также понимания общих закономерностей развития номинативной системы языка.

Методы и материалы исследования

Для решения поставленных задач были применены общенаучные методы познания, такие как анализ, синтез и обобщение, кроме этого, лексико-семантический анализ языкового материала. Материалом для исследования послужили обозначения среднеспециальных профессий, которые законодательно были изменены за последние несколько лет или будут изменены в ближайшее время и размещены на официальном немецком сайте arbeitsagentur.de.

Результаты исследования

Государственно признанные среднеспециальные профессии в Германии представляют собой специальности, которые выпускники школ осваивают через систему дуального профессионального обучения. Официальный список охватывает ремесленные и технические профессии, профессии в сфере обслуживания, ухода и ИТ, регламентированные профессии в медицине, образовании и юриспруденции и т.д. Профессии из данного списка пользуются высоким спросом на рынке труда, их выбирают для получения профессионального образования больше половины выпускников школ в Германии, даже те из них, кто имеет право поступать в высшие учебные заведения. Список среднеспециальных профессий признан государством и регламентируется им на основании государственного закона о профессиональном образовании (*Berufsbildungsgesetz*) и на положениях о ремесле (*Handwerksordnung*). Соответственно этому закону и положениям в Германии функциониру-

ет один общепринятый список среднеспециальных профессий, публикуемый на официальных сайтах, а, следовательно, появление и функционирование подобных наименований лиц по профессии, представляющих собой многоуровневую лексическую подсистему со сложной иерархической структурой, не может быть случайным [Кожанова, 2020].

В последнее десятилетие в связи с изменившимися потребностями отраслей экономики и социальной сферы, развитием наукоемких и информационных технологий выдвигаются все новые требования к работникам всех уровней, в том числе к специалистам со среднеспециальной подготовкой. В частности, новые правила включают в себя отраслевые аспекты устойчивого развития и цифровизации, технологии эффективного производства, ориентацию на сервис и коммуникацию. Модернизируются и реструктурируются программы обучения и адаптируются к изменениям в профессиональной практике. Технологический процесс, в том числе возросшие требования к охране окружающей среды и защите прав потребителей, например, в отношении энергосбережения и сокращения выбросов CO₂, нуждаются в реорганизации как обучения, так и требований к профессиям. Новые правила обучения закрепят компетенции, необходимые в профессиональной деятельности, и будут в большей степени учитывать меняющиеся требования и методы работы соответствующей отрасли.

Для отражения этих новых требований изменяется как семантическое наполнение наименований лиц по профессии и должности, так и формат использования части обозначений профессий, некоторые из них исключаются из официального употребления, другие получают новые наименования. А это, в свою очередь, требует систематизации корпуса наименований профессий со среднеспециальной подготовкой с учетом их языковых и речевых параметров.

Последние годы в связи с технологическими, структурными и организационными модернизациями в рабочих и бизнес-процессах происходит значительное изменение значений обозначений лиц среднеспециальных профессий. Так, например, *der Florist/in* (флорист) — профессия ранее включала в себя навыки составления и продажи букетов, сегодня в круг профессиональных обязанностей входит доставка букетов клиенту, владение базовыми навыками управления бизнесом, а также умение пользоваться достижениями цифровизации. Для того чтобы соответствовать этим изменениям в профессиональной практике, модернизируются требования к профессии, и, соответственно, это влечет за собой расширение семантического объема современного наименования, оставляя название профессии прежним.

Обозначение *Justizfachangestellte/r* (специалист в органах юстиции) расширяет свое значение, сохраняя наименование профессии. Современная судебная система переходит на цифровые технологии и увеличение работы с электронными файлами. В частности, с 2026 г. в судах будут обязаны использовать электронный документооборот. Это, в свою очередь, ведет к усилению акцента на цифровых навыках для удовлетворения меняющихся потребностей системы правосудия.

Аналогично меняется семантическое наполнение обозначения *Feinoptiker/in*, специалиста по точной оптике. С учетом технологических достижений, прогрессирующей автоматизацией и цифровизацией производственных процессов меняются требования к профессиональным навыкам, знаниям и умениям. Например, разработка новых продуктов, таких как оптическая и электронная интеграция компонентов для биноклей с дальномерами, требует более широкого спектра профессиональных компетенций, что свидетельствует о том, что данная профессия включает в себя значительно больше аспектов, чем та же самая профессия десять-двадцать лет назад. Однако само наименование на данном этапе развития профессиональной сферы соответствует современным требованиям, поэтому остается неизменным.

Значение наименования *Fotograf/in*, как указано на официальном сайте arbeitsagentur.de, с учетом технологических достижений и изменений рынка в профессиональной практике существенно изменилось за последние годы. Произошли изменения в технике съемки, связанные с повышением светочувствительности современных камер, а также оцифровка всего процесса обработки фотографий — от съемки до вывода изображений. Частью профессиональных обязанностей теперь также является создание видеороликов — продуктовых, свадебных или корпоративных.

Профессия трубочиста (*Schornsteinfeger/in*) так же актуальна в современном мире, как и несколько сотен лет назад, однако сейчас это не просто специалист по чистке дымоходов и труб. Меняются рабочие процессы, задачи и требования, возникающие в связи с переходом энергоснабжения зданий от ископаемого топлива к возобновляемым источникам энергии, иногда с применением высокотехнологичного строительства и проектирования промышленных объектов. Следовательно, представители данной профессии должны обладать знаниями об альтернативных источниках энергии, а также уметь измерять и анализировать технические системы с точки зрения энерго- и ресурсосбережения. Современное обозначение профессии содержит в себе значи-

тельно больше параметров, чем то же самое наименование несколько десятилетий назад.

Подобным образом с учетом требований охраны климата и окружающей среды, принципов эффективного ведения бизнеса, технических требований и европейских норм модернизируются профессиональные компетенции, а следовательно, меняются или пополняются новыми аспектами значения наименований профессий, не меняя при этом самого обозначения. Таким образом, получили новое или расширенное содержание следующие профессии:

Edelsteinfasser/in, Verfahrensmechaniker/in — Glastechnik, Fluggerätmechaniker/in, Industriekaufmann/-frau, Kaufmann/-frau — Büromanagement, Feuerungs- und Schornsteinbauer/in, Gleisbauer/in, Maurer/in, Straßenbauer/in, Stuckateur/in, Fliesen-, Platten- und Mosaikleger/in, Zimmerer / Zimmerin и некоторые другие.

Ряд наименований среднеспециальных профессий были признаны устаревшими, не соответствующими современным реалиям и требованиям к профессиональным компетенциям. В процессе модернизации они получили новые наименования. Так, например, в рамках реорганизации в области экологических технологий были изменены следующие обозначения:

Fachkraft für Wasserversorgungstechnik (предыдущее наименование) — *Umwelttechnologe/-technologin für Wasserversorgung* (новое),

Fachkraft für Abwassertechnik — *Umwelttechnologe/-technologin für Abwasserbewirtschaftung*,

Fachkraft für Kreislauf- und Abfallwirtschaft — *Umwelttechnologe/-technologin für Kreislauf- und Abfallwirtschaft*,

Fachkraft für Rohr-, Kanal- und Industrieservice — *Umwelttechnologe/-technologin für Rohrleitungsnetze und Industrieanlagen*.

В списке профессий, реструктурированных в 2023 г., представлено следующее наименование, которое заменило собой используемое ранее:

Verfahrensmechaniker/in Kunststoff- und Kautschuktechnik (предыдущее наименование) — *Kunststoff- und Kautschuktechnologe/-technologin* (новое).

Обозначение специалиста в области обслуживания клиентов и организации различных процессов в транспортной сфере *Kaufmann/-frau* претерпело изменения по специальностям *Verkauf und Service* и *Sicherheit und Service*, которые вследствие проводимой модернизации упраздняются. Это обусловлено изменением методов работы в связи с растущей цифровизацией отрасли и ростом мультимодальности перевозок. Новые требования включают в себя знание цепочек мобиль-

ности, особенностей поведения групп клиентов в сфере мобильности и комплексного обслуживания. От современных специалистов требуется знание иностранных языков и стратегий разрешения конфликтов. Наименованием, соответствующим современному содержанию профессии, признается *Kaufmann/-frau für Mobilität und Verkehrsservice*.

Требования к профессии в строительной области изменились как при строительстве новых зданий, так и при реконструкции, это привело к необходимости замены следующих наименований: *Bauzeichner/in* (предыдущее название) — *Bautechnische/r Konstrukteur/in* (новое), *Kanalbauer/in* — *Kanalbauer/in für Infrastrukturtechnik, Rohrleitungsbauer/in* — *Leitungsbauer/in für Infrastrukturtechnik*.

Следующая группа наименований профессий стала использоваться с обязательным указанием специализации:

Fluggerätmechaniker/in (*Fachrichtung Fertigungstechnik, Fachrichtung Instandhaltungstechnik, Fachrichtung Triebwerkstechnik*),

Tiefbaufacharbeiter/in (*Schwerpunkt Brunnen- und Spezialtiefbauarbeiten, Schwerpunkt Gleisbauarbeiten, Schwerpunkt Kanalbauarbeiten für Infrastrukturtechnik, Schwerpunkt Leitungsbauarbeiten für Infrastrukturtechnik, Schwerpunkt Straßenbauarbeiten*),

Hochbaufacharbeiter/in (*Schwerpunkt Abbruch- und Betontrenntechnikarbeiten, Schwerpunkt Beton- und Stahlbetonarbeiten, Schwerpunkt Feuerungs- und Schornsteinbauarbeiten, Schwerpunkt Maurerarbeiten*),

Ausbaufacharbeiter/in (*Schwerpunkt Estricharbeiten, Schwerpunkt Fliesen-, Platten- und Mosaikarbeiten, Schwerpunkt Stuckateurarbeiten, Schwerpunkt Trockenbauarbeiten, Schwerpunkt Wärme-, Kälte- und Schallschutzarbeiten, Schwerpunkt Zimmerarbeiten*).

Данные наименования можно рассматривать как примеры сужения семантического объема изначально используемого наименования.

С принятием новых норм и утверждением новых профессиональных компетенций были упразднены две профессии в системе подготовки ювелиров, серебряных дел мастеров и огранщиков драгоценных камней: *Edelmetallprüfer/in* и *Vorpolierer/in* — *Schmuck- und Kleingeräteherstellung*. Можно предположить, что с течением времени данные наименования профессий перейдут в разряд архаизмов.

Трансформации происходят также с обозначениями профессий *Goldschmied/in* (*Schwerpunkt Juwelen, Schwerpunkt Ketten, Schwerpunkt Schmuck*) и *Silberschmied/in* (*Schwerpunkt Email, Schwerpunkt Metall*). По новым правилам, представленным в 2025 г., данные профессии по-

лучили единое обозначение *Gold- und Silberschmied/in* с указанием соответствующей специальности: *Goldschmieden* или *Silberschmieden*.

В последние годы все большую роль играют иммерсивные медиа, которые представляют собой дополненную реальность, виртуальную реальность, смешанную реальность и различные компьютерные приложения. В 2023 г. была введена новая специальность, которая дает будущим специалистам квалификацию для разработки и проектирования иммерсивных медиа. Данная профессия получила наименование *Gestalter/in für immersive Medien*.

Заключение

Таким образом, динамичное развитие лексической группы наименований лиц по профессии подтверждается на примере в том числе таких консервативных обозначений, как наименования среднеспециальных профессий. Несмотря на то что эти профессии и их обозначения являются государственно признанными, соответственно, проходят тщательный отбор и строго регламентируются государством, посредством законодательной базы, различными правилами и инструкциями, реалии жизни общества на современном этапе его развития в общем, в профессиональной деятельности в частности способствуют необходимости внесения изменений. В целом итоги исследования показывают, что поставленная цель и задачи решены. В результате трансформаций происходит расширение или сужение семантического объема наименований профессий, появляются новые, видоизменяются или выходят из употребления прежние обозначения профессий. Так как этот постоянный динамический процесс непрерывен, не прекращается в данный отрезок времени и будет продолжаться и в будущем, становится понятен неугасающий интерес к данной группе лексики современных лингвистов и очевиден вывод о продолжении работы в данной области в будущем. И можно смело говорить о перспективности последующих исследований в данной языковой сфере.

Библиографический список

Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке : учебное пособие. Москва: Логос, 2001. 304 с.

Годжаева Н. С. Неологизмы современного немецкого языка // Вестник КемГУ. 2014. № 3 (59). С. 279–281. Электронный ресурс <https://cyberleninka.ru/article/n/neologizmy-sovremennogo-nemetskogo-yazyka-1/viewer>

Кожанова Н. В. Профессии среднего звена в немецкоязычной картине мира // Филологический аспект : международный научно-практический журнал. 2020. № 4 (60). Электронный ресурс <https://scipress.ru/philology/articles/professii-srednego-zvena-v-nemetskoyazychnoj-kartine-mira.html>

Ляпкина Э. М. Влияние внешних и внутренних факторов на развитие номинативной системы языка: на материале наименований лиц по профессии : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2009. 19 с.

Михеева Е. И. Неологизмы современного немецкого языка (интегративный аспект на материале имен существительных) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2005. 22 с.

Сиваева И. И. Словообразовательные характеристики неологизмов тематической области интернет и социальные сети в русском и немецком языках // Филоlogos. 2018. № 38 (3). С. 54–59.

Фуфаева М. В., Згирова О. Г. Неологизмы — названия профессий в русском языке: системный и функциональный аспекты // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2. Языкознание. 2024. № 23 (1). С. 42–55.

Хромачева В. А., Ларионов А. А. Неологизмы в современном русском и английском языках // Юный ученый. 2022. № 7 (59). С. 17–34. Электронный ресурс <https://moluch.ru/young/archive/59/3172/>

Neue und geänderte Berufe. Bundesagentur für Arbeit. Электронный ресурс <https://web.arbeitsagentur.de/berufenet/geaenderte-berufe>

References

Valgina N. S. Active processes in modern Russian language: study guide. Moscow, 2001. 304 pp. (In Russian).

Godzhaeva N. S. Neologisms of modern German language. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* = Bulletin of Kemerovo State University, 2014. no. 3 (59). pp. 279–281. Retrieved from: <https://cyberleninka.ru/article/n/neologizmy-sovremennogo-nemetskogo-yazyka-1/viewer> (In Russian).

Kozhanova N. V. Middle-ranking professions in German worldview. *Filologicheskii aspekt: mezhdunarodnii nauchno-prakticheskii zhurnal* = Philological aspect: International Journal of Research and Practice, 2020, no. 4(60). Retrieved from <https://scipress.ru/philology/articles/professii-srednego-zvena-v-nemetskoyazychnoj-kartine-mira.html> (In Russian).

Lyapkova E. M. Influence of external and internal factors on development of language nominative system: On the materials of professional personal denominations. Thesis of Cand. Philol. Diss., Chelyabinsk, 2009, 19 p. (In Russian).

Mikheeva Ye. I. Neologisms of modern German language (integrative aspect on the material of nouns). Thesis of Cand. Philol. Diss., Voronezh, 2005, 22 p. (In Russian).

Sivaeva I. I. Word-building characteristics of neologisms of the topical area The Internet and social networks in Russian and German languages. *Filologos*, 2018, no. 38 (3), pp. 54–59. (In Russian).

Fufaeva M. V., Zgirovskaya O. G. Neologisms — professional denominations in Russian language: system and functional aspects. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta* = Bulletin of Volgograd State University, Line 2, Linguistics, 2024, no. 23(1), pp. 42–55. (In Russian).

Khromacheva V. A., Larikov A. A. Neologisms in modern Russian and English languages. *Yunii uchenii* = Young Scientists, 2022, no. 7(59), pp. 17–34. Retrieved from: <https://moluch.ru/young/archive/59/3172/> (In Russian).

New and transformed professions. Federal Labor and Employment Service. Retrieved from: <https://web.arbeitsagentur.de/berufenet/aeanderte-berufe>.

КОНЦЕПТ WIZARD В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КАРТИНЕ МИРА РОМАНА «HARRY POTTER AND THE GO OBLET OF FIRE»: ТРАДИЦИОННАЯ И АВТОРСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ

Е.А. Мозгачева

Ключевые слова: концепт, концептуальный анализ, вербализация, фэнтези

Keywords: concept, conceptual analysis, verbalization, fantasy

[https://doi.org/10.14258/filichel\(2026\)3–14](https://doi.org/10.14258/filichel(2026)3–14)

Введение

На современном этапе развития лингвистической науки отчетливо прослеживается тенденция к рассмотрению языка не только как средства коммуникации, но и как когнитивного механизма, обеспечивающего процессы осмысления, категоризации и концептуализации окружающей действительности. Исследованием данных процессов занимается когнитивная лингвистика, в центре понятийного аппарата которой находится концепт как одна из ключевых единиц картины мира.

В настоящее время в научной литературе представлено значительное количество подходов к определению понятия «концепт». Так, по мнению Н.В. Иноземцевой, концепт — результат взаимодействия культурных, исторических и социальных факторов [Иноземцева, 2025]. А. Вежбицка рассматривает концепт как объект мира «идеального», обладающий языковой репрезентацией и отражающий культурно обусловленные представления человека о действительности, которая дана человеку через мышление и язык [Вежбицка, 1996]. З.Д. Попова и И.А. Стернин определяют концепт как «дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой и представляющее собой результат познавательной деятельности личности и общества» [Попова, Стернин, 2007]. Согласно подходу В.Н. Телии, концепт представляет собой совокупность знаний об объекте «во всей экстенсии этого знания» [Телия, 1996]. Аналогичную позицию в отношении концепта как единицы знания и культуры занимает Ю.С. Степанов, подчерки-

вая его культурно-историческую обусловленность [Степанов, 1997]. И.В. Войтешук определяет концепт как ментальную единицу, формируемую и существующую на уровне сознания. По мнению исследователя, такая единица содержит информацию об объекте, полученную в процессе познавательной деятельности [Войтешук, 2015, с. 112]. И.В. Кононова добавляет к концепту не только национально-культурные, но и социологические и этнические особенности [Кононова, 2023].

В зарубежной когнитивной традиции концепт рассматривается как единица ментальной репрезентации. По мнению G. Lakoff и M. Johnson, концепты формируются через систему метафорического мышления и телесного опыта человека [Lakoff, Johnson, 1980]. R. Langacker рассматривает концепт в рамках когнитивной грамматики как структурированную единицу знания, закрепленную в языковой форме [Langacker, 2008]. J.R. Taylor также подчеркивает, что концепты представляют собой динамические когнитивные структуры, формирующиеся в процессе языкового и культурного опыта [Taylor, 2003].

Наряду с дефиниционными трактовками концепта в научной литературе представлены и его метафорические интерпретации, направленные на моделирование внутренней организации концептуальных структур. Так, З.Д. Попова и И.А. Стернин описывают концепт как образование, обладающее полевой структурой [Попова, Стернин, 2007], Н.Н. Болдырев сопоставляет концепт со «снежным комом» [Болдырев, 2001], а Н.Н. Сафина представляет его в виде пирога, разделенного на равные сегменты [Сафина, 2010].

Настоящее исследование посвящено анализу концепта WIZARD, играющего значимую роль в репрезентации волшебной картины мира произведений жанра фэнтези. Материалом исследования послужил роман «Harry Potter and the Goblet of Fire» J.K. Rowling, а также его переводы на русский язык, выполненные издательствами РОСМЭН (перевод под редакцией М.Д. Литвиновой) и «Махаон» (перевод М.Н. Спивак). Выбор данного произведения обусловлен его репрезентативностью для жанра фэнтези и значимостью концепта WIZARD в формировании авторской картины мира.

Методы и материалы исследования

Цель настоящего исследования заключается в моделировании концептов WIZARD и ВОЛШЕБНИК на основе анализа словарных дефиниций, сопоставлении традиционного и авторского представления

концепта WIZARD, а также выявлении способов актуализации данного концепта в русскоязычных переводах романа «Harry Potter and the Goblet of Fire» J.K. Rowling.

Материалом исследования послужил роман «Harry Potter and the Goblet of Fire», а также его переводы на русский язык, выполненные издательствами РОСМЭН и «Махаон».

В ходе исследования были использованы методы дефиниционного, компонентного, контекстуального и сопоставительно-переводческого анализа. На первом этапе исследования был проведен анализ словарных дефиниций лексем, репрезентирующих концепт WIZARD, по данным словарей *Longman Dictionary of Contemporary English*, *Merriam-Webster Online Dictionary* и *Collins Dictionary*. В результате анализа были выявлены ключевые признаки концепта, отражающие его традиционное языковое представление.

На следующем этапе посредством метода сплошной выборки были проанализированы случаи вербализации концепта WIZARD в тексте романа. Это позволило выявить особенности авторской интерпретации концепта и сопоставить ее с традиционной моделью, отраженной в словарных дефинициях.

Для анализа репрезентации концепта в русском языке были рассмотрены лексемы «маг», «волшебник», «колдун» и «чародей», выступающие переводческими соответствиями английской единицы «wizard». Дефиниционный анализ указанных лексем был осуществлен на материале «Большого толкового словаря русского языка» под редакцией С.А. Кузнецова и «Толкового словаря русского языка» Д.Н. Ушакова.

Результаты исследования

Одним из центральных концептов волшебной картины мира романов о Гарри Поттере является концепт WIZARD, репрезентирующий персонажей, принадлежащих к магическому сообществу. Анализ словарных дефиниций показал, что в структуре данного концепта регулярно актуализируются признаки «magic», «power», «skill», «good quality» и «person».

Так, в слове *Longman Dictionary of Contemporary English* лексема «wizard» определяется как «... a man who is supposed to have magic powers» и «someone who is very good at something» [*Longman Dictionary of Contemporary English*]. Данные дефиниции позволяют выделить признаки «male person», «magic», «power», «skill» и «good quality».

Сходные признаки фиксируются и в других словарных источниках. В *Merriam-Webster Online Dictionary* концепт репрезентируется

через признаки «magic», «skill» и «wisdom» [Merriam-Webster Online Dictionary], тогда как *Collins Dictionary* дополнительно актуализирует связь концепта со сказочно-легендарным пространством [Collins Dictionary].

Таким образом, традиционное языковое представление концепта WIZARD включает следующие основные компоненты:

- принадлежность к человеческому субъекту;
- наличие магических способностей;
- высокий уровень мастерства или знаний;
- положительную оценочность;
- связь с мифологическим или сказочным пространством.

Так, «традиционные», нашедшие отражение в словарных дефинициях признаки концепта (мифологемы) можно отразить следующим образом (диаграмма 1):

Диаграмма 1. «Традиционные» признаки концепта WIZARD

Анализ романа «Harry Potter and the Goblet of Fire» показал, что авторская интерпретация концепта существенно расширяет его традиционную структуру. В тексте произведения концепт WIZARD приобретает признаки, связанные с социальной организацией волшебного мира, системой образования, возрастной стратификацией и существованием отдельной магической реальности (диаграмма 2).

Диаграмма 2. Приобретенные в структуре текста признаки концепта WIZARD

Одним из значимых признаков авторского концепта является признак «reality», регулярно вербализуемый посредством лексемы «world»:

*Harry had never been able to confide in them or tell them anything about his life in the **wizarding world**.*

*... everyone in the hidden **wizarding world** knew his name.*

В приведенных примерах концепт WIZARD функционирует как элемент самостоятельного мира, противопоставленного немагической реальности.

Признак «education» нередко актуализируется имплицитно через лексему «school»:

*Harry laughed but didn't voice the amazement he felt at hearing about other **wizarding schools**.*

*“Durmstrang's another **wizarding school**?” — said Harry.*

В данном случае принадлежность к миру волшебников предполагает существование специализированной образовательной системы, что отсутствует в традиционном понимании концепта.

Еще одним значимым компонентом авторской модели является признак «age»:

*They knew perfectly well that, as an **underage** wizard, Harry wasn't allowed to use magic outside Hogwarts ...*

Таким образом, концепт WIZARD в художественной картине мира Дж.К. Роулинг характеризуется более сложной структурой по сравнению с традиционной словарной моделью и включает социальные, институциональные и культурные характеристики.

В русском языке концепту WIZARD соответствуют лексемы «волшебник», «чародей», «маг» и «колдун». Проведенный дефиниционный анализ показал, что данные единицы обладают различными семантическими и оценочными характеристиками (диаграмма 3).

Диаграмма 3. Признаки концепта «волшебник» в русском языке

Лексемы «волшебник» и «чародей» преимущественно ассоциируются с положительной оценкой, мудростью, добротой и способностью совершать чудеса. В свою очередь, слово «колдун» акцентирует деятельностный аспект магической практики и связано с представлением о целенаправленном осуществлении магических действий. Лексема «маг» обладает более книжной и культурно маркированной семантикой, что придает ей оттенок экзотизации.

Рассмотрим примеры актуализации концепта WIZARD в русскоязычных переводах романа «Гарри Поттер и Кубок Огня», выполненных издательствами РОСМЭН (перевод под редакцией М.Д. Литвиновой; далее — РПТ 1) и «Махаон» (перевод М.Н. Спивак; далее — РПТ 2).

АИТ: *Dobby knew sir must be a great wizard, because he is Harry Potter's greatest friend* (J.K. Rowling. 2010. С. 37).

РПТ 1: *Добби знал, сэр, что сэр замечательный волшебник, ведь он — лучший друг...* (Д.К. Роулинг. 2002. С. 74).

РПТ 2: *Добби знал, что сэр наверняка великий волшебник, поскольку сэр — лучший друг Гарри Поттера...* (Д.К. Роулинг. 2017. С. 67).

В приведенном примере концепт WIZARD репрезентирует персонажа с положительной характеристикой, что обуславливает использование переводчиками лексемы «волшебник», обладающей в русском языке преимущественно положительной оценочной семантикой. Употребление данной единицы способствует формированию у читателя благоприятного восприятия персонажа и актуализирует такие компоненты концепта, как «доброта», «мудрость» и «исключительные способности».

АИТ: *People say old Mad-Eye's obsessed with fighting with Dark wizards* (J.K. Rowling. 2010. С. 152).

РПТ 1: *Говорят, Грозный Глаз помешался на поимке черных магов* (Д.К. Роулинг. 2002. С. 314).

РПТ 2: *Поговаривают, что старина Шизоглаз одержим ловлей черных магов* (Д.К. Роулинг. 2017. С. 357).

В данном примере, напротив, речь идет о персонажах с отрицательной характеристикой. В обоих вариантах перевода используется лексема «маг», которая в представленном контексте приобретает более мрачную и отчужденную коннотацию. Подобное переводческое решение позволяет усилить негативную оценочность образов и способствует формированию у читателя представления об опасности и враждебности персонажей.

АИТ: *I shall be lodging complaints with the Ministry of Magic and the International Confederation of Wizards* (J.K. Rowling. 2010. С. 21).

РПТ 1: *И я намерен подать жалобу в Министерство магии и Международную конфедерацию колдунов...* (Д.К. Роулинг. 2002. С. 42).

РПТ 2: *Я непременно подам протест в Министерство магии, а также в Международную конфедерацию чародейства* (Д.К. Роулинг. 2017. С. 33).

В данном случае наблюдаются различные способы интерпретации концепта WIZARD средствами русского языка. В переводе издательства РОСМЭН используется лексема «колдун», акцентирующая деятельностный аспект магической практики и актуализирующая представление о систематическом осуществлении магических действий. В переводе «Махаон» используется единица «чародейство», обладающая более выраженной положительной и стилистически маркированной

ной коннотацией. Подобное различие переводческих решений демонстрирует вариативность способов репрезентации концепта WIZARD в русскоязычной переводческой картине мира.

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что переводческие соответствия концепта WIZARD в русском языке не являются полностью эквивалентными и актуализируют различные семантические компоненты концепта. Выбор конкретной лексемы обусловлен как контекстом художественного произведения, так и прагматическими задачами переводчика.

Заключение

Таким образом, сопоставительный анализ концепта WIZARD, основанный на словарных дефинициях и авторском художественном представлении, позволяет выделить как устойчивые (константные), так и вариативные признаки данного концепта. К константным признакам относятся признаки, реализованные лексемами: *a person, male, magic, positive evaluative component (good quality)*, что отражает базовое ядро концепта в языковом сознании.

Авторская интерпретация концепта расширяет его семантическое поле за счет дополнительных признаков: *clothes, age, reality, work, evil, money, education, feeling*. Эти компоненты отражают художественную специфику мира произведения и показывают, что концепт WIZARD в текстах художественной литературы приобретает более сложную и многослойную структуру по сравнению со словарной моделью.

Сопоставление также демонстрирует, что в русском языке данный концепт не имеет однозначного соответствия и репрезентируется несколькими лексическими единицами, что обуславливает расширение набора выявленных признаков и повышает вариативность его вербализации. Переводчики, как правило, не испытывают значительных трудностей при передаче данного концепта и выбирают наиболее подходящий лексический эквивалент в зависимости от контекста и прагматической задачи текста.

В целом анализ показывает, что художественная реализация концепта WIZARD существенно дополняет его словарную модель, отражая не только магическую природу персонажа, но и его социальные, культурные и эмоциональные характеристики.

Библиографический список

Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика. Курс лекций по английской филологии. Тамбов: Изд-во Тамб. ун-та, 2001. 123 с.

Вежицка А. Язык. Культура. Познание. Москва: Русские словари, 1996. 416 с.

Войтешук И. В. Способы номинации макроконцепта «Вода» в немецком и русском языках // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 5. С. 111–114.

Иноземцева Н. В. Национальный концепт как отражение ирландской культуры // Когнитивные исследования языка. 2025. Вып. 1–2 (62): Когнитивные исследования в цифровую эпоху. С. 95–99.

Кононова И. В. Художественный концепт: актуальные проблемы и перспективы исследования // Гуманитарные технологии в современном мире : сборник ст. XI Международной научно-практической конференции, посвященной памяти доктора педагогических наук, главного редактора научного журнала «Современная коммуникативистика», профессора Оскара Яковлевича Гойхмана. Калининград, 18–21 мая 2023 г. Калининград: Полиграфычъ, 2023. С. 105–108.

Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. Москва: АСТ: Восток-Запад, 2007. 314 с.

Сафина Н. Н. Моделирование концепта в когнитивной лингвистике. Казань, 2010. 156 с.

Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. Москва: Академический проект, 1997. 989 с.

Телия В. Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. Москва: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.

Толковый словарь русского языка Д. Н. Ушакова. Электронный ресурс <https://ushakovdictionary.ru>

Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. Электронный ресурс <http://gramota.ru/slovari/info/bts/>

Collins Dictionary. Электронный ресурс <https://www.collinsdictionary.com>

Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago: University of Chicago Press, 1980. 242 с.

Langacker R. W. Cognitive Grammar: A Basic Introduction. Oxford: Oxford University Press, 2008. 572 с.

Longman Dictionary of Contemporary English. Электронный ресурс <https://www.ldoceonline.com>

Merriam-Webster Online Dictionary. Электронный ресурс <https://www.merriam-webster.com>

Taylor J. R. Cognitive Grammar. Oxford: Oxford University Press, 2003. 634 с.

Источники

Роулинг, Дж. К. Гарри Поттер и Кубок огня / пер. с англ. М.В. Спивак. Москва: «Махаон» / «Азбука-Аттикус», 2014. 704 с.

Роулинг Д. К. Гарри Поттер и Кубок огня / пер. с англ. М.Д. Литвиновой, Н.А. Литвиновой, А.Г. Ляха, М.А. Межуева, Е.И. Саломатиной ; под ред. М.Д. Литвиновой. Москва: РОСМЭН, 2002. 667 с.

Rowling, J. K. Harry Potter and the Goblet of Fire. London: Bloomsbury, 2000. 636 с.

References

Boldyrev, N. N. Cognitive semantics: A course of lectures on English philology. Tambov: Tambov University Press, 2001, 123 p. (In Russian).

Wierzbicka A. Language. Culture. Cognition, Moscow, 1996, 416 p. (In Russian).

Voyteshchuk, I. V. Ways of nominating the macroconcept "Water" in German and Russian. *Vestnik VGU. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* = Bulletin of Voronezh State University, ser. Linguistics and Intercultural Communication, no. 5, pp. 111–114. (In Russian).

Inozemtseva N. V. National concept as a reflection of Irish culture. *Kognitivnye issledovaniya yazyka* = Cognitive Studies of Language, 2025, iss. 1–2 (62): Cognitive Studies in the Digital Age, pp. 95–99. (In Russian).

Kononova I. V. Literary concept: Current issues and research prospects. *Gumanitarnye tekhnologii v sovremennom mire* = Humanitarian Technologies in the Modern World: coll of the articles of the XI International Scientific and Practical Conference Dedicated to the Memory of Professor Oskar Ya. Goikhman, Kaliningrad, 2023, pp. 105–108. (In Russian).

Popova Z. D., Sternin I. A. Cognitive Linguistics, Moscow: AST: Vostok-Zapad, 2007, 314 p. (In Russian).

Safina N. N. Concept modeling in cognitive linguistics, Kazan, 2010, 156 p. (In Russian).

Stepanov Yu. S. Constants: Dictionary of Russian Culture, Moscow: Akademicheskiiy proekt, 1997, 989 p. (In Russian).

Teliya V. N. Russian Phraseology: Semantic, Pragmatic and Linguocultural Aspects, Moscow: Shkola "Yazyki russkoy kul'tury", 1996, 288 p. (In Russian).

Ushakov D. N. Explanatory Dictionary of the Russian Language. Retrieved from <https://ushakovdictionary.ru> (In Russian).

Kuznetsov S. A. Great Explanatory Dictionary of the Russian Language. Retrieved from <http://gramota.ru/slovari/info/bts/> (In Russian).

Collins Dictionary. Retrieved from <https://www.collinsdictionary.com>

Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago: University of Chicago Press, 1980, 242 p.

Langacker R. W. *Cognitive Grammar: A Basic Introduction*. Oxford: Oxford University Press, 2008, 572 p.

Longman Dictionary of Contemporary English. Retrieved from <https://www.ldoceonline.com>

Merriam-Webster Online Dictionary. Retrieved from <https://www.merriam-webster.com>

Taylor J. R. *Cognitive Grammar*. Oxford: Oxford University Press, 2003, 634 p.

List of sources

Rowling J. K. *Harry Potter and the Goblet of Fire*. Trans. by M. V. Spivak, Moscow, 2017, 704 p.

Rowling J. K. *Harry Potter and the Goblet of Fire*, trans. by M. D. Litvinova, N. A. Litvinova, A. G. Lyakh, M. A. Mezhuev, E. I. Salomatina; ed. by M. D. Litvinova, Moscow, 2002, 667 p.

Rowling J. K. *Harry Potter and the Goblet of Fire*, London, 2010, 636 p.

К ВОПРОСУ ОБ ОБУЧЕНИИ ПРОФЕССИИ МЕДИАМЕНЕДЖЕРА В СИСТЕМЕ РОССИЙСКОГО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Е.А. Важина

Ключевые слова: медиаменеджмент, СМИ, журналистика, высшая школа, медиа, медиаменеджер, главный редактор

Keywords: media management, journalism, mass media, higher education institutions, media, media manager, editor-in-chief

[https://doi.org/10.14258/filichel\(2026\)3–15](https://doi.org/10.14258/filichel(2026)3–15)

Введение

Изменения, произошедшие в медиасреде в 2020-х — среди главных выделим процессы цифровой трансформации, рост мультиплатформенности [Вартанова, 2022, с. 1], внедрение в редакционную работу нейросетей, — отразились на профессиональных качествах медиаменеджера. В условиях многозадачности, жесткой конкуренции, постоянно меняющейся повестки дня профессионалы должны обладать рядом определенных качеств, чтобы успешно выполнять свою роль.

Актуальность исследования обусловлена тем, что представители медиа и академического сообщества заинтересованы в формировании необходимых компетенций будущего специалиста еще в процессе его учебы в университете. Вопрос о важности обучения российских студентов на факультете журналистики регулярно поднимается среди отечественных и зарубежных исследователей [Бабаева, 2022]. При этом необходимо учитывать изменения, происходящие в российской медиасреде, которые выражаются в стремительном расширении инфополя и невозможности существования СМИ без соцсетей. Как пишет О.В. Смирнова, «... все это ставит журналистов в условия растущей неопределенности перспектив профессии. Это стимулирует их к отрыву от СМИ и уходу в “свободное плавание”, к созданию личных брендов в соцсетях, к переходу в бренд-медиа, которые готовы брать на работу хороших авторов и платить им достойные деньги» [Смирнова, 2022, с. 5].

О том, каким должно быть классическое журналистское образование, до сих пор идут споры. Некоторые исследователи отмечают необходимость наличия в учебной программе общепрофессиональных дисциплин: «Одной из задач профессионального журналистского образо-

вания является всестороннее развитие, изучение различных дисциплин, чтобы будущий журналист, ориентируясь во всем, мог заниматься тем, что ему интересно, углубляясь в эту область» [Гребенев, Ускова, 2011, с. 30]. Подобные дисциплины помогают уже в университете закладываться навыкам универсального журналиста. Об этом писал Я.Н. Засурский, который отмечал, что высшая школа должна «воспитать у молодых журналистов вкус и умение работать и в традиционных, и в онлайн-новых СМИ» [Засурский, 2013, с. 16]. С ним согласна Л.П. Шестеркина, которая считает, что «целью и результатом профессиональной подготовки является определенный тип самостоятельного человека — такового универсального журналиста» [Шестеркина, 2012, с. 161].

Однако подобного подхода придерживаются не все отечественные исследователи. По мнению Г.В. Дистерло, в последние годы «актуальной становится необходимость конструктивного диалога журналистов-теоретиков с журналистами-практиками и пересмотра программ и подходов к обучению студентов» [Дистерло, 2017, с. 82]. С.Г. Корконосенко, З.Ф. Хубецова и И.Н. Блохин предложили модернизировать базовую модель журналистского профессионального образования за счет следующих шагов [Корконосенко, Хубецова, Блохин, 2018, с. 159]:

- Совмещение подготовки специалистов в университете с редакционным производством, когда обучение идет параллельно с профессиональным журналистским трудом.

- Университеты должны стать центрами инновационного медиа-производства.

- У студента должны быть сформированы как минимум четыре группы компетенций. Среди них: нормативные (знание и умение пользоваться законами в информационной сфере), психологические (умение понимать медиатексты, защищаться от медианасилий и манипуляций), информационные (необходимые для «формирования ролевых моделей потребителя и навигатора») и коммуникативные (имеются в виду производство сообщений и коммуникативные компетенции).

Стоит отметить, что в российском научном дискурсе все еще нет работ, посвященных процессу подготовки в высшей школе не просто журналистов, а медиаменеджеров — профессионалов, способных запустить собственное медиа, эффективно управлять редакцией и достигать необходимых KPI. В научных публикациях уделяется достаточно внимания непосредственно роли медиаменеджера в редакции СМИ [Вырковский, 2016], его работе в конвергентной медиасреде [Ким, 2020]. Также исследователями были разработаны психограмма и профессиональная медиаменеджера [Зиновьева, 2016] и составлен социально-

демографический портрет российского топ-менеджера [Шарилов, Черкасова, 2018]. Н.В. Рубцова изучала специфику российского профессионального журналистского образования по программам магистратуры [Рубцова, 2023]. К.А. Пономарев создал модель мультимедийной редакции среди студентов-старшекурсников, в рамках которой призывает обучать студентов «управлять коллективом авторов» и запуску собственного СМИ [Пономарев, 2013]. При этом некоторые авторы неоднократно отмечали важность исследования процесса обучения профессии медиаменеджера, при этом уделяя достаточное внимание необходимым компетенциям для овладения ею [Волкова, 2018]. Таким образом, исследователи отмечают лакуны в научном дискурсе и призывают их заполнять.

Цель данной работы — выявить необходимые современному медиаменеджеру профессиональные компетенции и сопоставить полученные данные с реальной картиной того, как сегодня в российских университетах реализуется программа обучения медиаменеджменту. В статье мы попытались ответить на следующие исследовательские вопросы:

ИВ 1: Какие российские университеты обучают студентов медиаменеджменту и какие компетенции получают будущие управленцы?

ИВ 2: Какие профессиональные качества необходимы современному медиаменеджеру?

ИВ 3: Как можно модернизировать и актуализировать программы по медиаменеджменту в высшей школе, опираясь на полученные экспертные данные?

Методы и материалы исследования

Для того чтобы выявить необходимые медиаменеджеру навыки для работы в медиа, мы взяли полуструктурированное интервью у пяти главных редакторов российских СМИ. В их число входили бывшие и действующие медиаменеджеры Sports.ru (P1), Cosmopolitan (P2), Psychologies.ru (P3), Ferra.ru (P4), «Лайфхакер» (P5). В данной выборке присутствуют СМИ различной тематической составляющей и разного формата, что, на наш взгляд, позволяет глубже изучить российский медиаландшафт и редакционные процессы в разных медиа. Интервью было проведено в период 2023–2025 гг. с использованием дистанционных средств связи.

Респондентам были заданы следующие вопросы:

● «Какие личные качества необходимы главному редактору для управления командой в условиях современного медиарынка?»

- «Какие профессиональные качества необходимы главному редактору для управления сотрудниками?»
- «Как происходят процессы принятия решений в редакции СМИ?»
- «Выделите наиболее важные процессы в работе главного редактора онлайн-СМИ».
- «Какой стиль общения вы практикуете в редакции?»

На наш взгляд, для научной статьи количество собранного эмпирического материала достаточно для того, чтобы получить ответы на поставленные нами исследовательские вопросы, тем более что временной период охватывает все масштабные изменения, затронувшие редакции СМИ: появление и развитие нейросетей, изменение архитектуры российской медиасистемы, работу редакции в эпохе post-COVID-19, усиление роли социальных сетей и блогерства в создании digital-контента.

Также мы проанализировали образовательные программы по медиаменеджменту, которые реализуют российские университеты, и проанализировали основные учебные дисциплины, представленные в них. Подчеркнем, что мы рассматривали конкретную образовательную программу — «Медиаменеджмент», которая представляет собой отдельный курс, спецкурс либо непосредственно программу обучения²⁶. Анализ таких образовательных программ, как «Медиакоммуникация», «Продюсирование», «Цифровые коммуникации», а также более широких направлений подготовки не входили в сферу наших интересов.

Перед нами стояла задача: узнать, в каких университетах готовят будущих медиаменеджеров и на какой ступени обучения это происходит. Мы выбрали первые десять университетов из списка лучших высших учебных учреждений России рейтингового агентства RAEX за 2025 г.²⁷ В топ-10 рейтинга вошли:

1. МГУ.
2. Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана.
3. Московский физико-технический институт.
4. Санкт-Петербургский государственный университет.
5. Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ».
6. МГИМО МИД России.
7. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».
8. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

²⁶ См. например: <https://www.hse.ru/ma/mediaman/>

²⁷ https://raex-rr.com/education/russian_universities/top-100_universities/2025/

9. Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

10. Финансовый университет при Правительстве РФ.

Затем мы воспользовались поисковыми платформами Google и Яндекс, чтобы узнать, какие еще высшие университеты, вне рассматриваемого рейтинга, реализуют данную программу.

После этого, основываясь на полученных данных, мы представили собственный перечень дисциплин, которым, на наш взгляд, стоит уделить внимание в составлении образовательной программы «Медиаменеджмент» российских университетов.

Результаты исследования

Прежде всего, подчеркнем, что в исследовании мы отождествляем понятия «медиаменеджер» и «главный редактор». Дискуссия о том, кто из медиапрофессионалов относится к медиаменеджеру, а кто — нет, идет в научном сообществе уже давно, но устойчивого категориального аппарата сформировано не было до сих пор. Тем не менее в последние годы появился пласт исследований, посвященный работе управленцев в медиа, который позволяет говорить о том, что категории «медиаменеджер» и «главный редактор» являются синонимичными и различия между ними несущественны [Важина, 2022].

Вопросы в рамках интервью были заданы каждому из пяти респондентов. Помимо основного вопроса о необходимых качествах для успешной и эффективной работы главного редактора, мы также решили узнать, чем непосредственно занимается медиаменеджер и какие процессы в редакции он берет на себя.

В итоговый список вошли как личные навыки главного редактора (гибкость, принципиальность, эмоциональная устойчивость, ответственность, забота о себе), так и профессиональные. «Принципиальность у хорошего редактора точно должна быть, чтобы какие-то вещи ты точно никогда не делал, а какие-то делал всегда; собственно, это пример для команды. Если тебя болтает из стороны в сторону, нет какого-то стержня, то и у команды его не будет» (P1).

Респонденты отмечали, что специалисту необходимо оперативно реагировать на события, происходящие в стране и мире, знать законы РФ, регулирующие сферу медиа, уметь концентрироваться на конечной задаче и профессионально работать с текстом — сюда входят все редакционные процессы, так или иначе затрагивающие создание контента, включая проверку фактов, работу с источниками, создание материалов с нуля. «Знание всех этапов производства и дистрибуции кон-

тента: главный редактор может написать сам, отредактировать чужой текст, понимает нюансы, сложности, трудозатраты» (P5).

Организаторские способности — одни из ключевых в работе для главного редактора. В их число входят умение планировать, делегировать, вести бизнес-процессы, собрать команду с нуля, если в этом есть необходимость, находить внешних авторов, следовать тайм-менеджменту, оперативно ставить задачи сотрудникам, связываться с коллегами из других департаментов, запускать различные спецпроекты и лендинги. Главному редактору необходимо «стратегическое мышление: понимание целей бизнеса, выстраивание стратегии развития издания в соответствии с ними» (P5). Большую роль в организаторской функции играет постоянная коммуникация с сотрудниками, коллегами и внешними авторами. Из этого возникает еще одна компетенция — коммуникативная. Наши респонденты придерживаются неформального стиля общения, закрепляя его в корпоративной культуре. Этот подход в редакционной коммуникации выражается в общении на «ты», возможности задать любой вопрос сотруднику, стоящему выше в цепочке должностей, тем самым стирая уровни внутренней иерархии. Подобная культура общения характерна для всех респондентов, которые приняли участие в нашем опросе. Отметим паттерн на минимизацию авторитарных традиций, усиление корпоративного духа, ненасильственное общение в принципе, когда руководитель видит перед собой в первую очередь сформировавшуюся личность и понимает, как лучше работать с тем или иным сотрудником. «Журналисты и редакторы — люди хрупкие и очень тонко чувствующие в основной своей массе. Худшее, что можно сделать для них, это всех загнать в рамки. Нужно дать всем определенную долю свободы и ощущение, что их все поддерживают, с ними считаются и они не просто винтики в машине» (P3).

Разумеется, стоит учитывать, что в современных условиях главному редактору зачастую не приходится использовать все вышеперечисленные навыки. Работу с авторами и текстом обычно берет на себя шеф-редактор или выпускающий редактор. С визуалом работает фоторедактор, а с внешними партнерами — PR-менеджер. Тем не менее считаем важным подчеркнуть, что в современном медиа главный редактор берет на себя множество ролей и находится внутри нескольких бизнес-процессов, что еще раз говорит о том, как специфична медиаиндустрия.

В итоге мы сформировали три группы необходимых компетенций, которые упоминались нашими респондентами чаще всего:

- Коммуникативные.
- Организаторские.
- Редакторские.

Именно такие базовые компетенции, на наш взгляд, актуальны для будущих медиаменеджеров. И их формирование стоит начинать уже на этапе обучения студентов в высшей школе.

Сама по себе образовательная программа «Медиаменеджмент» так или иначе реализуется в нескольких российских университетах. Причем чаще всего как электив или отдельная магистерская программа. Из университетов, которые запускали данную программу в 2023–2025 гг., мы выделили следующие:

- Санкт-Петербургский государственный университет.
- РАНХиГС (здесь программа называется «Медиаменеджмент и связь с общественностью в государственных и бизнес-структурах»).
- Московская высшая школа социальных и экономических наук.
- Высшая школа экономики.
- Московский университет им. А.С. Грибоедова.
- Северо-Кавказский федеральный университет.
- РЭУ им. Г.В. Плеханова (программа называется «Медиаменеджмент в индустрии спорта и развлечений»).
- Владивостокский государственный университет экономики и сервиса.

Все вышеперечисленные университеты запускали либо отдельную образовательную программу «Медиаменеджмент» в бакалавриате или магистратуре, либо спецкурс для студентов по выбору. Некоторые университеты обучали программе «Медиаменеджмент» в комплексе с другими дисциплинами. В МГУ реализовывалось направление профессиональной переподготовки «Менеджмент цифровых медиа», слушателями которого могли стать только те, у кого уже есть законченное высшее образование по программам специалитета, бакалавриата или магистратуры. Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина запускал программу в бакалавриате «Медиаменеджмент в международных отношениях». В Российском государственном гуманитарном университете реализовывалась программа «Инновационный медиаменеджмент и медиапродюсирование», которую изучали студенты магистратуры. Это говорит о том, что образовательная программа «Медиаменеджмент» чаще всего реализуется в комплексе с другими дисциплинами, некоторые из которых далеки от сферы журналистики и медиакоммуникаций.

Далее мы проанализировали дисциплины, которые студенты изучали на программе «Медиаменеджмент» в российских университетах, перечисленных выше, и выделили те, что встречаются чаще всего:

- Философские науки.
- Медиаэкономика.
- Современный менеджмент.
- Медиаполитика.

Отметим, что данные дисциплины можно считать базовыми и универсальными для подготовки будущих профессионалов журналистики. Однако стоит подчеркнуть, что в российских университетах на факультетах подготовки медиаменеджеров практически не изучаются основы психологии. Заметим, что выстраивание здоровой коммуникации в медиакомпаниях и эффективное взаимодействие с сотрудниками — важные качества для главного редактора, о чем в интервью рассказали нам опрошенные эксперты.

Также, на наш взгляд, в программу следует добавить основы литературного редактирования — по мнению российских медиаменеджеров, главный редактор должен уметь работать с текстом и обладать навыками редактуры. Кроме того, в магистратуре по медиаменеджменту было бы целесообразно ввести основы менеджмента, причем не только классического, но и так называемого «менеджмента креатива», медиаэкономику, чтобы будущий управленец имел представление не только о том, как функционирует российское медиаполе, но и знал, как сделать свое предприятие успешным в условиях жесткой конкуренции с точки зрения экономики.

В некоторых университетах — например, ВШЭ — уделяется меньше внимания предметам широкого профиля (философия, семиотика), а основной акцент делается на учебные курсы узкой направленности: медиааналитику, медиамаркетинг, финансовый менеджмент, медиаэкономику, медиапсихологию, которые напрямую затрагивают специфику работы в медиа и управление командой. Такой подход нам кажется наиболее целесообразным, учитывая, что дисциплина «Медиаменеджмент» в большинстве российских университетов изучается в магистратуре и студент обладает всеми необходимыми знаниями для углубленного изучения узконаправленных учебных курсов.

В целом большинство образовательных программ по дисциплине составлено таким образом, чтобы студенты получали как академические знания, так и практические навыки уже в начале обучения. Так, в образовательной программе «Медиаменеджмент и связи с об-

щественностью в государственных и бизнес-структурах» РАНХиГС студентам предлагаются тренинги «Психология лидерства и командообразование» и «Эмоциональный интеллект руководителя», направленные на формирование у обучающихся необходимых для управления командой компетенций. Студенты магистерской программы ВШЭ «Медиаменеджмент» составляют собственную образовательную траекторию, чтобы изучать предметы, которые интересны именно им, и затем применять полученные знания на стажировках. Северо-Кавказский федеральный университет также предоставляет студентам магистерской программы «Медиаменеджмент и медиааналитика» возможность выбирать дисциплины для изучения и проводит для них мастер-классы и воркшопы.

Резюмируем. В результате исследования были выделены три актуальные группы компетенций, которые необходимы лидерам медиаиндустрии для эффективного и успешного управления редакцией СМИ в условиях изменившейся рутинную работу реальности: повсеместной цифровизации, жесткой конкуренции на медиарынке, внедрения в работу нейросетей. В эти три группы входят как базовые качества — например, ответственность и гибкость, так и навыки, характерные только для специалиста в медиа, которые включали в себя, в частности, умение выстраивать команду, работать с текстом, искать партнеров и строить сильный медиабренд. Чтобы понять, как проходит подготовка медиаменеджеров в высшей школе, мы проанализировали несколько образовательных программ «Медиаменеджмент» по направлению «Медиакоммуникации», которые реализуют российские университеты, и предложили несколько новых дисциплин, актуальных для студентов в процессе обучения.

Перечень дисциплин для программ, формирующих необходимые для медиаменеджера компетенции

Дисциплины	Компетенции
Медиатексты, современный русский язык	Навыки редактуры и корректуры
Медиапсихология	Умение выстраивать команду и находить сотрудников
Основы делового общения	Умение объяснить людям, что от них требуется
Основы планирования и тайм-менеджмент	Способность декомпозировать задачи
Трансформация контента онлайн СМИ в условиях цифровизации	Внедрение новых форматов в работу

Заключение

Российские университеты уделяют достаточно внимания подготовке будущих профессионалов журналистики. При этом изменяющийся и нестабильный медиаландшафт требует от главных акторов медиасреды постоянного развития, чтобы они были способны отвечать на последние вызовы рынка. Поэтому, чтобы студенты были успешны в выбранной профессиональной области, программы медиаменеджмента можно дополнить, добавив дисциплины, которые помогут учащимся сформировать навыки профессионального межличностного общения и психологии, литературного редактирования, медиаэкономики. Также стоит отметить целесообразность включения программы медиаменеджмента в магистерские программы, поскольку данная дисциплина требует от студентов базовых навыков и умений, заложенных в бакалавриате и специалитете.

В целом отметим, что далеко не все российские университеты занимаются реализацией программы медиаменеджмента в магистратуре и бакалавриате. Объективные причины мы видим в недостаточном изучении темы редакционного менеджмента в отечественном научном дискурсе, несмотря на то что по сути медиаменеджер — один из главных субъектов журналистики. Возможно, этот факт послужит темой для будущих научных работ, которые заполнят эту лакуну.

Библиографический список

Бабаева Д. М. Значимость обучения журналистике в период цифровизации образования // IN SITU. № 11. 2022. С. 131–133.

Вартанова Е. Л. Цифровая журналистика и медиакоммуникационная среда // Медиатренды. № 1 (87). 2022. С. 1–3.

Важина Е. А. Понятие и функции медиаменеджера в условиях цифровой трансформации // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2022. № 4 (46). С. 133–138.

Волкова А. А. К вопросу о необходимости изучать компетенции руководителя средств массовой информации // Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. № 23. 2018. С. 96–98.

Вырковский А. В. Процессное управление и редакционный менеджмент: возможности адаптации // Вопросы теории и практики журналистики. 2016. № 2. С. 210–220. [https://doi.org/10.17150/2308-6203.2016.5\(2\).210-220](https://doi.org/10.17150/2308-6203.2016.5(2).210-220)

Гребенев И. В., Ускова Н. Н. Методика оценки качества профессиональной подготовки журналистов // Наука и школа. 2011. № 6. С. 29–35.

Дистерло Г. В. Соответствие современного журналистского образования запросам потенциальных работодателей // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2017. № 4 (27). С. 82–88.

Засурский Я. Н. Коммуникация в обществе знаний. Российская журналистика: 2008–2013. Москва: МедиаМир, 2013. 296 с.

Зиновьева Е. Б. Изучение особенностей формирования личности медиаменеджера в условиях изменения внешней и внутренней среды // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2016. № 4 (13). С. 105–113.

Ким М. Н. Особенности работы мультимедийных журналистов и редакторов в конвергентных редакциях // Управленческое консультирование. 2020. № 12. С. 130–139. <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2020-12-130-139>

Корконосенко С. Г., Хубецова З. Ф., Блохин И. Н. Научно-образовательные приоритеты в журналистском образовании // Социально-гуманитарные знания. 2018. № 8. С. 149–156.

Пономарев К. А. Учебная модель мультимедийной редакции // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История. Филология. 2013. № 6. Т. 12. С. 129–134.

Рубцова Н. В. Состояние высшего профессионального журналистского образования в регионах России (Уровень магистратуры) // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2023. № 4 (45). Т. 12. С. 142–145. https://doi.org/10.57145/27128474_2023_12_04_30

Смирнова О. В. Журналистика в условиях депрофессионализации и тиктокизации медиaprостранства // Медиатренды. 2022. № 1 (87). С. 1–8.

Шариков А. В., Черкасова М. В. Топ-менеджеры ведущих СМИ России: социально-демографический портрет сообщества // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение, журналистика. 2018. № 3. Т. 23. С. 312–322. <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2018-23-3-312-322>

Шестеркина Л. П. Формирование профессионально-личностной компетентности студента-журналиста // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Профессиональное образование, теория и методика обучения. № 6. 2012. С. 159–162.

References

Babaeva D. M. The Significance of Training Journalism during the Digitalization of Education. *IN SITU*, 2022, no. 11, pp. 131–133. (In Russian).

Disterlo G. V. Accordance of Contemporary Journalistic Education with Demands of Potential Employers. *Aktualnyye voprosy sovremennoy filologii i zhurnalistiki* = Actual Issues of Modern Philology and Journalism, 2017, no. 4 (27), pp. 82–88. (In Russian).

Grebenev I. V., Uskova N. N. Method of Assessing the Quality of Training of Journalists. *Nauka i shkola* = Science and School, 2011, no. 6, pp. 29–35. (In Russian).

Kim M. N. Features of Work of Multimedia Journalists and Editors in Converged Editorial Offices. *Upravlencheskoye konsultirovanie* = Management Consulting, 2020, no. 12, pp. 130–139. <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2020-12-130-139> (In Russian).

Korkonosenko S. G., Khubetsova Z. F., Blokhin I. N. Theoretical and Educational Priorities in Journalism Education. *Sotsialno-gumanitarnyye znaniya* = Social and Humanitarian Knowledge, 2018, no. 8, pp. 149–156. (In Russian).

Ponomarev K. A. Educational Model of a Multimedia Editorial Board. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta* = Bulletin of Novosibirsk State University, ser. History. Philology, 2013, vol. 12, no. 6, pp. 129–134. (In Russian).

Rubtsova N. V. Status of Higher Professional Media Education in the Regions of Russia (master studies). *Azimut nauchnykh issledovaniy: pedagogika i psikhologiya* = Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology, 2023, vol. 12, no. 4 (45), pp. 142–145. https://doi.org/10.57145/27128474_2023_12_04_30 (In Russian).

Sharikov A. V., Cherkasova M. V. Top Managers of the Leading Media of Russia: Social-Demographic Portrait of the Community. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov* = Bulletin of the Russian University of Peoples' Friendship, ser.: Literary Studies, Journalism, 2018, vol. 23, no. 3, pp. 312–322. <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2018-23-3-312-322> (In Russian).

Shestyorkina L. P. The Formation of a Future Journalist's Professional and Personal Competence. *Uchenyye zapiski Zabaykal'skogo gosudarstvennogo universiteta* = Scientific Notes of Trans-Baikal State University, ser. Professional Education, Theory and Methods of Teaching, 2012, no. 6, pp. 159–162. (In Russian).

Smirnova O. V. Journalism in the Conditions of Deprofessionalization and TikTokization of the Media Space. *Mediatrendy* = Media Trends, 2022, no. 1 (87), pp. 1–8. (In Russian).

Vartanova E. L. Digital Journalism and the Media Communication Environment. *Mediatrendy* = Media Trends, 2022, no.1 (87), pp. 1–3. (In Russian).

Vazhina E. A. The Concept and Functions of a Media manager in the Context of Digital Transformation. *Znak = Znak*, 2022, no. 4 (46), pp. 133–138. (In Russian).

Volkova A. A. On the Issue of the Need to Study the Competencies of the Head of the Mass Media. *Vestnik KhGU im. N.F. Katanova* = Bulletin of Khakass State University named after N.F. Katanov, 2018, no. 23, pp. 96–98. (In Russian).

Vyrkovsky A. V. Process Management in newsrooms: Possibilities to adapt. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki* = *Theoretical and Practical Issues of Journalism*, 2016, no. 2, pp. 210–220. [https://doi.org/10.17150/2308-6203.2016.5\(2\).210-220](https://doi.org/10.17150/2308-6203.2016.5(2).210-220) (In Russian).

Zasursky Ya. N. Communication in the Knowledge Society. Russian Journalism: 2008–2013, Moscow, 2013, 296 p. (In Russian).

Zinovieva E. B. The Research of Specifics of Forming Media Manager Personality in the Conditions of Changing External and Internal Environment. *Vestnik RGGU* = Bulletin of RSUH, ser. Literary Studies. Linguistics. Cultural Studies, 2016, no. 4 (13), pp. 105–113. (In Russian).

ЛЮДИ. ФАКТЫ. СОБЫТИЯ

МЕДИАЛИНГВИСТИКА В АСПЕКТЕ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТИ (ОБЗОР ИТОГОВ ЮБИЛЕЙНОЙ X КОНФЕРЕНЦИИ «ЯЗЫК В КООРДИНАТАХ МАССМЕДИА», СПбГУ, 1–4 ИЮЛЯ 2026)

Е.С. Кара-Мурза

Ключевые слова: медиалингвистика, юбилейная конференция, пленарные сессии, коммуникативные риски в медиапространстве, исследовательские группы, МАИЯМ

Keywords: media linguistics, anniversary conference, plenary sessions, communication risks in the media space, research groups, IAMCL

[https://doi.org/10.14258/filichel\(2026\)3–16](https://doi.org/10.14258/filichel(2026)3–16)

С 1 по 4 июля 2026 г. в Санкт-Петербургском государственном университете состоялась X Международная научная конференция «Язык в координатах массмедиа»²⁸. Она была организована кафедрой медиалингвистики (зав. каф. — проф. Л.Р. Дускаева) и прошла в очном формате в Институте «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций» СПбГУ. В отчете об открытии конференции на сайте ВШЖиМК отмечено, что юбилейная конференция собрала рекордное число участников — 380 исследователей, преподавателей, экспертов и студентов из 12 стран²⁹.

Конференция теперь проходит под эгидой Международной ассоциации исследователей языка медиакommunikации (МАИЯМ), которая была создана в 2024 г. на базе ВШЖиМК СПбГУ по инициативе профессора Дускаевой. А первый семинар по медиалингвистике в СПбГУ состоялся 15 лет назад, в 2011 г. [Медиалингвистика, 2013].

²⁸ <https://linguistics-media.ru/>

²⁹ <https://jf.spbu.ru/news/144–17862.html>

Напомним, что МАИЯМ сформировалась на базе научной школы медиалингвистики СПбГУ — одного из ведущих отечественных коллективов этой новой междисциплинарной науки, российский вариант которой возник в начале 2000-х, а инициатором его стала Т.Г. Доброклонская (МГУ им. М.В. Ломоносова). Официальный сайт ассоциации: linguistics-media.ru.

Научную основу деятельности МАИЯМ составляет праксиологическая медиалингвистика [Дускаева, 2014].

МАИЯМ объединяет 23 исследовательские группы; в них входят ученые из России, Беларуси, Болгарии, Китая, Индии, Сербии, Италии, Армении, Казахстана, Узбекистана, Таджикистана и других стран. На сайте МАИЯМ эти группы скомпонованы в 6 направлений:

1. Группы по изучению ресурсов медиаречи

- Грамматика и прагматика дейксисных и строевых единиц в медиаречи (рук. М.И. Конюшкевич, Респ. Беларусь)
- Лексика языка массмедиа и современная лексикография (рук. Е.В. Маринова, НГЛУ)
- Мультимодальный дискурс-анализ (рук. М.В. Загидуллина, ЧелГУ)

2. Группы по изучению парадигматики медиатекстов

- Медиажанры: традиции и цифровые трансформации (рук. Е. К. Гурова, МГУ им. М. В. Ломоносова)
- Стилистические исследования языка медиа (рук. Н.И. Клушина, МГУ им. М.В. Ломоносова)
- Историческая стилистика различных типов медиаречи (рук. О.С. Кругликова, СПбГУ)

3. Группы по изучению парадигматики и синтагматики медиадискурсов

- Онтология медийной речи и структура медийного дискурса (рук. В.И. Коньков, СПбГУ)
- Диалоговедческая группа (рук. Л.Р. Дускаева, СПбГУ)
- Дискурсивные исследования аудиовизуальных массмедиа (рук. Н.Г. Нестерова, ТомГУ)
- Лингвистическая герменевтика медиадискурса в синхронии и диахронии (рук. Е.В. Быкова, СПбГУ)
- Медиадискурс международных отношений в современных геополитических условиях (рук. У Мэй, Университет Макао, КНР)
- Вербально-визуальные связи в языке стратегических коммуникаций (рук. Э.М. Глинтерник, СПбГУ)

- Медиадискурс межкультурной коммуникации (рук. О.Г. Кунгурова, Костанайский региональный университет им. А. Байтурсынова)

4. Группы по критике медиаречи

- Культурно-языковая критика медиа (рук. М.Я. Розенфельд, ВГУ)
- Культурно-исторический аспект в исследовании языка медиатекста (рук. И.И. Минчук, ГрГУ, Респ. Беларусь)
- Литературно-художественная критика: лингвопраксиологические аспекты (рук. Н.С. Цветова, СПбГУ)
- Лингвистическая экспертиза медиатекстов (рук. Т.В. Чернышова, АлтГУ)

5. Группы прикладных исследований

- Пути формирования лингвокоммуникативной компетентности в медиа (рук. Е.В. Выровцева, СПбГУ)
- Медиатекст в методике обучения иностранным языкам (рук. Е.В. Стоянова, Болгария)
- Интеллектуальный анализ медийного текста (рук. В.А. Салимовский, ПГНИУ)
- Междисциплинарный анализ контента социальных медиа (рук. М.А. Пильгун, РГСУ)

6. Инодисциплинарные исследовательские группы

- Философские проблемы медиакommunikации и медиадискурса (рук. Е.А. Кожемякин, НИУ ВШЭ)
- Политологические исследования медиакommunikации (рук. В.А. Ачкасова, СПбГУ)
- Социологические исследования медиатизации и цифровизации современных обществ (рук. Е.А. Островская, СПбГУ).

В исследовательских группах проводятся рабочие собрания и семинары.

МАИЯМ предлагает и другие виды активности. Так, в 2026 г. стартовал конкурс учебников и учебных пособий в области медиалингвистики. Условия участия — публикации за последние 5 лет и наличие в авторском коллективе хотя бы одного члена МАИЯМ. Книги прошли двухэтапную экспертизу, а итоги были подведены на открытии конференции. Дипломы победителей этого года в номинации «Учебник» получили соавторы — Т.И. Сурикова (МГУ им. М.В. Ломоносова) и В.И. Коньков (СПбГУ) за книгу «Лингвистические основы деловой коммуникации» (Москва: ИНФРА, 2021). Лауреатом в номинации «Учебные и справочные издания» стал словарь-справочник «Язык и медиакommunikация» — отв. ред. М.А. Кормилицына (Саратовский национальный исследовательский государственный университет

им. Н. Г. Чернышевского), Е. А. Щеглова (Санкт-Петербургский государственный университет).

В 2027 г. намечено провести конкурс монографий.

Кроме того, ассоциация содействует выходу научных материалов: регулярно публикуются сборники материалов конференций. Авторам лучших докладов предлагается подготовить статьи для журнала «Медиалингвистика» (он имеет высокий статус — 1 квартиль SCOPUS, 1 уровень ВАК). Также можно инициировать выпуск монографий в международной серии «Язык в координатах массмедиа», которая основана Высшей школой журналистики и массовых коммуникаций СПбГУ в 2019 г. К настоящему времени вышло 5 индивидуальных и коллективных монографий: Л.Р. Дускаева «Стилистический анализ в медиалингвистике» (2019); Л.Р. Дускаева, В.И. Коньков, Т.Ю. Редькина «Грамматика речевых действий в медиалингвистике» под ред. Л.Р. Дускаевой (2019); Л.Р. Дускаева, Т.Ю. Редькина, Н.С. Цветова «Критика речи в медиалингвистике» (2019); «Медиалингвистика славянских стран», под науч. ред. Л.Р. Дускаевой, отв. ред. Л.Ю. Иванова (2020); «Комическое как коммуникативный ресурс в цифровой новостной среде», отв. ред. Ю.М. Коняева (2022).

В научном журнале Алтайского государственного университета «Филология и человек» уже не первый раз подробно освещается работа конференции «ЯМК», и прежде всего становление секции «Лингвистическая экспертиза медиатекстов», сконцентрированной на проблематике лингвоэкспертологии [Чернышова, 2023; Кара-Мурза, Чернышова, 2025]. Поэтому в отчете о юбилейной конференции основное внимание будет уделено конференции «ЯКМ-2026» в целом и рассказу о том, как работала наша пленарная секция, которая второй год носит название «Коммуникативные риски в медиапространстве и их актуализация в образовательном, просветительском и лингвоэкспертном дискурсах».

На юбилейной конференции состоялось два пленарных заседания (1 и 4 июля) и 22 пленарных сессии.

На первом пленарном заседании (модератор Л.Р. Дускаева, д.ф.н., профессор СПбГУ; ученый секретарь А.А. Самсонова, СПбГУ) были прочитаны доклады: Л.Р. Дускаева — «Установка на новизну выражения как принцип формирования медиаречи»; Е.Г. Борисова (Государственный академический университет гуманитарных наук, Москва) — «Почему эрративы не делают речь токсичной»; Л.П. Саенкова-Мельницкая (Белорусский государственный университет) — «Интерпретация художественного текста как реабилитация автора».

На втором пленарном заседании (модератор Л.Р. Дускаева, СПбГУ; ученый секретарь Р.Т. Байгазанова, СПбГУ), которое было посвящено проблемам новой медиавыразительности, с докладами выступили: Райна Драгичевич (Белградский госуниверситет) — «Лексические средства экспликации возражения»; Е.К. Гурова (МГУ им. М.В. Ломоносова) — «Выразительность до и после 'цифры'»; О.И. Северская (ИРЯ им. В.В. Виноградова РАН) — «Поиски общего языка как стратегия убеждения: поколенческая семантика ключевых понятий»; Н.Г. Брагина (Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина) — «Стишки нового русского паблика „Вижу рифмы“: технологии — визуальность — монтаж»; Н.Г. Нестерова (Томский национальный исследовательский университет) — «Творческое начало телевизионных и радиопрограмм в контексте экологии речи». Все доклады были посвящены актуальной практике функционирования современного медиаязыка как средства выразительности.

Кроме того, были организованы презентации книг членов МАИЯМ. Доктор филологических наук, отличник образования Республики Беларусь М.И. Конюшкевич представила словарь «Союзы и союзный конструктив русского языка. Грамматика реального употребления». Продемонстрирована первая книга Словаря в диапазоне А–Б. Так начался принципиально новый и долгосрочный проект по тотальной инвентаризации союзных средств русского языка в их реальном употреблении.

Директор Института русского языка, истории и культуры Университета Северного Вермонта — Линдон (США) профессор А.А. Строканов представил подготовленную им книгу А.И. Деникина «Мировая война: Россия и Зарубежье», которую выпустило в свет издательство «Вече» в серии «Военные мемуары». Рукопись книги генерала А.И. Деникина, известного лидера Белого движения (1872–1947, перезахоронен в некрополе Донского монастыря в Москве в 2005 г.), была найдена проф. Строкановым в Бахметевском архиве Колумбийского университета в Нью-Йорке.

Авторский коллектив Томского национального исследовательского университета в составе Н.Г. Нестеровой, Т.Е. Арсеньевой, П.Н. Босого, С.В. Ермоленко, А.А. Орешкиной, Ю.С. Сабаевой, Ч. Цзюй представил собравшимся коллективную монографию «Радиодискурс первой четверти XXI века» (под ред. проф. Н.Г. Нестеровой, Томск: Издательский дом Томского государственного университета, 2025), посвященную изучению радиодискурса как средства массовой коммуникации, претерпевшего в XXI в. весьма существенные трансформации. В центре ис-

следовательского внимания динамические процессы в радиопространстве и проблема эффективности радиокоммуникации.

Затем работа конференции продолжалась на пленарных сессиях исследовательских групп.

1 июля начали работу следующие пленарные сессии: *Лексическое своеобразие медиатекста в научном освещении и словарной практике; Медиатекст в методике обучения иностранным языкам; Организация, восприятие и интерпретация медиатекста в аналоговом и цифровом мире; Генерированный медиатекст в стилистической системе современной медиакоммуникации; Репрезентация и интерпретация исторической и культурной памяти в современном медиатексте; Медиасфера и художественная культура.*

2 июля обсуждение актуальных проблем современной медиалингвистики продолжилось в русле следующих пленарных сессий: *Грамматика медиаречи и грамматическая организация медиатекста; Формирование лингвокоммуникативной компетентности в медиа как актуальная проблема современного образования; Динамические процессы в дискурсе аудиовизуальных массмедиа; Методология и инструментов анализа больших объемов данных социальных медиа; Коммуникативные риски в медиaprостранстве и их актуализация в образовательном, просветительском и лингвоэкспертном дискурсах; Политическая коммуникация и актуальный медиадискурс: векторы конструирования нарративов; Медиатизация традиционных ценностей в языке и практике постсекулярного российского общества; Мультимодальный дискурс-анализ; Языковые игры онлайн: философия дискурса эпохи цифровой и алгоритмической коммуникации; Токсичность медиаречи: природа, формы, преодоление.*

3 июля была предоставлена возможность обсуждения на пленарных панелях: *Этнокультурные аспекты речевого взаимодействия в многонациональном государстве; Медиатекст в цифровой среде: новые аспекты жанровых трансформаций; Историческая стилистика различных типов медиаречи; Вербально-визуальные связи в языке стратегических коммуникаций; Диалог убеждения в медиатексте; Использование средств искусственного интеллекта в изучении медийного дискурса.*

Конференция завершилась заседанием руководителей исследовательских групп МАИЯМ, на котором были подведены итоги конференции и сформулированы задачи на перспективу.

И конечно, оргкомитет конференции предложил участникам интересную культурную программу. Квалифицированный университетский экскурсовод провела экскурсию по зданию 12 коллегий, ко-

торое было выстроено в 1722 г. на набережной Васильевского острова для размещения высших органов государственного управления Петровской эпохи. А сейчас оно считается главным зданием Санкт-Петербургского университета: в нем располагаются биологический факультет, научная библиотека, административные службы и музей-квартира Д. И. Менделеева.

Профессор, доктор филологических наук С.Н. Ильченко подготовил и провел уникальную авторскую экскурсию по булгаковскому Петербургу. Медиалингвисты проехали на автобусе по тем местам города, где режиссер В. Бортко снимал экранизации булгаковских произведений: фильм «Собачье сердце» (1988) и сериал «Мастер и Маргарита» (2005). С отличным знанием материала, с воодушевлением и с артистизмом профессор Ильченко (выпускник театровед-

ческого факультета Ленинградского государственного института театра, музыки и кинематографии — ЛГИТМиКа, ныне РГИСИ, и кандидат искусствоведения) рассказал о нескольких эпизодах пребывания Булгакова в тогдашнем Ленинграде и о перипетиях жизни Булгакова как драматурга.

Подробнее следует сказать о работе пленарной секции «Коммуникативные риски в медиапространстве и их актуализация в образовательном, просветительском и лингвоэкспертном дискурсах», которую организовала исследовательская группа «Лингвистическая экспертиза медиатекстов». Соруководителями секции, как и в прошлом году, были Т. В. Чернышова, доктор филологических наук, профессор, член правления Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам (ГЛЭДИС), и Е. С. Кара-Мурза, кандидат филологических наук, доцент, доцент факультета журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова, эксперт ГЛЭДИС. В работе секции принимало участие около 25 человек — не только члены нашей исследовательской группы, а и, например, эксперт д. филол. н. проф. А. М. Плотникова (Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург), проф. В. А. Марьянчик (Северо-Арктический федеральный университет им. М. В. Ломоносова, Архангельск), проф. М. Я. Розенфельд и К. М. Шилихина (Воронежский ГУ), ст. н. с. Е. Н. Геккина (ИЛИ РАН, СПб) и многие другие.

Заседание продолжалось весь день. Прочитано 7 пленарных докладов, заслушано 6 дискуссионных выступлений. Пленарная сессия была посвящена проблеме функционирования текстов, связанных с распространением информации в разных типах медиадискурса (в журналистике, рекламе, в блогинге и т. д.), в профессиональном и в повседневном общении он- и офлайн, и оценке создаваемых ими коммуникативных рисков и информационных угроз в образовательной, просветительской и лингвоэкспертной сферах. Предполагалось ее обсуждение с таких точек зрения, как просветительская (в интересах профилактики речевых деликтов в медиадискурсе), образовательная (в интересах медиаобразования) и лингвоэкспертная (в интересах повышения качества лингвистических экспертиз согласно требованиям закона об экспертной деятельности). Тексты различных сфер медиадискурса оценивались как потенциальные объекты лингвоэкспертного анализа по степени и характеру вовлеченности в конфликты.

Были предложены вопросы для обсуждения:

- Корреляция медиалингвистического и лингвоэкспертного подходов при изучении медиадискурса и медиатекстов.
- Коммуникативные риски в медиакоммуникации и способы и формы их минимизации: оповещение, разъяснение, профилактика.
- Заключение лингвиста-эксперта в свете Федерального закона о судебно-экспертной деятельности.
- Новые методики СЛЭ по новым статьям в УК РФ, ГК РФ и КоАП.
- Проблемы подготовки специалистов, способных и готовых выполнять лингвоэкспертные, образовательные и просветительские функции в медиадискурсе.

Заседание пленарной сессии началось минутой молчания: лингвисты-эксперты почтили память д.ф.н., проф. М.В. Горбаневского (21 мая 1953 г. — 20 сентября 2025 г.) — советского и российского лингвиста, специалиста по проблемам общей и русской ономастики, судебных лингвистических экспертиз, славяноведения и культуры речи, русского языка в компьютерных технологиях, вице-президента Общества любителей российской словесности, научного руководителя Информационно-исследовательского центра «История Фамилии». Он был одним из основоположников лингвоэкспертологии, основателем и долгое время председателем правления одной из первых негосударственных лингвоэкспертных организаций — Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам (ГЛЭДИС, 2001).

Нашлось место и заочным поздравлениям с приближающимся 80-летием в адрес проф. Кемеровского госуниверситета, акад. МАНВШ Н.Д. Голева — создателя юрислингвистики и лингвоюристики как концепций лингвокриминалистики, первого руководителя Региональной общественной организации Алтайского края Ассоциации лингвистов-экспертов и преподавателей «Лексис» (2001–2018) [Чернышова, 2020, с. 400–427].

Первый доклад на секции сделала председатель правления ГЛЭДИС проф. Г.Н. Трофимова (РУДН им. Патриса Лумумбы, Москва) на тему «Проблемы участия искусственного интеллекта в лингвоэкспертном дискурсе». В нем рассматривалась проблема использования больших языковых моделей для генерации вопросов лингвисту-эксперту при проведении лингвистической экспертизы. На конкретных примерах автор показала речевые и языковые ошибки, которые снижают уровень исследования.

Затем выступила проф. Э.Г. Куликова (РУДН им. Патриса Лумумбы, Москва); в ее докладе «Коммуникативные риски и "гримасы" мелиоративности: уместность и этичность словоупотребления в медиадискурсе» было показано, что мелиоративные характеристики могут оказываться деструктивными: функционально избыточными, неудачными, неуместными, неэтичными.

Доклад «Проблема авторства спорного медиатекста» был сделан И.В. Огорелковым (зав. лабораторией юридической лингвистики ГИРЯ им. А.С. Пушкина) и Т.В. Мятлик (зам. начальника отдела психологических экспертных исследований ГБУ «МИЦ»). В нем были рассмотрены вопросы диагностического автороведческого исследования спорных медиатекстов, кратко описывались основные задачи на основании социально-биографических характеристик и индивидуально-психологического профиля личности автора.

Еще один пленарный доклад назывался «К корреляции юридического и лингвоэкспертного подходов при анализе медиадискурса: методологический аспект». Его прочитала проф. М.А. Венгранович (Поволжская академия образования и искусств им. Святителя Алексия, митрополита Московского, Тольятти). Методологические принципы предложены с целью выработки теоретических основ лингвоэкспертных исследований современных медиатекстов.

«Где заканчивается черный PR и начинается медиабуллинг? Критерии дифференциации моделей агрессивной медиакommunikации бизнеса» — такой вопрос в своем докладе поставила к. филол. н. Р.Т. Байгазанова (кафедра медиалингвистики СПбГУ). Автор выделил дифференциальные признаки этих коммуникативных стратегий, грозящих репутационными рисками людям и фирмам: медиабуллинг лишает жертву коммуникативной субъектности и формирует имиджеразрушающий медиаслед. Автором предложены критерии экспертной диагностики агрессивной медиамодели.

Профессор Т.В. Чернышова (Алтайский государственный университет, Барнаул) прочитала доклад «Проблемные аспекты текстов лингвоэкспертных заключений сквозь призму таксономических параметров лингвоэкспертного дискурса». С опорой на концепцию А.А. Кибрика были проанализированы параметры судебно-правового дискурса в фокусе дискурса лингвоэкспертного. Также сделан обзор новейших научных публикаций об экспертном заключении как вторичном жанре и его языковых особенностях. Отмечена рискогенность этих параметров, провоцирующих экспертные ошибки.

«Опора на языковое законодательство РФ в преподавании русского языка в медиавузах» — так назывался доклад Е.С. Кара-Мурзы (факультет журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова). Автор поставил проблемный вопрос: какие учебные предметы в медиаобразовании, какие методические концепции и инструменты позволяют научить студентов и слушателей работать в правовом поле и минимизировать или предотвращать юридические риски в медиакреативе? Ответ — необходимо изучать языковое законодательство в его разноплановом составе. Это и профильные законы о языках народов Российской Федерации и о государственном языке РФ, которым по факту является русский литературный язык. И законы о СМИ и о рекламе. И ФЗ-168 об изменениях в законы о защите прав потребителей и о долевом строительстве, неофициально называемый «законом о русификации вывесок».

В очной дискуссии на секции участвовали Д.В. Третьякова (Тольяттинский госуниверситет) с сообщением на тему «Семантика слова *фрик* в лингвоэкспертном кейсе (на материале медиатекста)»; М.М. Кемерова, независимый исследователь, рассмотревшая проблему «Разграничение эллипсиса и маскировки содержания в криминальном дискурсе: экспертный подход»; проф. А.С. Дружинин (МГИМО МИД России) представил интересный доклад на тему «Геймифицированная реальность: конструирование экстремизма в дискурсе инцел-сообществ»; Е.В. Бы-

канова и Е.В. Махаева (ГБУ «МИЦ») поделились своими исследованиями в сообщении на тему «Технологии искусственного интеллекта (ИИ): опыт использования и перспективы аналитики»; А.А. Титова (Нижегородский филиал НИИ «Высшая школа экономики») рассказала об особенностях лингвоэкспертного анализа поста как составляющей блога в интернет-пространстве (на примере анализа поста из сообщества ВКонтакте); Е.Е. Абрамкина и А.А. Шаляпина (Новосибирский НИГУ) проанализировали импликатуры в исследовании неэтичной рекламы.

Заявки на участие в панели в виде сообщений, которые будут опубликованы в издании по итогам конференции, прислали: к. филол.н. Ю.В. Аксентьева (Главный радиочастотный центр, Москва) — «Обвинение в гомофобии как маркер ЛГБТ*-пропаганды: речевые стратегии стигматизации³⁰»; А.А. Шмакова (Алтайский филиал РАНХиГС, Барнаул) — «Учет невербального компонента медиатекста в лингвоэкспертных исследованиях: от рисков к возможностям»; П.Д. Осокина (АлтГУ, Барнаул) — «Социальная инженерия через эксплуатацию цифровых привычек: лингвистический аспект»; А.Г. Шилина (Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского) — «Медиалингвистическая хроника хантавируса: 25 дней, которые потрясли мир в мае 2026 года».

Итоги юбилейной конференции «ЯКМ–Х» были подведены в заключительный день, 4 июля, на заседании руководителей исследовательских групп. Были обозначены тенденции международной медиалингвистики, намечены перспективы работы МАИЯМ в направлении междисциплинарности. Подчеркнем, что это и магистральный вектор лингвоэкспертологии как органичной части медиалингвистики.

Библиографический список

Дускаева Л. Р. Медиалингвистика в России: лингвопраксиологическая доминанта // Медиалингвистика. 2014. № 1 (4). С. 5–15. Электронный ресурс <https://medialing.ru/medialingvistika-v-rossii-lingvopraksiologicheskaya-dominanta>

Медиалингвистика. Вып. 1. Славянская стилистика. Век XXI : сб. статей / под ред. Л.Р. Дускаевой, отв. ред. Ю.М. Коняева. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет, Институт «Высш. шк. журн. и масс. коммуникаций», 2013. 306 с.

Чернышова Т. В. Сетевой текст и проблемы его лингвоэкспертного анализа (итоги круглого стола «Лингвоэкспертные исследования кон-

³⁰ *Признано Верховным судом Российской Федерации экстремистским движением, деятельность которого запрещена на территории Российской Федерации.

фликтности в интернет-коммуникации») // Филология и человек. 2023. № 3. С. 155–160. <https://elibrary.ru/ctioxt>. [https://www.doi.org/10.14258/filichel\(2023\)3-13](https://www.doi.org/10.14258/filichel(2023)3-13)

Кара-Мурза Е. С., Чернышова Т. В. Правовые и коммуникативные риски в современном медиадискурсе: о взаимодействии медиалингвистического и лингвоэкспертного подходов к анализу конфликтных медиатекстов (обзор итогов пленарной сессии «Коммуникативные риски в медиапространстве и их актуализация в образовательном, просветительском и лингвоэкспертном дискурсах», Санкт-Петербург, 2025) // Филология и человек. № 3. 2025. С. 255–262. <https://elibrary.ru/ovwjag>. [https://www.doi.org/10.14258/filichel\(2025\)3-18](https://www.doi.org/10.14258/filichel(2025)3-18).

Чернышова Т. В. Язык медиа в зеркале права / Медиалингвистика славянских стран : монография / под ред. Л.Р. Дускаевой. Москва: ФЛИНТА, 2020. С. 400–427.

References

Duskaeva L. R. Medialinguistics in Russia: linguapraxiological dominant. *Medialingvistika* = Medialinguistics, 2014, no. 1 (4), pp. 5–15. Retrieved from: <https://medialing.ru/medialingvistika-v-rossii-lingvopraksiologicheskaya-dominanta> (In Russian).

Medialingvistika. Slavic style. Century XXI: coll. Articles, ed. L. R. Duskaeva, St. Petersburg, 2013, vol. 1, 306 p. (In Russian).

Chernyshova T. V. Online Text and Problems of Its Linguistic Expert Analysis (Results of the Round Table "Linguistic Expert Studies of Conflict in Internet Communication"). *Filologiya i chelovek* = Philology & Man, 2023, no. 3n pp. 155–160. <https://elibrary.ru/ctioxt>. [https://www.doi.org/10.14258/filichel\(2023\)3-13](https://www.doi.org/10.14258/filichel(2023)3-13) (In Russian).

Kara-Murza E. S., Chernyshova T. V. Legal and Communicative Risks in Modern Media Discourse: On the Interaction of Media-Linguistic and Linguistic Expert Approaches to the Analysis of Conflict Media Texts (Review of the Results of the Plenary Session "Communicative Risks in the Media Space and Their Actualization in Educational, Enlightenment, and Linguistic Expert Discourses", St. Petersburg, 2025). *Filologiya i chelovek* = Philology & Man, no. 3, 2025, pp. 255–262. <https://elibrary.ru/ovwjag>. [https://www.doi.org/10.14258/filichel\(2025\)3-18](https://www.doi.org/10.14258/filichel(2025)3-18) (In Russian).

Chernyshova T. V. The language of media in the mirror of law. *Medialingvistika slavyanskikh stran*: monograph, ed. L.R. Duskaeva, Moscow: FLINTA, 2020, pp. 400–427. (In Russian).

РЕЗЮМЕ

SUMMARY

Н. З. Кольцова. Слово и тело. Притчевая поэтика телесности в романе А. Платонова «Чевенгур». Статья посвящена исследованию связи притчевого начала и воссоздания жизни тела в романе Платонова «Чевенгур». Разбираются понятия сна, болезни как проявления жизни тела. Важной чертой творчества Платонова назван изоморфизм человеческого тела и окружающего пространства: мир (Россия) у Платонова представлен как организм, пребывающий в состоянии тяжелого сна-забытья. В статье отмечается «вещественность», материальность прозы Платонова: благодаря особенностям платоновского языка читатель погружается в повествование как в болезненный сон, переживает это состояние почти физически. Далее раскрывается амбивалентность творческого метода Платонова: сдержанность в раскрытии внутренней жизни человека и в то же время смелость в изображении натуралистических сцен. Эта двойственность определяется, с одной стороны, связью платоновского творчества с русским фольклором, а с другой — литературным контекстом 20-х гг. XX в. с интересом к проблемам тела, пола и смерти (Н. Островский, Б. Пильняк и др.). Указываются философские источники платоновской мысли (Федоров, Вернадский, Розанов, марксизм, фрейдизм и др.).

N. Z. Koltsova. Word and Body. Parable Poetics of Physicality in A. Platonov's Novel «Chevengur». This article explores the connection between the parable principle and the recreation of bodily life in Platonov's novel «Chevengur». The concepts of sleep and illness as manifestations of bodily life are explored. A key feature of Platonov's work is the isomorphism of the human body and its surrounding space: the world (Russia) is presented as an organism in a state of deep sleep-oblivion. The article notes the «materiality» of Platonov's prose: thanks to the peculiarities of Platonov's language, the reader is immersed in the narrative as if in a painful dream, experiencing this state almost physically. The ambivalence of Platonov's creative method is further explored: restraint in revealing the inner life of man and, at the same time, boldness in depicting naturalistic scenes. This duality is determined, on the one hand, by the connection of Platonov's work with Russian folklore, and on the other hand, by the literary context of the 1920s with its interest in the problems of the body, gender and death (N. Ostrovsky, B. Pilnyak, etc.).

The philosophical sources of Platonov's thought are indicated (Fedorov, Vernadsky, Rozanov, marxism, freudianism etc.).

К. В. Смирнов. О специфике поэтики очерка «Простые смертные» С.Д. Хвошинской. В статье рассмотрены поэтика и ее исторические предпосылки в очерке С. Д. Хвошинской «Простые смертные». Цель исследования — выявление специфики художественного воплощения автобиографии С. Д. Хвошинской применительно ко времени, проведенному в пансионе, системе фольклорных образов-символов, бытовавших в Рязанском уезде, а также проблеме женской эмансипации XIX в. Материал исследования — очерк «Простые смертные», роман «Городские и деревенские», рассказ «Наследство тетюшки», а также мемуарные заметки, посвященные времени, проведенному писательницей в пансионе. Методы исследования — компонентный анализ, метод систематизации, а также сравнительно-сопоставительный метод. В процессе анализа очерка выявлен ряд аспектов, которые в полной мере отражают современную Хвошинской эпоху, описанную в произведении, и выступают как важный в историческом ракурсе элемент воспроизведения динамичного и склонного к естественным процессам трансформации общества. В ходе комплексного анализа выявлена единая система персонажного уровня, определены элементы типизации при создании Хвошинской женских образов, определены причинно-следственные связи, отображающие эпоху со всеми ее достоинствами и недостатками.

K. V. Smirnov. About the Specifics of Poetics of the Essay «Mere Mortals» by S.D. Khvoshchinskaya. This article examines the poetics and historical background of S.D. Khvoshchinskaya's essay «Mere Mortals». The purpose of the study is to identify the specifics of the artistic embodiment of S.D. Khvoshchinskaya's autobiography in relation to the time spent in a boarding school, the system of folklore images and symbols prevalent in the Ryazan district, and the problem of female emancipation in the 19th century. The study material includes the essay «Mere Mortals», the novel «City and Country», the story «Aunt's Inheritance», and memoirs dedicated to the writer's time spent in a boarding school. The research methods include component analysis, systematization, and comparative methods. The analysis of the essay revealed a number of aspects that fully reflect Khvoshchinskaya's contemporary era, described in the work, and act as an important element in the historical perspective of the reconstruction of society as dynamic and prone to natural processes of transformation. Through a comprehensive analysis, we were able to form a unified character-level system, identify elements of typification in Khvoshchinskaya's creation of female characters,

and, consequently, determine the cause-and-effect relationships with which the writer was able to portray the era with all its strengths and weaknesses.

М. П. Гребнева. К вопросу о системности восточных поэм М.Ю. Лермонтова. Статья посвящена изучению восточных поэм М.Ю. Лермонтова как системы. Актуальность данного исследования обусловлена их недостаточной изученностью с этой точки зрения. Объектом исследования стали четыре восточные поэмы — «Каллы», «Хаджи Абрек», «Измаил-Бей» и «Аул Бастунджи». Предметом изучения выступили поэтические особенности данных произведений как восточных. Задачи исследования предполагают рассмотрение восточного своеобразия перечисленных поэм на уровне тем, конфликтов, образов. С этой целью используются историко-литературный, сравнительный и структурный методы. Результаты исследования связаны с последовательным изучением каждой названной восточной поэмы Лермонтова, а также с выявлением, с одной стороны, их реальных связей друг с другом, а с другой стороны, предварительных связей с теми зрелыми поэмами того же автора, которые будут написаны позднее, — «Боярин Орша», «Мцыри», «Песня про купца Калашникова», «Демон». В восточных поэмах их автора интересует не столько этнографические, сколько общественные, общечеловеческие, исторические, религиозные, философские проблемы.

M. P. Grebneva. On the Systematic Nature of M.Yu. Lermontov's Oriental Poems. This article examines M.Yu. Lermontov's Oriental poems as a system. The object of this study is four Oriental poems: «Kalli», «Khadzhi Abrek», «Izmail-Bey» and «Aul Bastundzhi». The relevance of this study is determined by the interest in Lermontov's oriental poems in general and their systematic nature, i.e. artistic homogeneity and interconnectedness in particular. The subject of this study is the poetic characteristics of these works as Oriental. The objectives of this study involve examining the Oriental distinctiveness of these poems at the level of themes, conflicts, and images. For this purpose, historical-literary, comparative, and structural methods are used. The results of this study are based on a sequential study of each of Lermontov's Oriental poems, as well as on identifying, on the one hand, their real connections with one another, and on the other, their preliminary connections with the author's later mature poems: «Boyarín Orsha», «Mtsyri», «The Song of the Merchant Kalashnikov» and «The Demon». In Oriental poems, their author is interested not so much in ethnographic issues as in social, universal, historical, religious, and philosophical ones.

Н. В. Малинина. Литература и спорт. Повесть Л.А. Кассиля «Ход белой королевы». В статье на примере повести советского писателя Л.А. Кассиля «Ход белой королевы» (1953–1956) демонстрируется влияние спорта на людей, его способность пробуждать в них эмоции, связанные со спортивными победами, национальную гордость, вводить в жизнь окружающих интерес к человеку с его возможностями, в данном случае — физическими. В центре нашего внимания — произведения Л.А. Кассиля, которые, опережая время, сближаются с кроссовер-литературой. Целью исследования является изучение авторской манеры Л.А. Кассиля, особенностей сюжета его произведения о спорте, а также способов описания внутреннего мира персонажей, их любви и преданности спорту, позволяющих преодолевать трудности и т.п. Естественное органичное повествование о спортсменке-лыжнице и ее тренере представляет собой пример кроссовер-литературы, вызывающей интерес как у юного, так и взрослого читателей. Проявление физических способностей, а также упорство и преданность раскрывают глубокий педагогический замысел, лежащий в основе произведения. Строгая спортивная подготовка главных героев послужила стимулом для многих поколений читателей.

N. V. Malinina. Literature and Sports. L.A. Kassil's Novel «The White Queen's Move». Using the story «The White Queen's Gambit» (1953–1956) by Soviet writer L.A. Kassil as an example, this article demonstrates the influence of sport on people, its ability to evoke emotions associated with athletic victories, national pride, and instil interest in people and their abilities — in this case, physical ones — in the lives of others. This article focuses on L.A. Kassil's works, which, ahead of their time, draw to crossover literature. The aim of this study is to examine L.A. Kassil's writing style, the specific features of his sports-themed story, and the ways he describes the characters' inner worlds, their love and devotion to sport, which enable them to overcome difficulties. The natural, organic narrative of a female skier and her coach is an example of crossover literature that arouses the interest of both young and adult readers. The demonstration of physical ability, as well as perseverance and devotion, reveal the profound pedagogical concept underlying the work. The rigorous athletic training of the main characters served as an inspiration for many generations of readers.

Р. С. Гранин. Декомпозиция французского стиля Эмиля Чёрана. В статье рассматривается парадоксальное отношение Эмиля Чёрана (Emil Cioran; 1911–1995) к стилю в его франкоязычный период творче-

ства, прослеживается эволюция от стиля как «навязчивой идеи» к его сознательной декомпозиции. Цель статьи — проанализировать кризис стиля в поздний период творчества Чёрана, когда совершенство формы, бывшее некогда его убежищем, начинает восприниматься как ложь, как «маска», предающая подлинный экзистенциальный опыт. Исследуется внутреннее противоречие между стремлением к классической ясности и необходимостью выразить разорванную, агонизирующую природу мысли. Материал: исследование опирается на опубликованные французские произведения Чёрана, его интервью, на посмертно изданные дневники и неопубликованные фрагменты рукописей. Методология основана на сравнительно-типологическом, генетическом и стилистическом анализе текстов. В поздних текстах Чёрана стиль предстает как арена непрекращающейся борьбы между литературным «я» и сопротивляющейся материей языка. В ходе проведенного анализа доказано, что декомпозиция стиля является неотъемлемой частью авторского этоса Чёрана.

R. S. Granin. Decomposition of the French Style of Emil Cioran. This article examines Émil Cioran's (1911–1995) paradoxical relationship to style during his French-language period, tracing his evolution from style as an "obsession" to its conscious decomposition. The article aims to analyze the crisis of style in Cioran's late work, when the perfection of form, once his refuge, begins to be perceived as a lie, a "mask" betraying genuine existential experience. It explores the internal contradiction between the desire for classical clarity and the need to express the fragmented, agonizing nature of thought. Material: the study draws on Cioran's published French works, his interviews, posthumously published diaries, and unpublished manuscript fragments. The methodology is based on comparative typological, genetic, and stylistic analysis of the texts. In Cioran's later texts, style emerges as an arena of incessant struggle between the literary self and the resistant materiality of language. This analysis demonstrates that the decomposition of style is an integral part of Cioran's authorial ethos.

С. В. Зубова, Т. П. Сыроватская. К вопросу об образе автора в научно-популярном тексте: два типа деформации жанрово-стилистического канона. В статье представлен коммуникативно-грамматический анализ научно-популярных текстов, демонстрирующих последовательное проявление жанрово-стилистических деформаций, связанных с образом автора. Материалом для исследования послужили книги А. Васькина «Сталинские небоскребы: от Дворца Советов к высотным зданиям» и Л. Данилкина «Палаццо Мадамы: Воображаемый музей Ирины Антоновой». Цель

статьи — выявить текстовые тактики, посредством которых реализуется общая для авторов стратегия замещения научного знания, предполагаемого в рамках канона научно-популярного жанра, на субъективизированный нарратив. Метод исследования — коммуникативно-функциональный. Проведенный анализ позволил выделить два типа деформации образа автора научно-популярного текста: 1) «всезнающий» автор, моделирующий причинно-следственные связи между действиями исторических субъектов и присваивающий себе право эксплицировать «подлинные» мотивы их действий; 2) «несведущий» автор, который представляется читателю как неспециалист в сфере деятельности описываемого субъекта для возможности ввода своей «непрофессиональной» точки зрения, не претендующей на истинность и позволяющей конструировать любые интерпретации исторических событий.

S. V. Zubova, T. P. Syrovatskaya. On the Image of the Author in Popular Science Texts: Two Types of Deformation of the Genre-Stylistic Canon. The article presents a communicative-grammatical analysis of popular science texts demonstrating a consistent manifestation of genre-stylistic deformations associated with the image of the author. The research material is based on the books «Stalin's Skyscrapers: From the Palace of Soviets to High-Rise Buildings» by A. Vas'kin and «Madama's Palazzo: The Imaginary Museum of Irina Antonova» by L. Danilkin. The article aims to identify the textual tactics through which the authors implement a common strategy of replacing scientific knowledge, assumed within the canon of the popular science genre, with a subjectivized narrative. The research method is communicative-functional. The conducted analysis allowed us to identify two types of deformation of the image of the author of popular science texts: 1) the "omniscient" author, who models cause-and-effect relationships between the actions of historical subjects and arrogates to themselves the right to explicate the "true" motives of their actions; 2) an "ignorant" author, who presents himself to the reader as a non-specialist in the field of activity of the described subject, in order to be able to introduce his "non-professional" point of view, which does not claim to be true and allows for the construction of any interpretation of historical events.

К. А. Ермолова. Особенности лексической сочетаемости прилагательных с корнем -театр- в газетном корпусе. В статье рассматриваются особенности лексической сочетаемости прилагательных с корнем -театр- в русском языке: лексем «театральный» и «театрализованный». Цель исследования состоит в выявлении особенностей лексической сочетаемости прилагательных «театральный» и «театрализованный» с учетом их значений в конкретных контекстах. Методы иссле-

дования — методы корпусного анализа, лингвистического анализа, семантического анализа, контекстуального анализа. Материалом исследования является газетный подкорпус Национального корпуса русского языка. По результатам проведенной работы установлены характерные особенности лексической сочетаемости лексем «театральный» и «театрализованный», принимая во внимание значения компонентов, формирующих словосочетания, семантику создаваемых словосочетаний, а также контекст и тематику текстов, в которых словосочетания употребляются. Более того, определены характерные для русского языка особенности построения словосочетаний с компонентом-прилагательным.

К. А. Yermolova. Features of Lexical Combinability of Adjectives with the Root -theatre- in the Newspaper Corpus. The article examines the lexical collocability of Russian adjectives sharing the root -teatr-: the lexemes “teatralny (theatrical)” and “teatralizovanny (theatricized/staged)”. The study aims to identify the specific collocational features of these adjectives, taking into account their contextual meanings. The research methodology includes corpus, linguistic, semantic, and contextual analysis. The research material is drawn from the newspaper subcorpus of the Russian National Corpus. Based on the findings, the author establishes the distinctive characteristics of the lexical collocability of *teatralny* and *teatralizovanny*, considering the semantics of the collocating components, the meaning of the resulting phrases, as well as the context and subject matter of the source texts. The specific features of phrase formation involving an adjectival component in the Russian language have been identified in the text, taking into account the features of Russian syntax. The results are relevant for teaching Russian grammar and lexicology.

Ю. В. Зверева. Родство, семья и семейные отношения в русской диалектной лексике Пермского края. Статья посвящена анализу языковых единиц, которые обозначают родственников, семью и семейные отношения в русских говорах Пермского края. В работе рассматриваются общие наименования родственников, а также единицы, называющие и описывающие дальнее родство, многодетную семью, одинокого человека. Анализ единиц, входящих в названные выше группы, показал, что нередко они созданы на образной основе. Наиболее часто метафора встречается при обозначении дальних родственников, многодетной семьи, одинокого человека. Перенос может происходить на базе предметного, зоологического, антропоморфного тематических кодов. Представленные в работе языковые единицы нередко отмечаются в других русских говорах. В статье описываются номинации, зафиксированные

только в пермских говорах, определяется мотивация этих слов. Лексические и фразеологические единицы этой группы отражают отношение диалектоносителей к родственникам и семье, народные представления о многодетности и одиночестве. На примере описываемого материала также обнаруживаются те изменения, которые происходили в традиционной семье в XX в.

Yu. V. Zvereva. Kinship, Family, and Family Relations in the Russian Dialectal Vocabulary of the Perm Territory. The article is devoted to the analysis of linguistic units that denote relatives, family and family relations in Russian dialects of the Perm Territory. The study examines generic names for relatives, as well as units that name and describe distant relatives, a large family, or a single person. An analysis of the linguistic units included in the above-mentioned semantic groups showed that they often have a figurative basis. Most often, a metaphor arises when referring to distant relatives, a large family, or a lone person. Metaphorical transfer can occur on the basis of subject, zoological, and anthropomorphic topic-based codes. The linguistic units analyzed in the work are often noted in other Russian dialects. The article identifies the nominations recorded only in Russian dialects of Perm Krai, and determines the motivation of these words. The lexical and phraseological units of this group reflect the attitude of rural residents of this territory towards relatives and family, and popular ideas about having many children and loneliness. The lexical and phraseological units of this group reflect the attitude of rural residents of this territory towards relatives and family, folk perceptions about having many children and loneliness. The described data revealed the changes which took place in the traditional family in the XXth century.

Л. И. Москалюк, О. С. Москалюк. Антонимические отношения компаративных фразеологизмов в российско-немецких диалектах. Статья посвящается анализу антонимических отношений фразеологизмов в диалектах российских немцев. Материал для исследования отбирался методом целенаправленной выборки из архивного материала авторов. Основными методами анализа являются описательный, метод оппозиций, компонентный анализ, метод контекстуального анализа. Особое внимание уделяется рассмотрению характера отношений фразеологических антонимов. В статье дано описание структурных и семантических характеристик исследуемых диалектных фразеологических антонимов, для сравнения привлекаются соответствующие фразеологизмы литературного немецкого языка. Проведенный анализ показал, что в островных немецких диалектах представлены фразеологиче-

ские антонимы, которые могут быть как одноструктурными, так и разноструктурными, как одностилевыми, так и разностилевыми, что определяется компонентным составом фразеологизмов. С позиции семантики диалектные антонимические фразеологизмы вступают в контрарные и в комплементарные отношения, случаи развития энантиосемии являются единичными. Можно отметить, что в российско-немецких диалектах фразеологическая антонимия не получила широкого распространения, но все же в количественном отношении занимает значительное место во фразеологическом фонде российско-немецких диалектов.

L. I. Moskalyuk, O. S. Moskalyuk. Synonymic Relations of Comparative Phraseological Units in Russian-German Dialects. This article analyzes the antonymic relationships between phraseological units in the dialects of Russian Germans. The research material was selected using targeted sampling from the authors' archival material. The primary analytical methods employed are descriptive, oppositional, componential, and contextual analysis. Particular attention is paid to the nature of the relationships between phraseological antonyms. The article describes the structural and semantic characteristics of the dialectal phraseological antonyms under study, and compares them with corresponding phraseological units from literary German. The analysis revealed that island German dialects feature phraseological antonyms that can be either monostructural or multistructural, monostylic or multistylic, determined by the component composition of the phraseological units. Semantically, dialectal antonymous phraseological units enter into contrastive and complementary relationships, with enantiosemy occurring only occasionally. It can be noted that phraseological antonymy has not become widespread in Russian-German dialects, but still, in quantitative terms, it occupies a significant place in the phraseological fund of Russian-German dialects.

А. И. Обухов, С. А. Осокина. Дословность и рассогласованность: ограничения машинного перевода технической терминологии. В статье рассматриваются лингвистические ограничения машинного перевода технических текстов на примере англоязычных инструкций к эксплуатации трубоукладочной техники, не имеющих перевода на русский язык. Материалом исследования послужили переводы, выполненные автоматизированными системами SmartCAT, PROMT Translation Factory и Google Translate. В ходе исследования применялись: метод сплошной выборки, экспериментальный метод, метод сопоставительного анализа, метод типологизации. В результате анализа выявлены две ключевые проблемы: дословность перевода и рассогласованность

технической терминологии. В статье разрабатывается типология видов рассогласованности, дается обоснование ошибок машинного перевода на уровне технической терминологии, а также проводится сравнительный анализ качества перевода фрагментов технических текстов. В результате исследования установлено, что современные системы машинного перевода не способны обеспечить уровень терминологической согласованности и контекстуальной точности, необходимый для безопасной эксплуатации специализированной техники, без использования отраслевых глоссариев и обязательного постредактирования полученного перевода.

A. I. Obukhov, S. A. Osokina Literalism and Inconsistency: Limitations of Machine Translation of Technical Terminology. The article examines the linguistic limitations of machine translation in technical texts on the material of English-language pipe layer operation manuals that do not have Russian translation. The examined texts include translations produced by three machine translation systems: SmartCAT, PROMT Translation Factory, Google Translate. The study uses such methods as the continuous sampling method, the experimental method, the method of comparative analysis, and the method of typology. The research identifies two key issues: literal translation and inconsistency of technical terminology. The authors develop a typology of terminology inconsistency, substantiate machine translation errors at the level of technical terminology, and conduct Ответ прикрепите в виде файла. comparative analysis of the translation quality of technical text fragments. The findings of the study reveal that machine translation systems are unable to achieve the level of terminological consistency and contextual accuracy required for the safe operation of specialized machinery without the use of industry-specific glossaries and mandatory post-editing of the resulting translation.

Т. А. Болатов. Поэтический текст как источник интертекстуальных включений в англоязычном песенном дискурсе (на примере стихотворения Р. Фроста «Nothing Gold Can Stay»). Цель статьи, посвященной проблеме межтекстового взаимодействия, заключается в выявлении специфики реализации интертекстуального потенциала стихотворения Роберта Фроста «Nothing Gold Can Stay» в современном англоязычном песенном дискурсе. Для достижения поставленной цели в работе применяются обзорно-аналитический и описательно-функциональный методы, а также элементы компонентного и герменевтического анализа. Практическим материалом исследования послужил сформированный методом контролируемого отбора корпус из 30

англоязычных песенных текстов, содержащих интертекстуальные отсылки к произведению Р. Фроста. Установлено, что обращение англоязычных поэтов-песенников к «Nothing Gold Can Stay» в качестве источника интертекстуальных включений способствует созданию в песенных текстах положительных коннотаций. Данный эффект достигается авторами с помощью лексических и грамматических языковых средств. Делается вывод о наличии в рассмотренных текстах также паратекстуальных связей, характеризующихся полным или частичным заимствованием заглавия стихотворения. Отмечается использование авторами песенных текстов цитат из стихотворения Р. Фроста с маркерами атрибуции, что направлено на облегчение процесса распознавания межтекстовых связей реципиентом.

T. A. Bolatov. Poetic Text as a Source of Intertextual Elements in English Song Discourse (Exemplified by R. Frost's Poem «Nothing Gold Can Stay»). The aim of the article discussing the problem of intertextual potential is to identify the ways in which the elements from Robert Frost's poem «Nothing Gold Can Stay» are used in contemporary English-language song discourse. To achieve this goal, the study employs analytical-review method of research and descriptive and functional approach, as well as elements of componential and hermeneutic analysis. The practical research material comprises a corpus of 30 English-language song lyrics containing intertextual references to the given Frost's poem. The analysis establishes that English-speaking singer-songwriters use «Nothing Gold Can Stay» as a source of intertextual inclusions in order to create positive connotations in song lyrics. This effect is achieved through lexical and grammatical linguistic means. The study concludes that the examined texts also contain paratextual connections, characterized by full or partial borrowing of the poem's title. Additionally, the authors of lyrics employ quotations from Frost's poem with source markers to facilitate the recipient's recognition of intertextual links.

Ли Тун. Заимствование как способ пополнения ономастикона (на материале сортовых названий томатов). Цель статьи — рассмотреть особенности функционирования названий зарубежных сортов и гибридов томатов в русскоязычном культурном пространстве, выявить механизмы их освоения принимающим языком. Для достижения поставленных в работе задач уточняется понятие заимствования как способа расширения национального ономастикона, отмечается его особая значимость для сегмента, представленного селекционными наименованиями. На большом фактическом материале (около тысячи томатонимов) выявляются процессы освоения формы и семантики иноязыч-

ных названий: транскрипция, транслитерация, перевод (который может осложняться транспозицией, функциональной аналогией, грамматической адаптацией), гибридизация. Функционирование в пространстве русскоязычной культуры сопровождается активным номинативным варьированием иностранных названий, отражающим шаги их адаптации языком-реципиентом. При этом заимствование не только серьезным образом расширяет данное ономастическое подпространство, но и влияет на российский агронейминг иноязычными моделями и образами номинации.

Li Tong. Borrowing as a Way to Expand Onomasticon (Based on Tomato Variety Names). The purpose of this article is to examine the functioning of foreign tomato variety and tomato hybrid names in the Russian-language culture and to identify the mechanisms of their assimilation into the host language. To achieve these objectives, the concept of borrowing as a means of expanding the national onomasticon is clarified, highlighting its particular significance for the segment represented by breeding names. Using extensive factual material (approximately a thousand tomato names), the processes of assimilating the form and semantics of foreign names are revealed: transcription, transliteration, translation (which can be complicated by transposition, functional analogy, and grammatical adaptation), and hybridization. Functioning in the Russian-language culture is accompanied by active nominative variation of foreign names, reflecting the stages of their adaptation by the recipient language. Moreover, borrowing not only significantly expands this onomastic subspace but also influences Russian agranaming through foreign-language models and images of nomination.

Н. В. Кожанова. Семантические трансформации газетных обозначений немецких среднеспециальных профессий. В настоящей статье рассматриваются современные наименования среднеспециальных профессий, которые законодательно были изменены за последние четыре года. Целью исследования является семантический анализ данных лексических единиц. Материалом исследования послужили списки измененных профессий, размещаемые каждый год на официальном немецком сайте arbeitsagentur.de. Основное внимание в работе уделяется анализу динамики значений современных наименований профессий, связанных с модернизацией самих профессий и требований к ним. В заключение автором статьи формулируются результаты выполненной работы. В исследовании было выявлено, что у большей части наименований профессий их значение трансформировалось в сторону расширения содержания без изменения самого обозначения. Часть лексических

единиц подверглась сужению семантического объема посредством указания в наименовании узкой специализации, замены на другие именования, более соответствующие новым реалиям и современным требованиям в профессиональной области. В официальном списке средне-специальных профессий было опубликовано также новое, не используемое ранее, обозначение.

N. V. Kozhanova. Semantic Transformations of Modern German Denominations of Vocational Jobs. The objective of the presented research is semantic analysis of modern denominations of vocational jobs that have been modified by law in the last four years. The research materials were lists of modified professions published on the official German website *arbeitsagentur.de*. Special attention is paid to the analysis of dynamics of semantics of modern professional denominations related to modernization of the professions and the requirements to them. In conclusion, the author formulates the results of conducted work. The research revealed that the majority of professional denominations have undergone semantic transformation that consists in extending their content without any significant changes of the form of denominations. A certain part of lexical units have undergone the reduction of their semantic volume by indicating in their forms focused specializations, replacement by new denominations that correspond better to new realities in professional areas, and new professional denominations not previously used have been published in the official list of vocational jobs.

Е. А. Мозгачева. Концепт WIZARD в художественной картине мира романа «Harry Potter and the Goblet of Fire»: традиционная и авторская репрезентация. В статье рассматривается структура одного из центральных концептов художественной картины мира серии романов Дж.К. Роулинг — концепта WIZARD и его русского соответствия «волшебник». Исследование посвящено особенностям вербализации данного концепта в оригинальном тексте и переводах, а также сопоставлению традиционной и авторской концептуализации. Цель работы — выявить константные и индивидуально-авторские признаки концепта и проанализировать способы их репрезентации в английском и русском языках. Материалом послужили роман «Harry Potter and the Goblet of Fire», его русские переводы и словарные дефиниции. Используются методы дефиниционного, компонентного, сравнительно-сопоставительного и переводческого анализа, а также концептуального моделирования. Установлено, что ядро концепта включает признаки «человек», «мужской пол», «магия», «положительная оценка», а авторская репрезентация расширяет его социальными, эмоциональными

и культурными характеристиками. Показано, что в русском языке концепт имеет более вариативную лексическую реализацию.

E. A. Mozgacheva. The Concept WIZARD in the Fictional Worldview of the Novel «Harry Potter and the Goblet of Fire»: Traditional and Authorial Representation. The article examines the structure of one of the central concepts in the fictional worldview of J.K. Rowling's novel series — the concept of WIZARD and its Russian equivalent волшебник. The study focuses on the verbalization of this concept in the original text and its translations, as well as on the comparison of its traditional and authorial conceptualization. The aim is to identify the constant and author-specific features of the concept and analyze their representation in English and Russian. The research is based on «Harry Potter and the Goblet of Fire», its Russian translations, and English and Russian dictionary definitions. The methods include definitional, componential, comparative, translation analysis, and conceptual modeling. The study shows that the core of the concept consists of the features “person,” “male,” “magic,” and “positive evaluation,” while the authorial representation expands it through social, emotional, and cultural characteristics. It is also demonstrated that the concept has a more variable lexical representation in Russian.

Е. А. Важина. К вопросу об обучении профессии медиаменеджера в системе российского высшего образования. В статье поднимается вопрос об обучении студентов профессии медиаменеджера в высших учебных заведениях России и соответствие полученных ими компетенций запросам современной медиасреды. Данная работа посвящена исследованию проблемы актуального журналистского образования в высшей школе. Цель работы — выяснить, получают ли студенты навыки и умения, необходимые не просто для дальнейшей работы в медиа, но для создания собственного медиа. Для этого автором статьи были проведены интервью с пятью медиаменеджерами российских СМИ и проанализированы образовательные программы «Медиаменеджмент» ряда российских университетов, чтобы выяснить, насколько актуальны для современного медиарынка те знания, которые студенты получают в высшей школе. В результате был сделан вывод, что в рамках обучения у студентов формируется ряд компетенций, необходимых медиаменеджеру, однако перечень преподаваемых дисциплин нуждается в расширении и актуализации в связи с динамичностью и архитектурной сложностью медиасреды.

E. A. Vazhina. On Educating the Media Manager in the Russian System of Higher Education. The article addresses the issue of educating students

for the qualification of "media manager" in higher education institutions of Russia and how well the skills they acquire meet the demands of the modern media environment. This work focuses on exploring the problem of current journalism education at the university level. The aim of the study is to determine whether students are gaining the skills and abilities that are necessary both for future work in media, and for creating their own media outlets. The author has conducted interviews with five media managers and analyzed the degree programs of "Media Management" at several Russian universities to assess if the knowledge students acquire at the university level is relevant for the contemporary media market. The conclusion has been made that as part of the training students develop a range of essential competencies needed for a media manager; however, the list of disciplines requires expansion and modernization due to the dynamic nature and structural complexity of the media environment.

Е. С. Кара-Мурза. Медиалингвистика в аспекте междисциплинарности (обзор итогов юбилейной X конференции «Язык в координатах массмедиа», СПбГУ, 1–4 июля 2026). Юбилейная X конференция «Язык в координатах массмедиа» под эгидой Международной ассоциации исследователей языка медиакommunikации завершилась в Высшей школе журналистики и массовых коммуникаций СПбГУ. Успешно прошла и пленарная сессия «Коммуникативные риски в медиапространстве и их актуализация в образовательном, просветительском и лингвоэкспертном дискурсах», организованная исследовательской группой «Лингвистическая экспертиза медиатекстов». Ход конференции подтвердил, что для медиалингвистики характерна междисциплинарность. Это и вектор развития лингвоэкспертологии как органичной части медиалингвистики.

E. S. Kara-Murza. Media Linguistics in the Aspect of Interdisciplinarity (Review of the Results of the 10th Anniversary Conference "Language in the Coordinates of Mass Media", St. Petersburg State University, July 1–4, 2026). The 10th anniversary conference "Language in Mass Media Coordinates" under the auspices of the International Association of Media Language Researchers was successfully completed at the Higher School of Journalism and Mass Communication at St. Petersburg State University. The plenary session "Communication Risks in the Media Space and Their Implementation in Educational, Informative, and Linguistic Expertise Discourses," organized by the research group "Linguistic Expertise of Media Texts," was also a success. The conference confirmed the interdisciplinary nature of media linguistics. This is also the vector for the development of linguistic expertise as an integral part of media linguistics.

НАШИ АВТОРЫ

БОЛАТОВ,
Тимур
Александрович

— старший преподаватель кафедры английского языка Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова (Владикавказ)
E-mail: bolatov20996@gmail.com

ВАЖИНА,
Евгения
Александровна

— преподаватель-исследователь, ассистент кафедры менеджмента массовых коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета
E-mail: evazhina94@mail.ru

ГРАНИН,
Роман
Сергеевич

— кандидат философских наук, заместитель главного редактора Международного теоретического журнала «Credo-New» (Москва)
E-mail: grrom@mail.ru

ГРЕБНЕВА,
Марина
Павловна

— доктор филологических наук, профессор Алтайского государственного университета (Барнаул)
E-mail: grmarinagr@mail.ru

ЕРМОЛОВА,
Карина
Андреевна

— аспирант Государственного университета просвещения (Москва)
E-mail: nauchnayamasterskaya77@gmail.com

ЗВЕРЕВА,
Юлия
Владимировна

— кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института гуманитарных исследований Пермского федерального исследовательского центра Уральского отделения РАН
E-mail: zv.ul@mail.ru

ЗУБОВА,
Сусанна
Викторовна

— аспирант Московского государственного
университета им. М.В. Ломоносова
E-mail: susanna.zubova@mail.ru

КАРА-МУРЗА,
Елена
Станиславовна

— кандидат филологических наук, доцент
Московского государственного университета
им. М.В. Ломоносова
E-mail: kara-murz@mail.ru

КОЖАНОВА,
Наталья
Викторовна

— кандидат филологических наук, доцент
Алтайского государственного педагогического
университета (Барнаул)
E-mail: n.v.kozhanova@mail.ru

КОЛЬЦОВА,
Наталья
Зиновьевна

— кандидат филологических наук, доцент
Московского государственного университета
им. М.В. Ломоносова
E-mail: koltsovaru@rambler.ru

ЛИ,
Тун

— аспирант Национального исследовательского
Томского государственного университета
E-mail: tongli2020@yandex.ru

МАЛИНИНА,
Наталья
Владимировна

— доцент Государственного Университета г. Кассино
и Южного Лацио (Италия)
E-mail: nmalinin@unicas.it

МОЗГАЧЕВА,
Екатерина
Александровна

— старший преподаватель Балтийского
государственного технического университета
«ВОЕНМЕХ» им. Д.Ф. Устинова (Санкт-Петербург)
E-mail: mrkate12@gmail.com

МОСКАЛЮК,
Лариса
Ивановна

— доктор филологических наук, профессор
Алтайского государственного педагогического
университета (Барнаул)
E-mail: l.moskalyuk@yandex.ru

МОСКАЛЮК,
Ольга
Сергеевна

— кандидат филологических наук, доцент
Алтайского государственного технического
университета им. И.И. Ползунова
E-mail: omoskalyuk@yandex.ru

ОБУХОВ,
Артем
Игоревич

— аспирант, ассистент Алтайского государственного
университета (Барнаул)
E-mail: obukkhov@yandex.ru

ОСОКИНА,
Светлана
Анатольевна

— доктор филологических наук, профессор
Алтайского государственного университета (Барнаул)
E-mail: osokina@filo.asu.ru

СМИРНОВ,
Кирилл
Валентинович

— кандидат филологических наук, преподаватель
Вологодского колледжа связи и информационных
технологий
E-mail: kirill_smirnov_1989@list.ru

СЫРОВАТСКАЯ,
Тамара
Павловна

— аспирант Московского государственного
университета им. М.В. Ломоносова
E-mail: tamarasyrovatskaya@gmail.com

Требования к оформлению присылаемых в редакцию материалов

1. Редакция журнала принимает статьи объемом до 45 тыс. знаков с пробелами, научные сообщения — до 25 тыс. знаков с пробелами, другие материалы — до 10 тыс. знаков с пробелами). Для аспирантов — объемом не более 20 тыс. знаков с пробелами.

2. Электронные материалы должны быть представлены в формате Word for Windows. Для знаков, отсутствующих в шрифте Times New Roman (для транскрипции, иноязычных примеров и т.д.), используются стандартные распространенные шрифты (Symbol, LucidaSans Unicode). При использовании оригинальных шрифтов их файлы (формат *.ttf — True Type Font) необходимо выслать вместе со статьей приложением к электронному письму. Для создания схем, графиков, иллюстраций используются программы стандартного пакета Microsoft Office; графика должна быть внутри файла.

3. Примеры в тексте статьи оформляются *курсивом*.

4. Примечания к тексту оформляются в виде постраничных сносок и имеют постраничную нумерацию.

5. Библиографическое описание научных изданий (Библиографический список) оформляется с указанием издательства, индекса DOI (при наличии), страниц и вида издания — учебное пособие, монография, сборник и т.п.), количества страниц и приводится в конце работы по алфавиту. Издания на иностранных языках располагаются после изданий на русском языке. Ненаучные издания (нормативные документы, архивные и др. материалы) указываются в отдельной рубрике «Список источников» в конце списка литературы.

6. Ссылки на литературу в тексте даются в квадратных скобках, где указываются фамилия автора, год издания, цитируемые страницы. Например: [Виноградов, 1963, с. 46]. Если в библиографии упоминается несколько работ одного и того же автора и года, то используется уточнение: [Горелов, 1987a]. В списке литературы делается такая же пометка. При цитировании изданий на иностранных языках цитата дается на языке оригинала (при необходимости — с переводом автора статьи). Если цитата дана на русском языке в неавторском переводе, то в библиографическом списке указывается не иноязычный оригинал, а источник, в котором был опубликован перевод. Интернет-источники с изменчивым контентом без указания конкретного материала (кроме электронных изданий, поддающихся библиографическому описанию), блоги, форумы и т.п., а также авторские комментарии помещаются в подстрочных примечаниях (сносках). Ссылка на источник приводимого в качестве иллюстративного материала фрагмента чужого текста дается после примера в круглых скобках: *Надзор за деятельностью банков должен быть в надежных руках* (Независимая газета. 01.02.2016).

7. Статьи следует отправлять в редакцию через электронный портал «Научные журналы АлтГУ» по адресу: <http://journal.asu.ru/pm/information/authors>. К статье прилагается справка об авторе или авторах: фамилия, имя, отчество, место работы (полное название организации с указанием адреса и почтового индекса), должность, ученая степень, ученое звание, служебный и домашний адрес, номера телефонов / факса, электронная почта.

Наличие адреса электронной почты обязательно!

8. Статьи, оформленные с нарушением приведенных правил или плохо отредактированные, редакцией не рассматриваются.

9. Требования к оформлению текста статьи: 12 кегль, шрифт: Times New Roman, междустрочный интервал одинарный, абзацный отступ — 0,8 см. **Неосновной текст**, предваряющий статью (научное сообщение), состоит из следующих компонентов: и.о. фамилия автора (на русском и английском языках, выделяется полужирным), название (на русском и английском языках, выделяется полужирным), аннотации на русском и английском языках (1000 знаков с пробелами каждая); в аннотации указываются тема, цель, материал, методы, краткие результаты исследования). Далее следует **основной текст статьи**: название (на русском языке, прописными буквами, выравнивание по центру), и.о. фамилия автора (полужирным, курсивом, выравнивание по центру), ключевые слова на русском и английском языках (не более 6-ти на каждом языке, отступы слева и справа по 0,8 см., выравнивание по ширине), собственно текст, Библиографический список литературы (не менее 15 единиц) и References.

К статье прилагается справка об авторе или авторах: фамилия, имя, отчество, место работы (полное название организации с указанием адреса и почтового индекса), должность, ученая степень, ученое звание, служебный и домашний адрес, номера телефонов / факса, электронная почта.

Примечания:

1. Научные тексты, присылаемые аспирантами и соискателями ученой степени кандидата наук, должны отражать основные результаты исследования, соответствовать жанру научного сообщения и сопровождаться рекомендацией кафедры, при которой выполняется диссертационная работа (оформляется в виде выписки из протокола заседания кафедры), отзывом научного руководителя (с оценкой актуальности темы исследования, новизны полученных результатов, их теоретической и практической значимости) и рекомендацией к печати в журнале «Филология и человек». Сопроводительные документы (скрепленные печатью организации) сканируются и высылаются в редакцию по электронной почте.

2. Все материалы публикуются в журнале бесплатно.

Периодическое издание

ФИЛОЛОГИЯ И ЧЕЛОВЕК

№ 3 2026

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
Регистрационный номер ПИ № ФС77–81381 от 16.07.2021 г.

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Технический редактор Т. Б. Беломестнова
Подготовка оригинал-макета: Д. А. Басманова

Журнал распространяется по подписке
Подписной индекс с 36795 в каталоге Урал-Пресс
Цена свободная

Подписано в печать 15.09.2026.
Дата выхода издания в свет 23.09.2026.
Формат 60×84/16. Гарнитура Minion 3. Бумага офсетная.
Усл.-печ. л. 15,81. Тираж 500 экз. Заказ № 437.

Издательство Алтайского государственного университета
656049, Алтайский край, Барнаул, ул. Димитрова, 66
Издательская лицензия ЛР 020261 от 14.01.1997.
Типография Алтайского государственного университета 656049,
Алтайский край, Барнаул, ул. Димитрова, 66